ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ОЛИВЕРЪ КРОМВЕЛЬ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Соловьева.

Съ портретомъ Кромвеля, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1893.

Дозволено цензурою. Москва, 17 Января 1893 г.

ЮЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 25 СЕНТЯБРЯ 1892 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“ В. ПОДЪЯЧ., 39.

Кромвель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ВВЕДЕНІЕ 5

I. **ПЕРВЫЯ СОРОКЪ ЛѢТЪ** 12
Родъ и семья Кромвеля. — Дѣтство и юношество. — Религіозныя сомнѣнія. — Отношеніе къ кальвинизму и пуританизму. — Скромный сельскій джентльмэнъ. — Участіе въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ.

II. **БОРЬБА СЪ КОРОЛЕМЪ. АРМІЯ КРОМВЕЛЯ** 38
Долгій парламентъ. — Пресвитеріанская революція. — Индепенденты. — Армія парламента и армія Кромвеля. — Побѣды надъ королемъ. — Казнь Карла I.

III. **БОРЬБА СЪ ПАРЛАМЕНТОМЪ** 63
Развитіе радикальныхъ элементовъ революціи. — Уравнители правъ и уравнители состояній. — Люди пятой монархіи. — Походы Кромвеля въ Шотландію и Ирландію. — Борьба арміи съ парламентомъ. — Побѣда арміи надъ парламентомъ.

IV. **ПРОТЕКТОРАТЪ** 76
Кромвель становится протекторомъ. — Отношеніе къ роялистамъ и сектантамъ. — Заговоръ. — Парламенты Кромвеля. — Его деспотизмъ. — Перемѣна въ характерѣ. — «Счастливѣйшій день въ жизни».

Главнѣйшіе источники и пособія.

1) *Oliver Cromwell's* Letters and speeches with elucidations by T. Carlyle.

2) *Гизо.* „Исторія англійской революціи". 3 т. Спб. 1860 г.

3) *Gardinere.* „The first two Stuarts and the puritan revolution".

4) *Macaulay.* „History of England" v. 1.

5) *Ranke.* „Englische Geschichte vornehmlich im XVII Jahrhundert".

6) *Guizot.* „Collection" и пр.

7) *М. Ковалевскій.* „Родоначальники англійскаго радикализма". Статья въ «Русской Мысли». №№ 1—3. 1892 г.

ВВЕДЕНІЕ.

«Ближайшее потомство клеймило Кромвеля, какъ нравственное чудовище, а въ позднѣйшее время его прославляли, какъ величайшаго изъ людей».

Такъ говоритъ Ранке. Выражаясь точнѣе, можно сказать: XVII-ый вѣкъ ненавидѣлъ и презиралъ Кромвеля, XVIII-ый не понималъ его и только XIX-ый воздалъ ему должное. Иначе не могло и быть. Историки и люди XVII-го вѣка отнеслись къ Кромвелю, какъ люди партіи. Они охотно вѣрили всякимъ небылицамъ, которыя только разсказывались про него; они готовы были даже клеветать, чтобы какъ нибудь очернить память этого страшнаго и непонятнаго для нихъ человѣка, чьему слову еще такъ недавно вольно или невольно подчинялась вся Англія. Они упрекали Кромвеля въ распутной юности, грязныхъ болѣзняхъ, ханжествѣ и лицемѣріи. Они называли его сыномъ дьявола, узурпаторомъ и цареубійцей. Они не хотѣли признать въ немъ даже генія и съ удовольствіемъ распространялись о его поразительныхъ способностяхъ къ интригѣ. И не только роялисты, защитники трона и династіи Стюартовъ, поступали такъ—на Кромвеля возстали и тѣ, которые долго были его друзьями, т. е. искренніе республиканцы. И они осудили его, и для нихъ онъ былъ ханжой и лицемѣромъ. Не зная границъ своему раздраженію, враги Кромвеля дошли до послѣдняго безобразія и жестоко надругались надъ его трупомъ, разрывъ могилу, а историки XVII-го вѣка, подчиняясь взглядамъ и страстямъ партій, нагромоздили на его память такую массу клеветъ, что, повѣривши одной сотой изъ нихъ, слѣдовало бы искренне пожелать Кромвелю жесточайшаго адскаго огня во вѣки вѣковъ. Для XVIII-го вѣка первая англійская революція (1641 — 1661) и ея герой были непонятны. XVIII-ый

вѣкъ вѣрилъ въ разумъ, почиталъ разумъ, преклонялся только передъ нимъ. Онъ третировалъ религіозные интересы, которые были такъ дороги людямъ за столѣтіе передъ тѣмъ. Онъ смѣялся надъ словомъ *святость* и вездѣ, гдѣ только могъ или думалъ, что могъ, вмѣсто смиреннаго «вѣрую» ставилъ свое гордое «знаю». Онъ презиралъ фанатизмъ и фанатиковъ, вышучивалъ молитву и въ лицѣ многихъ и многихъ своихъ философовъ-моралистовъ склонялся къ мысли, что человѣкъ не можетъ руководиться въ жизни ничѣмъ другимъ, какъ разсудкомъ и эгоизмомъ. Очевидно, что Кромвель и его «святые» индепенденты не подходили подъ модное требованіе. Они были фанатиками, они вѣрили не только въ Провидѣніе, а еще и въ то, что Провидѣніе избрало именно ихъ для исполненія своихъ предначертаній. Они никогда не кичились разсудкомъ, а охотно подчиняли его высшей съ ихъ точки зрѣнія силѣ—силѣ экстаза, интуиціи, священнаго вдохновенія. Не такіе люди могли являться героями въ глазахъ философовъ и историковъ XVIII-го вѣка. Ему нужны были Ньютоны, Галилеи и Коперники; онъ восторгался формулой тяготѣнія и иронически, а иногда и съ раздраженіемъ говорилъ о религіозныхъ движеніяхъ, считая ихъ результатомъ происковъ ненавистнаго ему духовенства. Зато XIX-ый вѣкъ оказался на высотѣ своей задачи. Только въ этомъ столѣтіи исторія дѣйствительно стала наукой и добилась поразительныхъ успѣховъ. Строгая критика фактовъ и вѣротерпимость (въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова)—вотъ основа новыхъ историческихъ изслѣдованій. Стремленіе во что-бы то ни стало отдѣлаться отъ легендъ и басень, отъ всякой лжи внѣшней и внутренней, какъ бы ни льстила она національному самолюбію или поддерживала тотъ или другой партійный интересъ, и создаетъ науку. А это стремленіе существуетъ, и исторія въ XIX-омъ вѣкѣ можетъ гордиться имъ наряду съ любой изъ отраслей человѣческаго знанія. Поэтому-то такъ много развѣнчанныхъ героевъ, оказавшихся совсѣмъ не героями, а еще больше дѣятелей, которымъ воздано по дѣламъ ихъ, несмотря на мусоръ, наваленный на ихъ память клеветой и партійностью.

Девятнадцатое столѣтіе—за Кромвеля. Нѣкогда «чудовище нравственности» и сынъ Вельзевула, онъ нашелъ себѣ такого спокойнаго и справедливаго судью, какъ Ранке, такого восторженнаго и страстнаго адвоката, какъ Карлейль, такихъ краснорѣчивыхъ и даровитыхъ защитниковъ, какъ Маколей, Гизо и пр. Нѣтъ ни одного маломальски выдающагося историка, который сомнѣвался бы въ его величіи. А разъ величіе признано, то что еще остается признать по

крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ? Вѣдь Кромвель не мыслитель-теоретикъ, не спеціалистъ науки, не поэтъ или художникъ, это прежде всего практическій дѣятель, «born king of men», какъ называетъ его Карлейль. Говоря о его величіи, можно имѣть въ виду лишь величіе человѣка, взятаго во всемъ его цѣломъ, и общественнаго дѣятеля. Такъ и толкуется величіе Кромвеля, такъ и понимается оно. Глупыя басни о его безпутной юности никого теперь не интересуютъ. Гизо вѣритъ имъ, но упоминаетъ о нихъ въ двухъ строкахъ; Карлейль не вѣритъ имъ и опровергаетъ тоже въ двухъ строкахъ. Одинаково поступаетъ и Паули. Если-бы даже было доказано, что двадцатилѣтній Оливеръ Кромвель слишкомъ много пилъ виски, цѣлыя ночи напролетъ проводилъ за костями, нарушалъ сонъ мирныхъ гражданъ, распѣвая безпутныя пѣсни,—то его образъ нисколько бы не потускнѣлъ въ нашихъ глазахъ. Нельзя же на самомъ дѣлѣ соваться всюду съ аршиномъ буржуазной добродѣтели и плакаться о грѣхахъ двадцатилѣтняго юноши, который сталъ впослѣдствіи героемъ цѣлой исторической эпохи.

Лучше однако, пренебрегая частностями, сразу сговориться съ читателемъ на счетъ термина «величіе».

Терминъ этотъ старый, общеизвѣстный и общеупотребительный. Это не мѣшаетъ ему быть достаточно неопредѣленнымъ. Но вотъ, если не ошибаюсь, пункты, по поводу которыхъ всѣ должны быть согласны. Эти то пункты и составляютъ элементы величія, какъ оно понимается большинствомъ.

Во-первыхъ величіе немыслимо безъ вліянія. Эти двѣ величины прямо пропорціональны другъ другу; чѣмъ больше одно, тѣмъ и другое больше, и наоборотъ: при незначительномъ вліяніи человѣка на жизнь, говорить о его величіи будетъ совсѣмъ напрасно. Это простая сантиментальность, которая по всей вѣроятности украшаетъ людей. Но жизнь ея не знаетъ. Если угодно, жизнь въ этомъ случаѣ даже жестока и опредѣляетъ размѣръ величія математически правильно. Она прямо говоритъ: «велико лишь то, что выживаетъ», и въ этомъ случаѣ смѣшиваетъ величіе съ силой. Гомеръ былъ великій художникъ. Это очевидно. 100 поколѣній наслаждались уже его творческой фантазіей; 100, а вѣроятно и 1000 грядущихъ поколѣній еще будутъ наслаждаться ею. Недаромъ его поэмы называютъ безсмертными, все равно какъ безсмертными можно назвать діалоги Платона, драмы Софокла и Шекспира. Это «безсмертіе» есть высшая степень выживаемости, высшая степень той внутренней силы, которая позволяетъ продукту человѣческаго творчества оста-

ваться многозначительнымъ, несмотря на крушеніе царствъ, цивилизацій и даже угасаніе звѣздъ. Маленькое дѣло — мыльный пузырь; онъ родится, блеснетъ на солнцѣ, вызоветъ восторги дѣтей младшаго возраста и лопнетъ тихо и незамѣтно среди милліардовъ подобныхъ ему. Только великое остается, только оно «строитъ» жизнь. Вѣдь въ мысли генія и въ дѣлахъ его скрыта по истинѣ чудодѣйственная, вѣчно юная сила. Она не ржавѣетъ и не старится. Каждое новое поколѣніе подходитъ къ ней съ новыми требованіями, новой точкой зрѣнія, болѣе глубокимъ анализомъ и находитъ въ ней новое содержаніе, новую мощь и красоту. Она неизсякаема и свѣтитъ также величаво, также жизнерадостно, хотя бы сотни лѣтъ прошли уже со дня ея появленія.

Итакъ, сила *вліянія* на жизнь, сила выживаемости есть первый необходимый признакъ великаго.

Во-вторыхъ. Великое способно къ дальнѣйшему синтезу, къ дальнѣйшему развитію. Малое потому и мало, что оно ставитъ себѣ точку немедленно послѣ своего появленія на свѣтъ Божій. Оно не «угадало» жизни, ея дѣйствительныхъ, насущныхъ потребностей; оно не въ состояніи приспособиться ни къ какимъ условіямъ мѣста и времени — тѣмъ менѣе создать для себя нужныя условія и роковымъ образомъ обречено или на эфемерный блескъ, или чахоточное умираніе. Но вѣдь, чтобы выживать, надо развиваться. Это своего рода фатумъ, представляющійся величайшимъ счастьемъ для однихъ, величайшимъ несчастьемъ для другихъ, даже проклятіемъ, какъ напр. для Руссо. Но дѣло не въ счастьѣ и не въ несчастьѣ, дѣло въ необходимости, которой стоитъ только заговорить, чтобы умолкло все остальное. А «необходимость» жизни постоянно требуетъ новаго приспособленія, новыхъ формъ, движенія впередъ къ высшимъ въ сравненіи съ предшествующими образцами. Возьмете-ли вы идею любой науки, или идею нравственности, или человѣческое учрежденіе — безразлично, вы увидите, что ихъ жизнь заключается въ томъ, что они становятся шире, отвлеченнѣе, охватываютъ большій кругъ предметовъ, явленій и понятій, завоевываютъ себѣ бо́льшія права и бо́льшую власть. Они борятся и побѣждаютъ, и растутъ отъ своихъ побѣдъ. Но мы сказали, что великое выживаетъ, а чтобы выживать, надо обладать способностью къ дальнѣйшему синтезу и развитію. Ergo: великое обладаетъ ею.

Въ-третьихъ. Великое *практично.* Не безъ страха употребляю я это слово «практично», такъ какъ знаю, что многіе недолюбливаютъ его. Есть даже формула «непрактично, за то геніально».

Совсѣмъ неумная формула: геніальное, великое всегда практично. Сейчасъ объясню, какъ я это понимаю.

Исторія очень внушительно и неопровержимо говоритъ намъ, что въ жизни человѣчества столько же борьбы за настоящія, т. е. дѣйствительныя потребности бытія, сколько и погони за иллюзіями. Этихъ послѣднихъ—увы!—слишкомъ даже много, какъ въ существованіи отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ обществъ, цѣлыхъ народовъ. И поэтому какъ глубоко правъ былъ Сократъ, когда десятки и сотни разъ повторялъ свой излюбленный принципъ: «познай самого себя, свои силы и способности и опредѣли, къ какому дѣлу ты наиболѣе пригоденъ». Да, правда, вездѣ и повсюду слишкомъ много иллюзій. Точно разноцвѣтныя райскія птицы летаютъ онѣ мимо нашихъ глазъ, привлекая къ себѣ блестящими красками; точно призраки наполняютъ онѣ бытіе, и человѣкъ гонится за ними, уловляя неуловимыя тѣни, то спотыкаясь, то падая въ пропасть во время страстной погони за очаровательницей иллюзіей. Ея власть громадна. Возьмите искусство, литературу, жизнь. Отовсюду то самодовольныя и окрыленныя успѣхомъ, то блѣдныя, забитыя неудачей, загнанныя нуждой смотрятъ на васъ лица иллюзіонеровъ. Они не видятъ жизни, не хотятъ видѣть ее. Они видятъ, знаютъ, преслѣдуютъ мечту своего воображенія, свою idée fixe. Тотъ мнитъ себя дипломатомъ, тотъ—человѣкомъ войны; тотъ ставитъ себя рядомъ съ Ѳемистокломъ, тотъ—съ Александромъ Македонскимъ. У другого неменьшій зудъ писать исторію, затемняя—увы!—не уясняя ея... За томомъ томъ, страница за страницей и летитъ жизнь, пока смерть не скажетъ наконецъ своего властнаго: «довольно!», и воспаленное воображеніе не остынетъ въ ледяномъ холодѣ могилы... А развѣ народы не знаютъ иллюзій, развѣ не свойственно каждому изъ нихъ провозглашать себя величайшимъ и мудрѣйшимъ сосудомъ всякихъ доблестей?.. Возьмите потомъ цѣлыя историческія эпохи, стремленіе Карла V-го возстановить средневѣковую имперію, папства — быть въ XVI-омъ вѣкѣ тѣмъ-же, чѣмъ оно было въ XII-омъ, европейскихъ королей—основать европейскую монархію и т. д., и вы увидите, какъ много силъ и недюжинныхъ силъ потрачено на то, чтобы зачерпнуть ковшомъ отраженіе мѣсяца въ водѣ.

Великая мысль не—иллюзія. Рано или поздно она осуществима. Въ этомъ смыслѣ я и называю ее практичной, т. е. способной жить.

Въ-четвертыхъ. Великое играетъ въ жизни роль начала *объединяющаго*. Эта мысль настолько проста и элементарна, что я

лишь слегка остановлюсь на ней. Если не ошибаюсь, одинъ изъ греческихъ мудрецовъ сказалъ: «все то, что объединяетъ людей,—то благо», и въ этомъ смыслѣ великое можетъ быть названо благимъ. Психологическія основанія этой формулы очевидны, когда мы переходимъ къ конкретному случаю вліянія *героя* на толпу. Надо только замѣтить, что въ данномъ случаѣ я употребляю терминъ «герой» не въ научномъ, а въ карлейлевскомъ смыслѣ слова. Для Карлейля герой—прежде всего сила нравственная, для современной науки—сила иниціаторская вообще, въ нравственномъ смыслѣ безразличная. Поэтому-то связующимъ звеномъ между толпой и героемъ не можетъ быть простое подражаніе, а нѣчто высшее, нѣчто болѣе сложное и моральное. Герой науки вызываетъ людей къ поступкамъ вообще, герой Карлейля—только къ благороднымъ поступкамъ. Словомъ, сущность героизма и иниціаторства является у Карлейля осложненнымъ, болѣе узкимъ и одностороннимъ, но высшимъ по типу. Съ его героемъ по необходимости связано представленіе о «высокомъ» въ нравственномъ отношеніи.

Какимъ же образомъ это «высокое» исполняетъ объединяющую роль? Обыденная жизнь обыденнаго маленькаго человѣка даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ каждомъ изъ насъ живетъ любовь къ правдѣ, но далеко не каждый чувствуетъ это. У насъ есть въ глубинѣ души стремленіе къ справедливости, но оно затерялось среди сорныхъ травъ, оно придавлено и даже подавлено нашимъ алчнымъ себялюбивымъ «я». Мы зачастую, чуть ли не каждый день, чувствуемъ себя рабами собственныхъ страстей и похотей, но не знаемъ, какъ бороться съ ними: въ концѣ концовъ побѣждаютъ онѣ. И невольная грусть, невольное томленіе, или же совсѣмъ наоборотъ скотское самодовольство овладѣваютъ человѣкомъ, когда совсѣмъ перестаетъ бить въ немъ родникъ Вѣчной правды, занесенный иломъ и грязью. Увы!—кому изъ насъ не приходится ежеминутно убѣждаться въ собственномъ безсиліи? Это обидное безсиліе. Наша жажда правды и справедливости точно птица съ прострѣленнымъ крыломъ робко прячется въ тѣни густого кустарника и пугливо озирается по сторонамъ, ежеминутно вздрагивая и возбуждая невольное состраданіе. Очевидно, что не этой жаждѣ справедливости и добра приходится играть первенствующую роль. Какъ разъ наоборотъ: на сценѣ жизни воюетъ, кипятится, приходитъ въ отчаяніе, переживаетъ себялюбивые восторги—маленькое, не наполнимое, эгоистическое «я». Но стоитъ только человѣку свести свои заботы и свою дѣятельность къ его ублаготворенію, какъ онъ по необходимости ока-

жется въ тайной или явной враждѣ со всѣми своими ближними. Единство жизни можетъ конечно поддерживаться, но механически. Традиціи, привычка, личныя симпатіи, принудительная сила государства, соображенія собственной выгоды—вотъ обыкновенные факторы единенія, причемъ принудительные играютъ первенствующую роль. Однако исторія представляетъ намъ и другіе примѣры, другія зрѣлища. Мы часто видимъ, какъ человѣкъ свободно, хотя и непроизвольно, т. е. безъ всякаго внѣшняго принужденія, свое себялюбивое «я» подчиняетъ или даже приноситъ въ жертву высшему началу—любви къ Богу, стремленію къ справедливости. И удивительное дѣло—въ такомъ случаѣ онъ немедленно оказывается не во враждѣ уже, а въ плотной, неразрывной связи со многими и многими изъ себѣ подобныхъ. Появленіе героя, т. е. человѣка, въ которомъ *конкретно* воплотилось высшее начало, облегчаетъ этотъ процессъ. Человѣкъ слабъ, безсиленъ; родникъ Вѣчной правды, находящійся въ душѣ его, занесенъ иломъ и грязью. Мощное слово героя, непосредственная сила очарованія, съ какою онъ вліяетъ на каждаго, открываютъ этотъ родникъ, и онъ опять начинаетъ бить, но не съ прежней, а неизмѣримо большей силой. Обыденный смертный, сжившись съ героемъ, чувствуетъ, какъ поднялся онъ самъ въ глазахъ своихъ, какъ исчезли его робость и напряженное, болѣзненное животолюбіе. Правда, лично отъ своего «я» онъ отказался. Герой, какъ нѣчто грандіозное, очаровалъ и подавилъ его. Но что въ данномъ по крайней мѣрѣ случаѣ означаетъ отрѣченіе отъ своего «я»? Говоря картинно: сліяніе ручья съ моремъ, своей воли—съ высшей, своихъ неясныхъ стремленій—съ стремленіями ясными и опредѣленными, смутнаго предчувствія о правдѣ—съ полнымъ сознаніемъ ея. Въ этомъ рабствѣ—высшая свобода, такъ какъ оно не унижаетъ, не гнететъ, а выводитъ на ту высоту нравственной жизни, до которой не можетъ добраться лично самъ отдѣльный, маленькій человѣкъ. И тутъ только онъ убѣждается, что истинное единеніе между людьми возможно лишь при подчиненіи своего «я» высшему началу. Возлѣ героя образуется толпа, не въ смыслѣ количественной массы, а одухотвореннаго, живого и плотнаго цѣлаго.

Таковы элементы величія.

Но мы видѣли, что величіе признано за Кромвелемъ такимъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ, что было бы безполезно оспаривать его. Значитъ, въ дѣятельности лорда-протектора соединенныхъ королевствъ мы должны найти и выживаемость, и способность къ дальнѣйшему развитію, и практичность, и способность объ-

единять людей. Въ его личности, какъ личности героической, мы увидимъ непосредственную силу проникновенія и очарованія.

Ясно, о чемъ должна говорить намъ его біографія.

I.

Первыя сорокъ лѣтъ.

Родъ и семья Кромвеля.—Дѣтство и юношество.—Религіозныя сомнѣнія.—Отношеніе къ кальвинизму и пуританизму.—Скромный сельскій джентльмэнъ.—Участіе въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ.

Родъ Кромвеля не имѣетъ никакого отношенія къ лордамъ того же имени, которые въ XIV-омъ и XV-мъ столѣтіяхъ были сдѣланы перами. Но за то доказано его родство съ сильнымъ министромъ Генриха VIII-го, Томасомъ Кромвелемъ, графомъ Эссекскимъ, «молотомъ монаховъ» (malleus monachorum), безпощадно гнавшимъ святыхъ отцовъ, разрушавшимъ ихъ монастыри и безжалостно распродавшимъ съ молотка почти всѣ ихъ земли. Племянникъ Томаса, сэръ Ричардъ Вилльямъ, валіецъ и землякъ Тюдоровъ, swift riding man, какъ называетъ его Карлейль, т. е. «быстро разъѣзжающій человѣкъ», успѣлъ во время могущества своего знатнаго родственника и во время своихъ быстрыхъ разъѣздовъ отъ монастыря къ монастырю захватить нѣсколько хорошихъ имѣній и обогатиться. Паденіе старшаго Кромвеля не коснулось младшаго. Младшій уцѣлѣлъ, хотя его благодѣтель сэръ Томасъ и долженъ былъ сложить свою голову на плахѣ. Пришлось только разстаться съ быстрыми разъѣздами и поселиться на покоѣ въ благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ, находя безопасность въ собственномъ ничтожествѣ. Это впрочемъ и не было особенно скучно. Монастырскія имѣнія, хотя и несправедливо отнятыя, давали великолѣпный доходъ, занятія хозяйствомъ требовали много времени, охота и пиры доставляли достаточно развлеченій неизбалованному городской жизнью сельскому дворянину. Смуты и тревоги, нарушавшія покой высшей аристократіи или лондонскихъ гражданъ, не тревожили сэра Вилльямса; онъ преспокойно гонялъ зайцевъ во время казни Анны Болейнъ и умеръ, оставивъ прекрасно устроенное имѣніе своему сыну сэру Генри. Сэръ Генри, прозванный «золотымъ рыцаремъ», велъ роскошную жизнь; его игры славились на сто миль въ окружности;

онъ былъ веселъ, добродушенъ, гостепріименъ и ни въ комъ никогда не возбуждалъ недоумѣнія. Недоумѣніе появилось лишь послѣ его смерти, когда надо было упомянуть на могильной плитѣ о его дѣлахъ и заслугахъ. Сына сэра Генри звали Оливеромъ. «У него было много дѣтей, и онъ велъ роскошный образъ жизни», но Богъ съ нимъ! Братъ его Робертъ для насъ интереснѣе и то лишь потому, что сыномъ его былъ другой Оливеръ, родившійся 25-го апрѣля 1599 года на десятомъ году счастливой супружеской жизни сэра Роберта съ Елизаветой Стюартъ, маленькой, тщедушной женщиной, горделиво говорившей о своемъ родствѣ съ шотландскимъ королевскимъ домомъ Стюартовъ.

Изъ этого видно, что Кромвель былъ правъ, когда въ своей рѣчи, обращенной къ парламенту въ 1654 году, онъ сказалъ между прочимъ: «по рожденію я былъ джентльмэнъ, и если семья моя не пользовалась особенной извѣстностью, то не оставалась и въ темной неизвѣстности». Темной неизвѣстности дѣйствительно не было. Напротивъ даже. Отъ современныхъ хроникеровъ мы узнаемъ, что въ апрѣлѣ 1603 года король Іаковъ I, проѣзжая съ сѣвера, остановился на два дня у дяди Кромвеля и пожаловалъ его орденомъ. Сколькихъ хлопотъ и расходовъ обошлось дядѣ Оливеру королевское посѣщеніе, опредѣлить нельзя; извѣстно лишь, что послѣ этого матеріальное положеніе его сильно пошатнулось, за то онъ очень выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и «замѣтно сталъ говорить гораздо меньше». Что-же касается до маленькаго Кромвеля, то о впечатлѣніи, произведенномъ на него королевскимъ визитомъ, мы ужъ совсѣмъ не знаемъ. Услужливые историки увѣряютъ впрочемъ насъ, что въ одинъ прекрасный день королевская обезьяна схватила будущаго лорда-протектора и унесла его на вершину дерева, *къ сожалѣнію* не сбросила оттуда,—что въ другой, не менѣе прекрасный день маленькій Оливеръ подрался съ маленькимъ Карломъ, сыномъ Іакова, и по своей неотесанности разбилъ до крови носъ сопернику. Въ тѣхъ-же хроникахъ можно прочесть интересный разсказъ о томъ, что какая-то исполинская фигура являлась надъ колыбелью Кромвеля и, протягивая надъ нимъ руки, предсказывала ему, что онъ будетъ королемъ, и пр.

Образованіе Кромвель получилъ по тѣмъ временамъ вполнѣ приличное. Сначала родители отдали его въ школу къ пуританскому проповѣднику въ Гунтинъ-донѣ, гдѣ онъ научился грамотѣ и хорошо ознакомился со священнымъ писаніемъ. Потомъ самъ уже онъ отправился въ университетъ, и въ тотъ самый день, въ который

умеръ Шекспиръ (23 апр. 1616 г.), его имя появилось въ матрикулахъ сидней-суссекской коллегіи, куда поступали дѣти знатныхъ фамилій графства. Въ 1617 году умеръ его отецъ, и Кромвелю пришлось оставить коллегію и отправиться къ себѣ домой, чтобы помогать матери и сестрамъ по хозяйству. 18-ти лѣтъ онъ оказался такимъ образомъ во главѣ дома, что нисколько не помѣшало ему почувствовать, какъ недостаточно его образованіе. Желая его пополнить, онъ отправился въ Лондонъ и нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ занимался въ конторѣ адвоката, нисколько впрочемъ не мечтая о карьерѣ законника. Пребываніе Кромвеля въ Лондонѣ, первое по счету, является передъ нами изукрашеннымъ всевозможными фантастическими разсказами, въ которыхъ Кромвель фигурируетъ какъ кутила, игрокъ и распутный молодой человѣкъ вообще. Гизо этимъ разсказамъ вѣритъ; Карлейль съ презрѣніемъ упоминаетъ о нихъ. Какъ-бы то ни было, въ августѣ 1620 года мы застаемъ Кромвеля женатымъ на дочери дворянина, Елизаветѣ Бургеръ, благочестивой молодой миссъ, преданной пуританству. Женившись, Кромвель окончательно поселился въ имѣніи. Мы можемъ лишь догадываться, что онъ дѣлалъ тамъ, какъ распоряжался по хозяйству, какъ принималъ участіе въ дѣлахъ прихода, общины, графства, какъ училъ своихъ дѣтей молиться, какъ страдалъ и мучился, обуреваемый религіозными сомнѣніями. Подробности объ этомъ навсегда останутся тайной; несомнѣнно лишь то, что по примѣру своего отца, отнюдь не дяди, Кромвель жилъ очень скромно. Едва-ли онъ задавалъ пиры, едва-ли охотился. Интересъ его жизни сосредоточился совсѣмъ въ другой области; какой—сейчасъ увидимъ.

Я не знаю ничего болѣе поучительнаго, какъ муки геніальнаго человѣка, настойчиво ищущаго правды. Эти муки должны бы сдѣлаться достояніемъ исторіи. Мы знаемъ, что происходило съ Лютеромъ въ его юные годы, когда одинокій въ своей маленькой кельѣ онъ задумывался надъ вопросомъ о спасеніи своей души. Къ сожалѣнію мы слишкомъ мало знаемъ о томъ, что происходило съ Кромвелемъ. Но онъ страдалъ, возбуждая сильное безпокойство въ своей собственной семьѣ своей меланхоліей, своимъ мрачнымъ видомъ и припадками невыносимаго душевнаго отчаянія. Это были молчаливыя муки, слишкомъ однако сильныя, чтобы хотя смутный откликъ ихъ не дошелъ до насъ, несмотря на два съ половиной протекшихъ столѣтія.

Кромвель задумался надъ тѣмъ-же, надъ чѣмъ задумывались всѣ выдающіеся люди его времени, всѣ выдающіеся люди всѣхъ

временъ и народовъ. Одинъ, затерянный въ безпредѣльномъ пространствѣ бытія, стоя на удѣленномъ ему отъ природы и общества клочкѣ земли, съ своими мускулами, безсильными и ничтожными въ сравненіи съ могучими стихіями природы, своимъ разумомъ, только скользящимъ по голубому небесному своду, но не проникающимъ за него,—человѣкъ съ тоской спрашиваетъ себя, какъ-же связать свою личную жизнь съ жизнью мірозданія, какъ оправдать свои личныя радости, скорби, крохотную, но безконечно важную для него жизнь и безконечно страшную смерть? Есть великая тайна жизни, есть тревожные вопросы бытія и, отдавшись имъ, не получая на нихъ ни откуда никакого отвѣта, Кромвель не находилъ ни смысла, ни цѣли въ окружающей его обстановкѣ и въ собственныхъ своихъ занятіяхъ. Впродолженіи цѣлыхъ лѣтъ онъ жилъ изо дня въ день, не будучи быть можетъ въ состояніи отдать себѣ отчета въ тоскѣ, тѣснившей его грудь. Онъ сознавалъ лишь одно глубокое недовольство и томленіе, заставлявшее его опускать руки при одной мысли о какомъ-бы то ни было дѣлѣ. И онъ исполнялъ его механически, относясь къ нему или какъ отецъ семейства, которому во чтобы то ни стало надо заботиться о матеріальномъ достаткѣ, или просто по привычкѣ, не понимая, съ чѣмъ *высшимъ* въ жизни связано его дѣло, и мучаясь при мысли, что прекрасно можно обойтись и безъ него. Загадка жизни—«вѣчно тревожный и страшный вопросъ»—не давала покоя великому человѣку. Это загадка для каждаго, но большинство живетъ, почти не замѣчая ея. Кромвель-же искалъ отвѣта, быть можетъ безсознательно даже искалъ, напрягая всѣ свои могучія силы и гордо отказываясь найти успокоеніе въ общепринятыхъ формулахъ, съ которыми такъ легко живется обыкновенному смертному.

«Не завидуй великому человѣку,—говоритъ Карлейль:—его величіе въ страданіи». Отчасти это правда конечно, и привилегія генія оплачивается обыкновенно слишкомъ дорого. У него не хватаетъ того качества, которое такъ щедро раздается скупой природой направо и налѣво, не достаетъ самодовольства. Нѣтъ возможности, нѣтъ права и обзавестись имъ. Если и намъ-то достаточно пройтись по улицѣ, чтобы наткнуться на десятокъ непримиримыхъ противорѣчій, то сколько видно ихъ въ жизни проникновенному взгляду генія. Счастливое легкомысліе спасаетъ насъ отъ излишнихъ мукъ, иллюзія всегда на готовѣ, чтобы вызвать улыбку, надежду, притокъ бодрости. Но за привилегію генія приходится, повторяю, расплачиваться, и при томъ страшно дорогой цѣной.

«Міръ погрязъ въ грѣховности». Это такъ-же очевидно было для Кромвеля, какъ за сто лѣтъ до него было очевидно для Лютера и Кальвина. Обидное легкомысліе царитъ въ жизни большинства людей и, что гораздо хуже этого легкомыслія,—тамъ царятъ ложь и лицемѣріе. А между тѣмъ должна-же наступить смерть, долженъ наступить тотъ роковой часъ, когда человѣкъ будетъ призванъ отдать отчетъ во всемъ сдѣланномъ имъ здѣсь на землѣ. «На что-же опереться въ жизни, чтобы спокойно, безъ страха видѣть, съ какой головокружащей быстротой уходитъ день за днемъ и приближается могила?»

Нѣтъ даже ничего удивительнаго, если въ наиболѣе тяжелыя минуты Кромвель доходилъ до полноты отрицанія. На всѣ вопросы, задаваемые имъ бытію, онъ быть можетъ слышалъ роковое холодное молчаніе. «Это бываетъ часто съ религіозными натурами, пока не *нашли* они наконецъ безусловнаго основанія для своей мысли и дѣятельности—безусловной вѣры въ Бога».

Къ тому-же полнота отрицанія—національная «норманская» черта. Я позволю себѣ привести небольшую скандинавскую сагу. Богъ вѣсть, въ какомъ столѣтіи появилась она. Съ небольшими измѣненіями ея основная идея приложима и къ XVII вѣку. Она поможетъ намъ глубже заглянуть въ муки религіозно-настроенной, ищущей вѣры души.

Въ этой сагѣ рѣчь идетъ о путешествіи бога Тора. Послѣ долгихъ скитаній и странствованій богъ Торъ, могущественнѣйшій изъ боговъ, вооруженный своимъ молотомъ, легко обращающимъ въ прахъ и въ пыль гранитные утесы, приходитъ въ страну, населенную великанами. Тѣ ласково встрѣчаютъ его, подсмѣиваясь впрочемъ надъ малымъ ростомъ божества, и наконецъ предлагаютъ ему показать свою силу. Торъ соглашается, обиженный недовѣрчивостью и насмѣшками. Для начала ему даютъ рогъ и хотятъ, чтобы онъ въ три глотка опросталъ его. Торъ напрягается, каждый разъ вытягиваетъ онъ изъ рога столько, что «большая рѣка послѣ такого глотка раскрыла-бы свое ложе». Но странно—рогъ остается полнымъ попрежнему, и жидкость видна у самыхъ краевъ его. Торъ разгнѣванъ, гнѣвъ удесятеряетъ его силы, и онъ, еще болѣе могущественный, готовый побѣдить или умереть, выступаетъ на новое состязаніе. Онъ долженъ на этотъ разъ побороть какую-то старую плюгавую старушенку, столѣтнюю бабушку царя великановъ. Торъ охватываетъ ее своими желѣзными руками, онъ хочетъ приподнять ее, чтобы потомъ съ размаху бросить о земь. Но старушка не

поддается. Ноги Тора по колѣна уходятъ въ землю, а старушенка по прежнему стоитъ неподвижная и подсмѣивается надъ богомъ своимъ беззубымъ ртомъ. Тора обманули. Конецъ его рога былъ соединенъ съ моремъ; онъ боролся не съ бабушкой царя великановъ, а съ самою смертью, и смерть побѣдила его. Онъ въ гнѣвѣ на этотъ обманъ приподнимаетъ свой молотъ, чтобы отомстить, но вдругъ вся страна со всѣми людьми, замками и городами исчезаетъ передъ нимъ. Призраки—вотъ что окружали его, и призраки обманули его, сильнѣйшаго изъ боговъ.

Такъ и человѣкъ.

Онъ, какъ Торъ, совершаетъ геройскіе подвиги, изумляющіе другихъ; во имя самолюбія или любви къ истинѣ, или во имя долга наконецъ, онъ съ безумной расточительностью и вмѣстѣ съ тѣмъ безумной смѣлостью тратитъ свои силы. Но можно-ли вышить море? Можно ли побѣдить старушенку смерть? И противъ нея даже готовъ возстать человѣкъ, подгоняемый иллюзіями и полный самообольщенія, но приходитъ мгновеніе, и онъ убѣждается, что все были призраки, «никуда» пошли его силы, «ни къ чему» привели его стремленія. Какъ Торъ, приподнимаетъ онъ свой молотъ, чтобы отомстить за эту ложь—и это обманъ. Отомстить кому? Все исчезаетъ изъ его глазъ: вѣдь все было призракомъ, вся жизнь была имъ.

Такое душевное настроеніе является необходимой ступенью религіозной жизни *ищущаго* человѣка. Вѣдь вотъ, если-бы Кромвель взялъ и принялъ сразу готовыя формулы, онъ избѣжалъ-бы конечно тоски и томленія. Но ни духъ времени, ни его личная натура не позволяли уложить свою вѣру въ готовыя рамки. Величіе вообще избѣгаетъ ихъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ затронуты самые дорогіе въ человѣческой жизни интересы.

Между тѣмъ традиція семьи, воспоминанія дѣтства, общее направленіе свободолюбивой мысли толкали Кромвеля въ лагерь кальвинистовъ и пуританъ. Первый важный пунктъ, достигнутый имъ, былъ конечно тотъ-же самый, съ котораго началась дѣятельность Лютера. Надо было найти основанія для религіозной мысли. Принципъ реформаціи подсказалъ ему: это были «священное писаніе» и человѣческое «я».

Уже потому, что всѣ рѣчи и письма Кромвеля испещрены цитатами изъ священныхъ книгъ, можно заключить, что онъ долго и внимательно читалъ ихъ. Быть можетъ, какъ Лютеръ и Ноксъ, просиживалъ онъ за ними безсонныя ночи, обливаясь слезами. Онъ

вѣрилъ лишь въ то, что здѣсь истина, и что *собственный его* разумъ поможетъ ему понять ее.

Постепенно онъ склонялся къ кальвинизму. Но тутъ на первыхъ же порахъ его ожидала страшная вещь.

Какъ у человѣка XVII столѣтія, къ тому-же у кальвиниста, сомнѣнія Кромвеля имѣли спеціальную окраску. Ученіе Кальвина выросло изъ споровъ о благодати. Онъ довелъ эту догму до ея послѣднихъ логическихъ выводовъ. Онъ прямо раздѣлилъ человѣчество на двѣ части—на избранныхъ и осужденныхъ. Однимъ обѣщалъ онъ блаженство рая, другимъ—вѣчныя муки. Въ гордости своей мысли Кальвинъ отнялъ у Божества милосердіе, онъ оставилъ ему одно — справедливость вѣчную, безусловную. Эта справедливость предопредѣляетъ, кто изъ людей будетъ спасенъ, кто долженъ погибнуть. Предопредѣленіе неизмѣнно. «Осужденному» не идутъ въ прокъ ни добрыя дѣла, ни святое причастіе; избранному не вредятъ ни грѣхи, ни преступленія. Только избранный спасенъ будетъ. Кто-же изъ искреннихъ кальвинистовъ не мучился надъ вопросомъ, къ какой категоріи принадлежитъ онъ? Страшный мечъ предопредѣленія висѣлъ надъ нимъ, великая надежда на милосердіе Божества была отнята у него жестокимъ учителемъ. Въ этой части ученія Кальвина все страшно, все таинственно, все дышетъ холодомъ смерти и вѣчнаго осужденія.

И Кромвель мучился.

Обстоятельства, въ которыхъ находилась его родина, совсѣмъ не были таковы, чтобы придать ему бодрости. Томительно долго длилось малодушное правленіе Іакова Перваго. Англія терпѣла униженіе за униженіемъ, и, еще недавно полная славы и силы въ правленіе Елизаветы, она опустилась въ разрядъ ничтожныхъ европейскихъ державъ, на которую никто не обращалъ вниманія. Это вполнѣ заслуженное политикой Іакова презрѣніе оскорбляло каждаго англичанина. «Внутри» было ничуть не лучше, если не хуже еще. «Внутри» господствовалъ капризный и ребяческій деспотизмъ Букингэма и его креатуръ, и «впродолженіи уже многихъ лѣтъ никто не слыхалъ о справедливомъ приговорѣ судовъ». Самый тонъ жизни сравнительно съ тѣмъ, что было при Елизаветѣ, замѣтно понизился, и «Іаковъ какъ будто подѣлился своими недостатками съ подданными, ничуть не сдѣлавшись отъ этого добродѣтельнѣе». Этими недостатками были трусливое малодушіе, праздная жизнь, заботившаяся только о развлеченіяхъ, постоянная готовность ко лжи и лицемѣрію. Церковныя дѣла особенно тревожили вѣрующихъ.

Всякій знаетъ конечно, какъ появилась на свѣтъ Божій англиканская церковь. Она представляла изъ себя самый обидный компромиссъ между католицизмомъ и реформаціей. Отказавшись отъ римскаго папы, создавъ себѣ другого папу въ лицѣ короля, признавъ его главою въ дѣлахъ духовныхъ, она отдавала на его рѣшеніе всѣ свои колебанія. Корона отъ такого положенія дѣлъ выиграла очень много. Выигрышъ этотъ однако сопровождался значительными неудобствами. Компромисса вообще держаться очень трудно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ него хотятъ устроить что-нибудь постоянное и вѣчное. По самой сущности своей компромиссъ—соглашеніе временное, но встать на такую точку зрѣнія англиканская церковь не хотѣла ни за что. По примѣру католицизма, она разсматривала себя, какъ учрежденіе божественное, исходящее изъ воли Промысла. Это было по меньшей мѣрѣ дерзко, такъ какъ у всѣхъ на виду она появилась изъ воли не промысла, а Генриха VIII короля англійскаго, смертнаго во-первыхъ и во-вторыхъ ни въ коемъ разѣ не лучшаго изъ смертныхъ. Надо было обладать особенной тонкостью пониманія, чтобы сообразить, какимъ образомъ тѣ-же самые аргументы, которые отрицали абсолютную власть папы надъ церковью, могли служить защитой такой-же абсолютной власти, но уже не папы, а англійскаго короля. У честныхъ и искреннихъ людей такой тонкости пониманія не было, и уже съ самаго начала соглашеніе, устроенное Кранмеромъ, разсматривалось огромнымъ числомъ протестантовъ, какъ затѣя служить двумъ господамъ, какъ попытка соединить поклоненіе Господу съ поклоненіемъ Ваалу. Люди-же крайнихъ религіозныхъ убѣжденій совсѣмъ не были расположены подчиняться въ дѣлахъ вѣры какому-бы то ни было человѣческому интересу. «Они незадолго передъ тѣмъ, полагаясь на собственное истолкованіе священныхъ книгъ, возстали противъ католической церкви, сильной незапамятною древностью и общимъ согласіемъ. Необыкновеннымъ напряженіемъ умственной энергіи они свергли иго этого пышнаго и державнаго суевѣрія, и нелѣпо было ожидать, чтобы они непосредственно послѣ такого освобожденія терпѣливо подчинялись новой духовной тираніи. Давно привыкшіе при возношеніи священникомъ даровъ падать ницъ, какъ бы передъ присущимъ Богомъ, они научились теперь разсматривать мессу, какъ языческій обрядъ. Давно привыкшіе смотрѣть на папу, какъ на обладателя ключей земли и неба, они научились считать его звѣремъ, антихристомъ, человѣкомъ грѣха. Нечего было надѣяться, чтобы они непосред-

ственно перенесли на власть-выскочку то благоговѣніе, которое перестали оказывать Ватикану; чтобы они подчинили свое частное сужденіе авторитету англиканской церкви, основанной на одномъ лишь частномъ сужденіи; чтобы они побоялись отщепиться отъ наставниковъ, которые сами отщепились отъ папы. Легко понять негодованіе, какое должны были почувствовать сильные и пытливые умы, гордившіеся новоприобрѣтенной свободой, когда учрежденіе, которое многими годами было моложе ихъ самихъ, учрежденіе, которое на ихъ глазахъ постепенно получало свою форму отъ страстей и интересовъ двора, начало подражать надменной маперѣ Рима».

Такъ говоритъ Маколей о настроеніи пуританъ. Надо все же замѣтить, что и англиканская церковь сама не удержалась на первоначально занятой позиціи. Вражда ея къ римско-католическому ученію и благочинію постепенно значительно смягчилась, хотя въ этой-то враждѣ и заключался весь ея жизненный элементъ, все, что̀ давало ей право на существованіе. Являлась даже надежда на возможность полнаго примиренія, хотя-бы и не въ ближайшемъ будущемъ.

Все это приводило въ уныніе и негодованіе людей вѣрующихъ, кальвинистовъ, пуританъ и членовъ крайнихъ религіозныхъ сектъ. Даже намеки на возстановленіе епископской власти въ прежнемъ ея объемѣ и значеніи были ненавистны имъ, а при Карлѣ I (1623—1649) жизнь перестала ограничиваться намеками, и правительство, въ лицѣ архіепископа Лоуда, очень энергично стало готовиться къ примиренію съ Римомъ. Но это примиреніе было иллюзіей; чтобы осуществить его, надо было вычеркнуть три предыдущихъ столѣтія изъ исторіи Англіи и какимъ нибудь чудомъ или фокусомъ вырвать постепенно накоплявшуюся ненависть къ Ватикану, упорно и настойчиво переходившую изъ поколѣнія въ поколѣніе. Правительство искореняло ее жестоко. Тюремныя заключенія, варварскія казни, громадные денежные штрафы, все было пущено въ ходъ ради достиженія поставленной цѣли, и все это привело къ совершенно неожиданнымъ для Карла I-го и его министровъ результатамъ. Преслѣдованіе, которому подверглись отщепенцы, было довольно жестоко, чтобы раздражить, но недовольно жестоко, чтобы уничтожить ихъ. Оно не укротило ихъ до покорности, не разъярило до ненависти и упорства. Рядомъ съ лагеремъ недовольныхъ образовался постепенно лагерь непримиримыхъ, которому исторія назначила первую роль въ наступившей бурной эпохѣ.

Кромвель примкнулъ къ нему. Но это случилось не сейчасъ, не сразу. За нѣсколько страницъ мы оставили его погруженнымъ въ тяжелыя недоумѣнія, въ душевный маразмъ, отнимавшій у него всякую энергію. Какъ выбрался онъ изъ этого тяжелаго положенія? И здѣсь опять мы можемъ лишь догадываться, хотя и вообще процессъ возрожденія и обновленія души человѣческой настолько таинственъ и стихіенъ, что едва-ли есть слова для его выраженія.

Прошли годы исканія и къ счастію вмѣстѣ съ ними исчезли тоска и томленіе. Съ какимъ ужасомъ и негодованіемъ смотрѣлъ потомъ Кромвель на этотъ бездѣятельный и мрачный періодъ своей жизни, представлявшійся ему блужданіемъ по темной пещерѣ. «Но Богъ не оставилъ меня,—пишетъ онъ въ 1636 г.—Богъ снизошелъ въ сердце мое, и я буду прославлять Его за это, буду прославлять Его, говоря, что Онъ сдѣлалъ для моего сердца. Въ скудной и каменистой пустынѣ, гдѣ нѣтъ воды, Онъ далъ мнѣ росу». Стоитъ остановиться на одной фразѣ: «прославлять Бога моего», прославлять правдой жизни, откровеннымъ исповѣдываніемъ Его передъ лицомъ невѣрующихъ и передъ лицомъ другихъ, худшихъ еще,—лжевѣрующихъ... «Мой Богъ»... Это не католическій символъ Божества и не англиканскій символъ Его; это откровенное подчиненіе человѣческой личности Высшему началу жизни, Высшей справедливости, въ служеніи которой должна исчезнуть и поглотиться личная жизнь. Кромвель нашелъ спасеніе въ вѣрѣ, религіи, но эта его вѣра чужда какой-бы то ни было догмы. Онъ зналъ лишь своего Бога и, прославляя Его, отдавалъ Ему свою жизнь.

Съ этой поры двѣ великихъ идеи стали руководить Кромвелемъ въ его дѣятельности. Идея самоотреченія—во-первыхъ; идея вѣчной справедливости, которая должна и притомъ необходимо должна восторжествовать здѣсь, на землѣ,—во-вторыхъ. «И онъ былъ героемъ,—говоритъ Карлейль.—Сердцемъ своимъ чуялъ онъ ту истину, которая всегда и вездѣ является основаніемъ героизма и правды. Онъ говорилъ: Всемогущая справедливость управляетъ міромъ: хорошо сражаться на сторонѣ Бога и Его правды; слишкомъ нехорошо—на сторонѣ дьявола и его лжи».

Изъ своего душевнаго маразма Кромвель вышелъ бойцомъ. Передъ нами уже не скромный деревенскій джентльмэнъ, просто одѣтый, съ угловатыми манерами, рѣзкой рѣчью, обыкновенно молчаливый и очевидно непривыкшій вращаться въ приличномъ обществѣ; передъ нами съ этой минуты сильный общественный дѣя-

тель, который прекрасно знаетъ, чего онъ хочетъ и куда стремится. У Кромвеля былъ свой идеалъ церковнаго устройства; слишкомъ въ то-же время ясно онъ сознавалъ недостатки современной ему политической и общественной жизни. Одушевленный своей вѣрой, фанатически даже преданный ей, готовый ежеминутно жертвовать своей жизнью ради торжества излюбленныхъ идей, онъ ждалъ лишь минуты, когда обстоятельства позволятъ ему высказаться.

Что это за идеалы и что это за излюбленные герои—мы увидимъ мало по малу.

* * *

Въ срединѣ 1625 г. умеръ король Іаковъ I, и его мѣсто на престолѣ Англіи и Шотландіи занялъ Карлъ I.

Въ монархически управляемыхъ государствахъ вступленіе на престолъ новаго монарха знаменуетъ обыкновенно начало новой эры. «Эры» впрочемъ можетъ и не быть; во всякомъ случаѣ она ожидается, и ни на кого въ 1625 году подданные не возлагали такъ много надеждъ, какъ на того государя, котораго они еще не знали.

«Несправедливо было-бы отрицать,—говоритъ Маколей,—что Карлъ имѣлъ нѣкоторыя качества хорошаго, даже великаго государя. Онъ писалъ и говорилъ не такъ, какъ его отецъ, не съ точностью профессора, но такъ, какъ говорятъ и пишутъ умные и прекрасно воспитанные джентльмэны. Его вкусъ въ литературѣ и въ искусствѣ былъ превосходенъ; его манера, не будучи привлекательной, была преисполнена достоинства; домашняя его жизнь была безукоризненна. *Вѣроломство* было главной причиной его злополучій и остается главнымъ пятномъ на его памяти. Онъ былъ поистинѣ одержимъ неизлечимой склонностью къ темнымъ и кривымъ путямъ. Можетъ показаться страннымъ, что его совѣсть, которая въ маловажныхъ случаяхъ была достаточно чувствительна, никогда не упрекала его въ этомъ великомъ порокѣ. Но есть основаніе думать, что онъ былъ коваренъ не только по натурѣ и привычкѣ, но и по принципу. Онъ кажется научился отъ тѣхъ богослововъ, которыхъ наиболѣе уважалъ, что между нимъ и его подданными не могло быть ничего вродѣ взаимнаго договора; что онъ не могъ, если бы даже и хотѣлъ, отрѣшиться отъ своей деспотической власти; что во всякомъ его обѣщаніи было мысленное ограниченіе на счетъ того, что такое обѣщаніе могло быть нарушено въ случаѣ необходимости. Судьей этой необходимости Карлъ признавалъ лишь самого себя».

Какъ видно изъ приведенной характеристики Маколея, ни одинъ серьезный историкъ не думаетъ отрицать достоинствъ и дарованій Карла. Его даже очень хвалятъ за чистоту семейной жизни, за цѣломудріе, за литературный вкусъ. Къ сожалѣнію надо замѣтить, что время было смутное, и качествъ хорошаго джентльмэна не до-

ставало, чтобы быть хорошимъ королемъ. Стоитъ перечислить вкратцѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ исторія совсѣмъ произвольно и слишкомъ даже жестокосердно предоставила Карлу, королю Англіи и Шотландіи, чтобы понять всю трудность тогдашняго положенія.

1) Вопросъ церковный—самый трудный и самый непріятный. На сценѣ дѣйствовали, боролись, ненавидѣли другъ друга слѣдующія партіи: паписты, епископалы, старо-англикане, пресвитеріане, пуритане, броунисты-индепенденты, впослѣдствіи—уравнители. Изъ первыхъ трехъ группъ каждая тянула короля въ свою сторону. Пресвитеріане дѣлали частыя попытки придти съ нимъ къ какому нибудь соглашенію. Остальныя секты сразу заняли воинствующее положеніе. Это были непримиримые: одни—по принципу, какъ индепенденты, другіе—по необходимости, т. е. доведенные до этого жестокостями и преслѣдованіями. Для первыхъ четырехъ группъ центральнымъ вопросомъ былъ вопросъ о епископствѣ. Паписты признавали одного епископа-папу; епископалы смотрѣли на прелатовъ, какъ на священнослужителей, исполненныхъ особой божественной благодати; старо-англикане глядѣли на епископство, какъ на полезное, отнюдь не божественное учрежденіе. Пресвитеріане готовы были примириться съ чѣмъ угодно, лишь бы не было епископовъ. Остальные приходили въ бѣшенство при одномъ словѣ «епископъ». Самъ Карлъ, подобно отцу своему, былъ ревностнымъ епископаломъ. Онъ былъ сверхъ того, чѣмъ отецъ его никогда не былъ, ревностнымъ христіаниномъ и, не будучи папистомъ, предпочиталъ паписта пуританину. Несчастная звѣзда Стюартовъ очевидно руководила имъ въ выборѣ своихъ симпатій.

2) Въ политикѣ партій было неменьше. Расположимъ ихъ опять къ убывающимъ степенямъ преданности престолу и монархіи. Мы ихъ насчитываемъ 5: *абсолютисты*, какъ самъ Карлъ, какъ Страффордъ и еще нѣсколько лицъ, полагали, что надо найти нерушимое основаніе для деспотической королевской власти; *умѣренные роялисты*, впослѣдствіи кавалеры, лозунгомъ которыхъ было: король и Великая хартія вольностей; *пресвитеріанскіе политики*, все время страдавшіе по либеральной конституціи; *индепенденты*, не признававшіе никакой королевской власти, по-просту республиканцы; *уравнители* или анархисты. Но кромѣ вопроса о королевской власти, ея размѣрахъ, ея границахъ, ея правахъ и прерогативахъ, былъ еще другой, общій вопросъ въ области внутренней политики: въ 1629 году англійскій народъ съ удивленіемъ узналъ, что его представители, засѣдавшіе въ нижней палатѣ,

втрое богаче, чѣмъ перы королевства. Третье сословіе (буржуазія) очевидно выросло, и притомъ такъ сильно, что оно стремилось къ фактическому могуществу и хотѣло выразить его въ юридическихъ нормахъ. До сей поры оно играло роль меньшаго сына. Старшими были: перы королевства (палата лордовъ) и духовенство. Онъ потребовалъ первенства. Но уступить ему значило поступиться своими правами и привилегіями. Добровольно согласиться на это было трудно. Отсюда борьба, и такъ какъ нижняя палата разрѣшала налоги и снабжала правительство деньгами, то ясно,—стоя на какой позиціи, нижняя палата эту борьбу начала. Король требовалъ денегъ; палата требовала правъ. Король отказывалъ въ правахъ, палата—въ деньгахъ.

3) Вопросы внѣшней политики въ нашу программу не входятъ. Поэтому мы можемъ ограничиться лишь указаніемъ на то, что и тамъ ничего отраднаго не было. Народъ громко выражалъ негодованіе, что Англія утеряла весь свой престижъ и все свое значеніе въ Европѣ. Надо было ихъ поднять. Только къ несчастью не Карлу суждено было сдѣлать это.

Если читатель вдумается въ приведенныя трудности и приметъ еще во вниманіе, что въ XVII-омъ столѣтіи люди были нѣсколько экстансивнѣе сравнительно съ настоящимъ поколѣніемъ; что религіозная идея и даже религіозное одушевленіе, проникавшія собою жизнь большинства, давали вѣрующимъ несокрушимую силу; что малодушіе, вызванное спекуляціями (увы—не философскими), конкурренціей, ожесточенной и къ сожалѣнію рѣшительно ничѣмъ, кромѣ животолюбія, не осмысленной борьбой за существованіе,—было далеко не такъ распространено, какъ въ наше время; если, говорю я, читатель все это приметъ во вниманіе, то онъ согласится, что положеніе Карла Стюарта было не изъ лучшихъ, во всякомъ случаѣ не изъ блестящихъ. А тутъ еще «пристрастіе къ вѣроломству», вѣроломству, такъ сказать, принципіальному. Всякій разъ, какъ ему хотѣлось отдѣлаться отъ приставаній нижней палаты и получить съ нея деньги, онъ говорилъ: «soit fait comme il est désiré», т. е.—да будетъ сдѣлано, какъ вамъ это желательно, въ умѣ же своемъ прибавлялъ: «*пока* мнѣ это угодно». Это *пока* обошлось ему черезчуръ дорого.

«Карлъ никогда не дорожилъ друзьями, никогда не уважалъ своихъ враговъ». Карлъ вѣрилъ, что онъ защищенъ отъ всего—клеветы, неудачи, суда, несчастія. Поэтому то онъ никогда не заботился о пріобрѣтеніи себѣ сторонниковъ. Зато Карлъ не упу-

стилъ ничего, чтобы возбудить недовѣріе даже въ людяхъ преданныхъ.

Самое характерное—это конечно отношеніе Карла къ парламенту. Пусть читатель самъ судитъ о томъ по краткому изложенію, сдѣланному Маколеемъ. «Почти съ перваго-же дня по вступленіи на престолъ Карла началась та азартная игра, въ которой были поставлены на карту судьбы англійскаго народа. Парламентъ давалъ ему очень скудное количество субсидій. Онъ увидѣлъ необходимость управлять или *вмѣстѣ* съ палатой общинъ, или-же—вопреки всѣмъ законамъ. Его рѣшеніе не замедлило послѣдовать. Онъ распустилъ свой первый парламентъ и собралъ налоги собственной властью. Онъ созвалъ второй парламентъ, но нашелъ его несговорчивѣе перваго. Тогда онъ снова прибѣгнулъ къ средству распущенія, собравъ новыя подати безъ всякаго подобія законнаго права, и заключилъ предводителей оппозиціи въ тюрьму. Въ то же самое время новое оскорбленіе, которое, вслѣдствіе особенныхъ чувствъ и привычекъ англійской націи, было невыносимо тягостнымъ и которое всѣмъ прозорливымъ людямъ показалось страшнымъ предзнаменованіемъ,—возбудило общее неудовольствіе и смятеніе. Роты солдатъ были размѣщены по квартирамъ гражданъ, и военный законъ замѣнилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ древнюю юрисдикцію государства.—Король созвалъ третій парламентъ (1629 г.) и скоро замѣтилъ, что оппозиція была сильнѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ когда-либо. Тогда онъ рѣшился перемѣнить образъ дѣйствій. Вмѣсто того, чтобы оказывать требованіямъ палаты общинъ непреклонное сопротивленіе, онъ, послѣ долгихъ преній и многихъ уклоненій, согласился на мировую сдѣлку, которая—останься онъ ей вѣренъ—отвратила-бы цѣлый рядъ бѣдствій. Парламентъ назначилъ щедрыя субсидіи, а король утвердилъ знаменитый законъ, извѣстный подъ именемъ прошенія о правахъ. Этотъ законъ представляетъ собою вторую Великую хартію англійскихъ правительственныхъ формъ. Утверждая его, Карлъ обязался никогда впередъ не взимать податей безъ согласія палатъ, никогда впередъ не заключать никого въ тюрьму безъ соблюденія законнаго порядка и никогда впередъ не подчинять свой народъ юрисдикціи военныхъ судовъ.—День, когда королевская санкція послѣ многихъ отсрочекъ торжественно узаконила этотъ государственный актъ, былъ днемъ радости и надеждъ. На ликованія парламента откликнулись голоса столицы и націи; но черезъ три недѣли обнаружилось, что Карлъ вовсе не имѣлъ намѣренія соблюдать заключенное имъ условіе. Обнаружилось и еще нѣчто, гораздо

худшее: королевскій типографщикъ Нортонъ сознался, что на другой день по закрытіи парламента онъ получилъ приказаніе *измѣнить текстъ* билля, уничтожить всѣ экземпляры, заключавшіе въ себѣ настоящій королевскій отвѣтъ,—тотъ отвѣтъ, которымъ хвалился король, говоря: «я сдѣлалъ все, что отъ меня зависитъ; отнынѣ меня не въ чемъ болѣе упрекать». Между тѣмъ субсидіи, назначенныя представителями націи, были собраны. Обѣщанія, данныя королемъ, были нарушены. Послѣдовала жестокая борьба. Парламентъ былъ распущенъ со всѣми знаками королевскаго неудовольствія. Нѣкоторые изъ именитѣйшихъ членовъ были заключены въ тюрьму, и одинъ изъ нихъ, сэръ Эліотъ, пострадавши нѣсколько лѣтъ, умеръ въ заточеніи.—Карлъ однако не могъ рѣшиться взимать собственною своею властью подати, достаточныя для веденія войны. Поэтому онъ поспѣшилъ заключить миръ съ своими сосѣдями и съ тѣхъ поръ устремить все свое вниманіе на британскія государственныя дѣла. Тогда началась новая эра. Многіе англійскіе короли порою совершали противоконституціонныя дѣйствія; но ни одинъ не пытался систематически сдѣлаться деспотомъ и обратить парламентъ въ ничто. Такова однако была цѣль, которую Карлъ опредѣленно себѣ задалъ. Съ марта 1629 г. по апрѣль 1640 г. палаты не созывались. Никогда въ исторіи Англіи не было одиннадцатилѣтняго промежутка между парламентомъ и парламентомъ. Только однажды былъ промежутокъ, ровно въ половину короче. Одного этого факта достаточно для опроверженія тѣхъ, которые утверждаютъ, что Карлъ шелъ по слѣдамъ Плантагенетовъ и Тюдоровъ.

Свидѣтельствомъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ короля доказано, что въ этотъ періодъ его царствованія параграфы «Прошенія о правахъ» (Petition of Rights) нарушались имъ не случайно, а систематически и постоянно, что огромная доля государственнаго дохода взималась безъ всякаго законнаго основанія, и что лица, ненавистныя правительству, томились цѣлые годы въ тюрьмѣ, ни разу не будучи вызываемы въ судъ для защиты. Въ Англіи господствовалъ капризный и раздражавшій всѣхъ своей дерзкой самоувѣренностью деспотизмъ королевскаго любимца, герцога Букингэмскаго. Наконецъ «милордъ» былъ убитъ. Но отъ этого никому не стало легче, такъ какъ король, сдѣлавшись съ этого времени самъ своимъ первымъ министромъ, шелъ той-же дорогой. Въ Ирландіи хозяничалъ Вентвортъ, пытаясь во чтобы то ни стало создать постоянное войско, для поддержанія произвола. Церковное управленіе находи-

лось преимущественно въ рукахъ Вильяма Лоуда, архіепископа Кентерберійскаго. Несомнѣнно, что изъ всѣхъ прелатовъ англиканской церкви Лоудъ наиболѣе приблизился къ католицизму. Его страсть къ церемоніямъ, его уваженіе къ праздникамъ, повечеріямъ и священнымъ совѣтамъ, его дурноскрытое нерасположеніе къ бракамъ духовныхъ лицъ, горячая и не совсѣмъ безкорыстная ревность, съ какою онъ поддерживалъ притязанія духовенства на уваженіе мирянъ, сдѣлали бы его предметомъ отвращенія для кальвинистовъ, если бы даже онъ употреблялъ только законныя и благородныя мѣры для достиженія своихъ цѣлей. Но, упрямый и подозрительный, онъ всегда дѣйствовалъ чрезъ шпіоновъ. Каждый уголокъ государства подвергался назойливому и мелочному надзору; каждая небольшая сходка сепаратистовъ выслѣживалась и разгонялась. Даже религіозная жизнь частныхъ семействъ не могла укрыться отъ бдительности сыщиковъ Лоуда. Строгость его наводила такой страхъ, что смертельная ненависть къ церкви вообще скрывалась подъ личиною согласія съ господствующею религіею. На самомъ канунѣ роковыхъ службъ епископы различныхъ епархій доносили Лоуду, что въ ихъ вѣдомствахъ нельзя было найти *ни одного диссентера*—отступника.

Чтобы поддерживать свой деспотизмъ, Карлу надо было прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ. Суды за этотъ періодъ не оказывали подданному никакого покровительства противъ гражданской и церковной тираніи этого періода. Судьи общаго права были постыдно угодливы. Но при всей ихъ угодливости они были менѣе покорными и дѣйствительными орудіями произвольной власти, чѣмъ тотъ разрядъ судовъ, память о которыхъ доселѣ, по прошествіи цѣлыхъ двухъ столѣтій, внушаетъ націи глубокое омерзѣніе. Изъ числа судовъ главнѣйшими по могуществу и безчестности были Звѣздная палата и Верховная коммиссія, первая—политическая, а вторая—религіозная инквизиція. Ни та, ни другая не входили въ составъ древней англійской конституціи. Звѣздная палата была преобразована, а Верховная коммиссія утверждена Тюдорами. Власть, какою обладали эти суды до восшествія на престолъ Карла, была обширна и страшна; но въ сравненіи съ тою, какую они присвоили себѣ, она была совершенно ничтожна. Руководимые преимущественно жестокимъ духомъ Лоуда и освобожденные отъ парламентскаго контроля, они выказывали хищничество, насиліе, злобную энергію, неизвѣстныя предшествующимъ вѣкамъ. Съ помощью ихъ правительство имѣло возможность штрафовать, заключать въ

тюрьму, выставлять къ позорному столбу и изувѣчивать кого угодно безъ всякаго ограниченія. Отдѣльный совѣтъ, засѣдавшій въ Іоркѣ, былъ облеченъ, вопреки закону, почти неограниченною властью надъ сѣверными графствами. Всѣ эти судилища ругались и издѣвались надъ авторитетомъ закона и ежедневно совершали безчинства, которыя достойнѣйшіе роялисты горячо порицали. По словамъ Кларендона, въ государствѣ не было почти ни одного именитаго человѣка, не испытавшаго на себѣ жестокости и жадности Звѣздной палаты; Верховная коммиссія вела себя такъ, что у нея не осталось почти ни одного сторонника въ королевствѣ, а тиранія Іоркскаго совѣта, къ сѣверу отъ Трента, обратила Великую хартію въ мертвую букву.

Карлу не достовало лишь постояннаго войска, чтобы по власти и могуществу сравниться съ французскими королями. Онъ понималъ, что безъ этой опоры все его зданіе строится на пескѣ. Но гдѣ найти нужныя деньги или по крайней мѣрѣ благородный предлогъ этихъ новыхъ обложеній?

Лордъ хранитель печати, Фингъ, предложилъ собрать корабельную подать. Карлъ поспѣшно согласился на это. Древнее право англійскихъ королей было повидимому на его сторонѣ, но это только повидимому. Прежніе государи взимали корабельную подать лишь въ военное время; теперь-же она требовалась среди полнаго мира. Прежніе государи, даже въ пору самыхъ опасныхъ войнъ, взимали корабельную подать только вдоль береговъ; теперь же она требовалась съ внутреннихъ графствъ. Прежніе государи взимали корабельную подать только для морской защиты страны; теперь-же она требовалась, по сознанію самихъ роялистовъ, не для содержанія флота, а для доставленія королю субсидій, которыя онъ могъ-бы увеличивать по своему усмотрѣнію, до какой угодно суммы, и расходовать по желанію, на что́ заблагоразсудится.

Вся нація была встревожена и раздражена.

Тогда одинъ дворянинъ изъ графства Букингэмъ, по имени Джонъ Гэмденъ, близкій родственникъ Оливера Кромвеля, подалъ сигналъ національной оппозиціи. И прежде него многіе дѣлали такія-же попытки, но безъ успѣха. И они отказывались платить корабельный налогъ, требуя, чтобы дѣло было перенесено въ королевскій судъ, и чтобы имъ позволено было торжественно доказывать незаконность таксы и законность ихъ отказа; но дворъ всегда умѣлъ какъ нибудь отстранить эти пренія. Гэмдену же удалось сдѣлать такъ, что ему не отказали. Онъ заявилъ о своемъ полнѣйшемъ не-

желаніи уплатить 20 шиллинговъ, назначенныхъ на его долю, но заявилъ безъ гнѣва, безъ шума, заботясь единственно о томъ, чтобы право стало въ его лицѣ предметомъ торжественнаго суда. Въ темницѣ, куда его немедленно препроводили, велъ онъ себя также спокойно и скромно, требовалъ разбирательства, утверждая, что интересъ короля не менше связанъ съ законнымъ рѣшеніемъ такого вопроса. Король, обнадеженный недавнимъ увѣреніемъ судей, что въ случаѣ крайней необходимости корабельная такса можетъ быть признана законною, наконецъ согласился и даровалъ Гэмдену право суда. Адвокаты Гэмдена поддерживали его съ тѣмъ же благоразумiемъ, какое онъ самъ обнаружилъ, отзываясь о королѣ и прерогативахъ его власти съ глубочайшимъ уваженіемъ, избѣгая всякихъ восклицаній, всякихъ сомнительныхъ теорій, опираясь только на законы и исторію государства. Одинъ изъ нихъ, мистеръ Гольборнъ, даже нѣсколько разъ прерывалъ свою рѣчь, прося судей извинить его за энергію выраженій и предупредить, если онъ перейдетъ границы, предписанныя приличіемъ и закономъ. Сами коронные адвокаты хвалили Гэмдена за его скромность. Процессъ продолжался 13 дней. Втеченіи этого времени посреди всеобщаго раздраженія были обсуживаемы основные законы страны, и между тѣмъ защитникамъ ея правъ нельзя было сдѣлать ни единаго упрека въ увлеченіи или мятежныхъ замыслахъ. Доводы противъ притязаній короны были такъ сильны, что, несмотря на зависимость и раболѣпіе судей, большинство противъ Гэмдена оказалось незначительное (4 голоса). Все-же это было большинство, и 12-го іюня 1637 г. Гемденъ былъ осужденъ, чѣмъ Карлъ былъ очень доволенъ, полагая, что такимъ образомъ его абсолютизмъ одержалъ полную побѣду.

Однако онъ ошибался и даже очень сильно.

«Съ этой поры,—говоритъ Гизо,—народъ пересталъ ожидать чего-либо отъ властей и законовъ и, потерявъ надежду, пріобрѣлъ мужество. Недовольство до того времени, не имѣвшее ни единства, ни связи, сдѣлалось единодушнымъ. Дворяне, горожане, фермеры, купцы, пресвитеріане, сентаторы—вся нація была поражена этимъ приговоромъ. Имя Гэмдена было у всѣхъ на устахъ: вездѣ произносили его съ любовью и гордостью, ибо участь его была изображеніемъ участи народа, а его поведеніе дѣлало честь этому народу. Друзья и слуги короля едва осмѣливались отстаивать законность его побѣды. Судьи оправдывались и почти признавались въ своей низости, думая этимъ заслужить прощеніе...».

Начиналась революція.

Что-же ее вызывало? — Быть можетъ послѣ того, что сказано

выше, этотъ вопросъ покажется излишнимъ. Однако немаловажныя причины заставляютъ меня посвятить ему еще нѣсколько строкъ.

Замѣтимъ прежде всего, что и Гизо, и Маколей, говоря объ англійскомъ народѣ и націи, которая тревожится, раздражается, оппонируетъ и пр., грѣшатъ въ нѣкоторой неточности. Народъ собственно, т. е. масса населенія, все это время молчитъ и долго еще будетъ молчать. Процессъ Гемдена произвелъ на него по всей вѣроятности такое же впечатлѣніе, какъ приключившаяся въ томъ же году смерть китайскаго богдыхана. У народа, какъ мы это ясно увидимъ ниже, были свои заботы и интересы. А о политическихъ правахъ онъ не мечталъ. О нихъ мечтали низшее дворянство и буржуазія. Въ то время это были самые активные классы общества, страшно разбогатѣвшіе при Тюдорахъ и находившіе, что давно пора присвоить себѣ кое-какія права и преимущества, которыми до сей поры пользовались король, лорды и духовенство. Программа ихъ политической конституціи была проста и сводилась къ торжеству нижней палаты.

«Умъ ихъ (рѣчь идетъ о низшемъ дворянствѣ)—говоритъ Гизо—не занимали философскія теоріи, ученыя различія между аристократіей, демократіей и монархіей; единственнымъ идеаломъ ихъ была нижняя палата. Она въ ихъ убѣжденіи являлась представительницей дворянства и народа, древняго союза дворянства и націи; она одна въ прежнія времена защищала политическую свободу и одна была способна вновь завоевать ее. Говоря о парламентѣ, разумѣли только нижнюю палату. Законность и необходимость ея полновластія—вотъ идея, которая понемногу вкоренялась въ умахъ».

Въ дѣлахъ церковныхъ всѣ единодушно защищали реформу и такъ или иначе стремились возстановить первобытную чистоту церкви, забытую и уничтоженную за долгіе вѣка господства католицизма.

Но это не все, далеко не все. Остается еще многое, и это многое можно обобщить подъ терминомъ «человѣческаго достоинства».

Терминъ самъ по себѣ ясный, но каждая эпоха понимаетъ его нѣсколько по своему, особенно разъ зайдетъ рѣчь о размѣрахъ. Иногда люди довольствуются чрезвычайно малымъ, но все-же это малое нужно имъ не меньше, если не больше, чѣмъ хлѣбъ и вода. Негры на американскихъ плантаціяхъ покорно выносили удары кнутомъ, насиліе надъ своими женами и дочерьми, продажу своихъ дѣтей, но они приходили въ бѣшенство, когда ихъ называли собаками. «Женщины одного африканскаго племени, взятыя въ плѣнъ, не плачутъ и не жалуются на свою судьбу. Онѣ не протестуютъ

даже въ томъ случаѣ, когда ихъ не кормятъ цѣлыми днями. Онѣ совершенно нагія. Только позади на спинѣ у нихъ прикрѣпленъ пальмовый листъ средней величины. Кто хочетъ довести до бѣшенства этихъ несчастныхъ существъ, тому стоитъ только взять и вырвать у нихъ этотъ листъ. Тогда онѣ бросаются на землю, катаются въ страшной ярости и не хотятъ продолжать пути, не смотря на жестокіе удары плетью. Онѣ готовы лучше умереть, чѣмъ показаться другимъ безъ своего «украшенія»...»

Слѣдовательно, предѣлъ, за который не можетъ переходить издѣвательство надъ человѣкомъ, и попираніе его правъ, привычекъ, наклонностей, существуетъ, мѣняясь для каждаго человѣка и каждаго народа, каждой эпохи и каждаго поколѣнія.

«Уваженіе къ самому себѣ — величайшій даръ, полученный англичанами отъ своей исторіи». Хотя подобное самоуваженіе нерѣдко переходитъ въ самодовольство и, говоря вообще, отличается излишней дозой самоувѣренности, все-же это большая и серьезная сила. Англичанина трудно даже обмануть блескомъ побѣды и пріобрѣтеній, въ чемъ не разъ съ грустью приходилось убѣждаться лордамъ Мальборо, Веллингтону и Биконсфильду. Не смотря на лавры, англичанинъ будетъ требовать еще уваженія къ своему «я», а это свое «я» понимается имъ прежде всего, какъ существо самостоятельно мыслящее, чувствующее и даже дѣйствующее. Къ *этому* его пріучила исторія, и во имя этого онъ боролся съ папой, Плантагенетами, Тюдорами и Стюартами. Все равно какъ свой очагъ, такъ и свою личность онъ съумѣлъ защитить отъ слишкомъ произвольныхъ вторженій. Умѣлые правители, какъ напр. Елизавета, прекрасно это понимали и умѣли останавливаться во-время «возлѣ дверей частнаго дома». Въ этомъ между прочимъ тайна ихъ успѣха.

Англія управляется королемъ, палатой лордовъ, нижней палатой и еще сама собой. Это не острота, а сущая истина. Принципъ общиннаго самоуправленія нигдѣ не имѣетъ такого блестящаго историческаго прошлаго, какъ въ Англіи. Даже Вильгельму Завоевателю пришлось признать его. Онъ вошелъ въ плоть и кровь англійскаго законодательства. Подъ его знаменемъ совершалось все развитіе націи.

Словомъ, рядомъ съ государствомъ существуетъ общество.

Оно заявляетъ о себѣ постоянно. Стоитъ только странѣ встревожиться чѣмъ нибудь, какъ десятки и сотни добровольныхъ ассоціацій образуются въ городахъ и графствахъ. Въ одной изъ этихъ

ассоціацій между прочимъ началась дѣятельность Кромвеля. Въ древности эти ассоціаціи назывались гильдіями. Съ теченіемъ времени онѣ измѣнили свое наименованіе, но духъ ихъ остался. Этотъ духъ выражается въ одномъ словѣ—self-reliance (само-опора, самоподдержка).

Эта self-reliance—основа политической и *нравственной* жизни англичанина. Какъ нельзя лучше мирится она съ принципомъ добровольной ассоціаціи. Поэтому Ришельё и Людовикъ XIV никогда не могли появиться въ англійской исторіи. Они, особенно послѣдній, слишкомъ мало уважали человѣческую личность. Они всегда смотрѣли на нее, какъ на средство, одинъ—исключительно величія государства (grandeur d'état), другой—своего собственнаго («L'état c'est moi», говорилъ Людовикъ XIV, т. е.: государство это я).

Слѣдовательно, уважая самого себя, свою личность, англичанинъ уважаетъ прежде всего свою самодѣятельность, неприкосновенность своей личности. Защиту для нея онъ находитъ въ Великой хартіи вольностей (1215), въ «Прошеніи о правахъ» (1628), въ «Декларацiи правъ» (1688). Это—три столпа англійской конституціи.

Теперь понятно, до какой степени была *антинаціональна* политика Карла и его министровъ—Букингэма, Страффорда и Лоуда. Карлъ стремился къ произволу. Іоркскій совѣтъ и верховная коммиссія должны были обезличить политическую и общественную жизнь народа. Звѣздная палата—его духовную и религіозную жизнь. Какъ централизаторъ, Карлъ не могъ выносить, чтобы Шотландія была безъ епископовъ. Можно привести сотни примѣровъ, когда въ его управленіе королевская администрація незаконно вмѣшивалась въ жизнь общинъ. Первое столкновеніе Кромвеля съ правительствомъ произошло изъ-за *этого*. Особенно архіепископъ Лоудъ, примасъ Англіи, настаивалъ на однообразіи культа. Диссентеръ любого направленія и оттѣнка былъ непріятенъ ему, прежде всего какъ диссентеръ. Мы уже говорили, что шпіоны Лоуда врывались въ частные дома. Страффордъ задумывалъ учрежденіе постояннаго войска. Что-бы сталось тогда съ Великой хартіей, парламентомъ, self-reliance'омъ?

Англійская революція была такимъ образомъ защитой историческаго прошлаго, защитой національныхъ принциповъ. Мы увидимъ, что въ концѣ концовъ у ней появились и *новыя* цѣли, но эти новыя цѣли появились неожиданно для нея самой.

Еще одно слово на ту же тему о «достоинствѣ».

Деспотизмъ деспотизму розь. Деспотизмъ Карла, Букингама и Лоуда былъ одинъ изъ самыхъ невозможныхъ. Я уже говорилъ, что Елизавета Тюдоръ, не смотря на свои замашки завзятаго абсолютиста, умѣла останавливаться во-время и всегда соглашалась на уступку, разъ замѣчала, что нарушала завѣты историческаго прошлаго націи. Безъ нужды *частныхъ* вѣрованій, частной жизни Елизавета никогда не затрогивала. Но это еще не все. Елизавета умѣла воодушевлять людей на великія дѣла. Сама великая, она искала величія и цѣнила его. Она обладала чудной способностью генія— воодушевлять людей. «По ея слову всякій становится героемъ». Оттого-то даже тѣ, кто подвергался по ея приказанію позорной казни, поднимали на эшафотѣ свои отрубленныя руки съ крикомъ: во славу «нашей королевы». «Наша королева» была великій человѣкъ; каждый чувствовалъ это, каждый признавалъ за ней право держаться *своей* мысли, казнить и миловать. Капризная и себялюбивая, не могшая простить Марію Стюартъ, что та *красивѣе* ея, Елизавета такими дѣлами, какъ борьба съ Испаніей, оправдывала свой деспотизмъ въ глазахъ англичанъ. Да, оправдывала. И почему? Потому лишь, что она каждаго англичанина дѣлала *выше* въ его собственныхъ глазахъ. Наконецъ, когда она казнила своихъ враговъ, она никогда не издѣвалась надъ человѣкомъ.

Суть слѣдовательно не въ строгости, а въ томъ, во имя чего она? какъ и чѣмъ поддерживается? повышаетъ ли она человѣка, или понижаетъ его? Всякій согласится, я думаю, что цѣлая пропасть лежитъ между строгостью Петра Великаго и «курляндца» Бирона. Такая-же пропасть была между политикой Елизаветы и Карла Стюарта.

Елизавета вдохновляла людей на великое. Карлъ, Букингамъ, Лоудъ развращали. И что́ другое могли они дѣлать? Къ какимъ струнамъ человѣческаго сердца обращались они, чтобы создать себѣ сторонниковъ? Они подкупали ихъ. Чего они требовали, когда не могли добиться согласія? Лицемѣрія. И къ этому лицемѣрію ежеминутно и постоянно вынуждался человѣкъ, разъ онъ хотѣлъ добиться хотя ничтожнаго спокойствія въ своей личной жизни. Онъ долженъ былъ лицемѣрить даже въ кругу своихъ домашнихъ. Шпіоны Лоуда вторгались внутрь его семейнаго очага и требовали, чтобы человѣкъ лгалъ на своей вечерней молитвѣ, какъ лгалъ онъ, присутствуя съ благоговѣйнымъ видомъ на торжественной публичной мессѣ. Карлъ подкупалъ или по меньшей мѣрѣ старался всегда подкупить членовъ оппозиціи. Когда это ему не удавалось, онъ морилъ ихъ въ

тюрьмѣ, презирая ихъ, мучая ихъ, мстя имъ за то, что они—честные люди. До государственной точки зрѣнія онъ къ несчастью не возвышался никогда. У него всегда были *личные* враги, и онъ изобрѣталъ надъ ними всевозможныя издѣвательства. «Казни стали жестокими и *унизительными*, дѣло доходило до того, что прежде, чѣмъ оторвать уши приговоренному, его били по щекамъ!..»

За все время правленія Карла человѣкъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ онъ становится меньше и меньше. Елизавета доказала ему, что Англія—великая и могучая страна, которая имѣетъ право не только жить, но и первенствовать. Карлъ доказывалъ совершенно противное. При немъ Англія шла не въ счетъ. Елизавета всегда преслѣдовала великія цѣли и великіе замыслы. Импульсъ великаго передавался каждому подданному, и онъ съ восторгомъ сознавалъ это. Карлъ, Лоудъ плодили лицемѣровъ, ханжей, людей, спокойно торговавшихъ своей совѣстью. А ни о какихъ великихъ предпріятіяхъ они не думали.

Это печалило и раздражало всѣхъ. Тѣ, кто впослѣдствіи возсталъ на Карла, не могли пожаловаться, что ихъ грабятъ и доводятъ до нищеты. Напротивъ, подданные Карла богатѣли, и страна безъ затрудненія внесла бы двойныя и тройныя подати, въ сравненіи съ тѣми, какія налагались на нее правительствомъ. Не изъ за лишняго шиллинга шелъ споръ, шелъ споръ изъ за человѣческаго достоинства. Искренне оскорблялись пуритане, видя вторженіе папизма, искренне негодовалъ Гэмпденъ и люди, подобные ему, видя нарушеніе закона. У этихъ людей былъ Богъ, и они были послушны Ему. Какъ Кромвель, дали они клятву прославлять своего Бога передъ лицомъ невѣрующихъ и лже-вѣрующихъ, хотя-бы при этомъ пришлось пожертвовать самимъ собой. Но что́ божественнаго было въ политикѣ, проводившей настойчиво въ жизнь народа принципы ханжества и лицемѣрія?

* * *

Гдѣ-же былъ въ это время Кромвель и что́ онъ дѣлалъ? Увы!—почти незамѣтно должны промелькнуть передъ нами 12 или 13 лѣтъ его біографіи. Въ лѣтописяхъ человѣчества зачастую бываетъ легче найти подробности о жизни и смерти излюбленной собаченки какой нибудь знатной дамы, чѣмъ о мысляхъ, дѣлахъ и чувствахъ великаго человѣка.

Мы оставили его въ концѣ 1624 года или въ началѣ двадцать пятаго освободившимся отъ своего душевнаго маразма и увѣровав-

шимъ, что на землѣ можно жить, лишь исполняя волю Провидѣнія. Въ этой мысли онъ нашелъ свой душевный покой и постоянный стимулъ для дѣятельности. Въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ онъ несомнѣнно ближе всего подходилъ къ кальвинизму. Образъ сураваго Божества, нарисованный женевскимъ пророкомъ, непреклонно проводящаго въ жизнь людей идею высшей справедливости, требующаго постояннаго сокрушенія о своихъ грѣхахъ, постоянной борьбы со страстями и легкомысліемъ,—не давалъ покоя и Кромвелю. Но было-бы пожалуй слишкомъ смѣло называть его кальвинистомъ и только. Кальвинизмъ хотя и широкая, но все-же догма. Кажется, Кромвель съ самаго начала (впослѣдствіи-то ужъ несомнѣнно) перешелъ за ея границы, склоняясь все болѣе и болѣе въ сторону безусловнаго религіознаго индивидуализма. Своей жизнью онъ хотѣлъ прославлять своего Бога. Во всякомъ случаѣ онъ искренне сочувствовалъ пуританамъ, заботился о томъ, чтобы не распадались ихъ общины, жертвовалъ деньги на содержаніе проповѣдниковъ. Увѣряютъ даже, что возлѣ Эли все еще сохранилась часовня, гдѣ проповѣдывалъ онъ самъ...

Несомнѣнно, что онъ внимательно слѣдилъ за общественной и политической жизнью своей страны. Даже за это время его имя встрѣчается обыкновенно наряду съ именами Пима, Гэмдена и другихъ, имъ подобныхъ. Онъ не могъ не интересоваться процессами Прэна, которому оторвали (не обрѣзали, а оторвали) уши на публичной площади, какъ вору и мошеннику, за неодобреніе системы Лоуда,—Гэмдена, не могъ не слѣдить за ними, затаивъ дыханіе, не могъ не спрашивать себя, чѣмъ и когда все это кончится. Существуетъ легенда, будто въ одинъ туманный день будущіе вожди парламента и арміи—Пимъ, Гэмденъ, Кромвель—готовы были сѣсть на корабль и переселиться, по примѣру многихъ своихъ единовѣрцевъ, въ Америку, до того трудно дышалось имъ воздухомъ старой Англіи, зараженнымъ ханжествомъ и насиліемъ. Легенда прибавляетъ, что чиновники короля, внезапно явившись, не допустили корабль выйти изъ порта. Напрасно не допустили... если это не легенда.

Впрочемъ кое-что и не легендарное мы знаемъ изъ жизни Кромвеля за этотъ долгій (1624—1637) и темный періодъ. Это «кое-что» сводится къ слѣдующему:

Въ мартѣ 1628 года граждане родного города избрали Кромвеля депутатомъ въ третій, сильно оппозиціонный, парламентъ. Такимъ образомъ онъ въ Вестминстерѣ подавалъ голосъ за «Прошеніе о правахъ»,—эту, какъ помнитъ читатель, жалобу на склонность кли-

ра къ папизму и на покровительство, оказываемое дворомъ іезуитамъ. 11 февраля 1629 г. онъ говорилъ свою первую рѣчь въ религіозной коммиссіи. Уже давно велъ онъ борьбу съ англиканскимъ духовенствомъ; давно желалъ онъ распространить въ общинахъ и повсюду чтеніе Библіи и свободное толкованіе ея; онъ смѣло упрекнулъ своихъ враговъ въ ханжествѣ и нарисовалъ яркую картину лицемѣрія и низкопоклонства, существовавшихъ въ жизни клира. «Если таковы—воскликнулъ онъ въ заключеніи—въ церкви ступени для полученія мѣстъ и повышеній, то чего мы можетъ ожидать впослѣдствіи?» Для показаній противъ одного изъ злѣйшихъ епископовъ онъ предлагалъ пригласить въ качествѣ свидѣтелей благочестиваго Ворда, но этому помѣшало закрытіе парламента, распущеннаго 2 марта 1629 г. со всѣми знаками королевскаго неудовольствія.

Послѣ этого Кромвель опять вернулся къ своимъ пенатамъ и провелъ въ деревенскомъ уединеніи цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ (1629—1640). Какъ видно изъ документовъ, онъ былъ не мало времени мировымъ судьею и велъ борьбу съ правительствомъ за нарушенныя послѣднимъ привилегіи общиннаго самоуправленія. Потомъ онъ «осушалъ болота», занимался хозяйствомъ, скорбѣлъ, глядя на охватившую все государство реакцію, помогалъ пуританамъ деньгами, совѣтомъ... но мы стали бы совершенно напрасно искать какого нибудь блестящаго событія въ его жизни за всѣ эти утомительно долгія 11 лѣтъ.

Такого блестящаго событія не было.

По этому поводу Карлейль предается многимъ небезъинтереснымъ размышленіямъ. Ничто не мѣшаетъ и намъ хотя вкратцѣ познакомиться съ ними. Великій историкъ отмѣчаетъ въ своемъ излюбленномъ героѣ одну любопытную черту, именно скромность. Надо согласиться, что Кромвель на самомъ дѣлѣ отличался ею. Не та конечно эта скромность, про которую въ прописяхъ сказано, что она украшаетъ дѣвъ и юношей. Это скромность силы, высокой и серьезной, которая утеряла свое тщеславіе, слившись съ громаднымъ и всецѣло поглотившимъ ее дѣломъ. Въ дѣйствительно великомъ человѣкѣ не можетъ быть нетерпѣливаго желанія выдвинуться, нетерпѣливаго и настойчиваго ожиданія, чтобы заслуги его немедленно были признаны и вызвали соотвѣтствующіе восторги. Въ изрѣченіи Бюффона: «геній это терпѣніе»—если не все, то многое справедливо, и въ такомъ случаѣ, кто терпѣливѣе Кромвеля?—Природа предназначала его занять первое мѣсто среди людей.

Она предопредѣлила ему власть королей и императоровъ, власть героя надъ преданной и покорной ему толпой. И когда насталъ часъ, онъ конечно не отказался отъ нея. Но до наступленія этого часа онъ скромно удовлетворялся незначительной дѣятельностью въ предѣлахъ своего прихода. А между тѣмъ недюжинныя силы кипѣли въ немъ. Быть можетъ и тоска его юности была отчасти вызвана этимъ страшнымъ несоотвѣтствіемъ между геніальными дарованіями и незамѣтной участью деревенскаго дворянина. Кромвель примирился на *принципѣ*. Этотъ принципъ былъ абсолютенъ. Прославленіе Бога возможно и не на широкой исторической аренѣ; широкая историческая арена не могла появиться безъ стеченія счастливыхъ случайностей. Не каждый день выпадаютъ онѣ, и Кромвелю пришлось ожидать ихъ 44 года! Однако онъ не будировалъ и не уходилъ отъ жизни. Честный семьянинъ, онъ былъ въ то-же время честнымъ гражданиномъ...

Маколей говоритъ про него: «онъ былъ воспитанъ для мирныхъ занятій». Не видно, чтобы честолюбіе съѣдало его, чтобы лавры политика или дипломата не давали ему спать по ночамъ; видно зато, что никогда ни о какомъ протекторатѣ надъ Англіей онъ не мечталъ и мечтать не могъ. Но развѣ онъ сидѣлъ сложа руки и плакался «на рѣкахъ вавилонскихъ»? Скромность позволяла ему браться за самыя маленькія дѣла, лишь бы великъ былъ принципъ. А вѣдь онъ можетъ отражаться даже въ защитѣ общинныхъ привилегій, какъ отражается «солнце въ малой каплѣ водъ»...

Особенно любопытны тѣ мотивы, тѣ свойства, которыхъ Кромвель всегда искалъ въ людяхъ и, найдя ихъ, наиболѣе цѣнилъ. Здѣсь было-бы очень удобно сравнить его съ Наполеономъ. Послѣдній выступилъ на міровую сцену смѣло и дерзко, провозгласивъ свою знаменитую формулу «la carrière est ouverte aux talents» (карьера открыта для талантовъ). У него также было фанатически преданное войско; но чѣмъ возбуждалъ онъ его къ геройскимъ подвигамъ, настоящимъ подвигамъ титановъ? Обаяніемъ своей личности? Прежде всего этимъ. А дальше? чувствомъ долга? Нѣтъ. Наполеонъ говорилъ имъ о славѣ, о деньгахъ, о наградахъ; онъ напоминалъ, что сорокъ вѣковъ смотрятъ на нихъ съ высоты пирамидъ; онъ настойчиво вызывалъ къ жизни чувство успѣха, славолюбіе. Не такъ поступалъ Кромвель. Никогда не мечталъ онъ о всемірномъ владычествѣ, даже мысль о немъ не грезилась ему. Имѣя въ своемъ распоряженіи громадную силу, онъ сравнительно мало вмѣшивался въ европейскія дѣла. Онъ самъ проповѣдывалъ сво-

имъ солдатамъ. Онъ говорилъ имъ о царствѣ Вѣчной Справедливости, о торжествѣ истины и вѣры надъ ложью и идолопоклонствомъ. Посылая ихъ на смерть, онъ звалъ ихъ исполнить свой долгъ. Не въ личномъ счастьѣ человѣка искалъ онъ оправданія для его поступковъ и не къ личной пользѣ обращался онъ, когда надо было подвигнуть на общее дѣло. Мысль о чемъ-то другомъ, безконечно высшемъ, ни на минуту не покидала его—то была мысль о вѣчности. Ей-то человѣкъ долженъ принести въ жертву самого себя, и она обращаетъ его жизнь въ долгъ. И онъ самъ всегда шелъ впереди всѣхъ, не боясь отвѣтственности. Первый на полѣ битвы, первый въ битвѣ жизни, онъ первый принималъ удары судьбы, и глубокой складкой легло страданіе на его чудномъ лицѣ—лицѣ генія.

II.

Борьба съ королемъ. Армія Кромвеля.

Долгій парламентъ. — Пресвитеріанская революція. — Индепенденты. — Армія парламента и армія Кромвеля.—Побѣды надъ королемъ.—Казнь Карла I.

Такъ какъ я очевидно не имѣю ни малѣйшей возможности подробно излагать исторію Англіи, то читатель извинитъ меня за краткость, съ какою я буду останавливаться на событіяхъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ жизни Кромвеля.

3-го ноября 1640 года сошлось въ Вестминстерѣ большое и торжественное собраніе, сдѣлавшись потомъ извѣстнымъ въ исторіи подъ названіемъ «долгаго парламента». Только исключительныя обстоятельства заставили Карла обратиться къ нему за помощью. Цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ правилъ онъ безъ парламента, пока несчастная звѣзда не впутала его въ войну съ Шотландіей. Въ этой странѣ Карлъ во что бы то ни стало хотѣлъ водворить епископовъ. Къ сожалѣнію, шотландцы не только не согласились на это, а взялись за оружіе, разбили королевскія войска и теперь, 3-го ноября 1640 г.; стояли въ сѣверныхъ графствахъ, ожидая уплаты обѣщанныхъ имъ денегъ и грозя въ противномъ случаѣ двинуться на Лондонъ. Обстоятельства, какъ видитъ всякій, критическія, но Карлъ все еще не терялъ своей самоувѣренности. Ему хотѣлось во что бы то ни стало добиться немедленно вотированія выдачи денегъ. Но парламентъ предпочелъ сперва заняться «собственными

дѣлами», понимая, что теперь на его сторонѣ такіе шансы, какіе могли-бы не представиться никогда больше. Не было возможности распустить его, такъ какъ, повторяю, шотландцы грозили Лондону.

Парламентъ не терялъ времени. 11-го ноября Пимъ, ставшій съ самаго начала во главѣ собранія, обвинилъ Страффорда — правую руку короля — въ его абсолютныхъ стремленіяхъ, въ государственной измѣнѣ. Въ сущности обвиненіе было несправедливо, но оно сразу говорило о томъ, чего хочетъ добиться нижняя палата и какой политики она намѣрена держаться. Это была политика войны. Ея принципъ, какъ всегда, гласилъ: «à la guerre comme à la guerre». Не смотря на блестящую защиту, смутившую самыхъ непримиримыхъ враговъ, 12-го мая 1641 года Страффордъ взошелъ на эшафотъ. Онъ умеръ, какъ умираютъ герои.

Казнь Страффорда послужила какъ бы сигналомъ къ междуусобной войнѣ. Сильно и быстро наносилъ парламентъ одинъ ударъ за другимъ. Имѣя позади себя постоянную угрозу—шотландскую армію, онъ заставилъ короля въ февралѣ согласиться на билль, въ силу котораго выборы въ палату должны были отнынѣ совершаться по крайней мѣрѣ разъ въ три года, даже въ томъ случаѣ, если бы король не находилъ нужнымъ съ своей стороны созывать парламентъ. Въ маѣ король подписалъ постановленіе, что существующій парламентъ не можетъ быть распущенъ безъ собственнаго согласія; нижняя палата, благодаря этому, захватила въ свои руки диктатуру. Вскорѣ затѣмъ корабельный налогъ былъ объявленъ незаконнымъ; пошлина съ привозимыхъ товаровъ отнынѣ могла взиматься лишь съ согласія парламента. Существованію Звѣздной палаты и Верховной коммиссіи былъ положенъ конецъ, вслѣдствіе чего король лишился права прибѣгать къ какимъ-бы то ни было экстраординарнымъ сборамъ, безконтрольно производить расходы и заключать своихъ подданныхъ въ тюрьму безъ предварительнаго разслѣдованія дѣла обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ.

Къ іюлю все было окончено, иными словами: къ іюлю даже тѣнь власти была отнята отъ короля. Въ августѣ подписали договоръ съ шотландцами, заплативъ имъ большія деньги. Спрашивается, почему-же нижняя палата не считала себя удовлетворенной? Чего хотѣла она еще? Она хотѣла залоговъ, ручательствъ, обезпеченій. Могла ли она довѣрять Карлу? Невозможно было предположить, что онъ согласится навсегда лишиться той власти, на которую его пріучили смотрѣть, какъ на принадлежащую ему вполнѣ и безраздѣльно. Онъ пожалуй не сталъ бы нарушать тѣ законы, которые установились

съ его же согласія; но существовали сотни косвенныхъ путей, на которыхъ онъ могъ-бы собрать уцѣлѣвшіе остатки королевской власти съ тѣмъ, чтобы попытаться еще разъ подчинить Англію своей тираніи.

Оттого-то парламентъ не расходился, а продолжалъ наступать все настойчивѣе. Еще въ мартѣ былъ предложенъ билль объ устраненіи вмѣшательства епископовъ въ свѣтскія дѣла. Верхняя палата рѣшительно отвергла его. Это подстрекнуло нижнюю къ борьбѣ. Она отвѣчала биллемъ, въ которомъ требовалось совершенное уничтоженіе епископскаго достоинства въ англиканской церкви. Это показалось слишкомъ рѣзкимъ и радикальнымъ. Вокругъ короля стала смыкаться партія умѣренныхъ, и кто знаетъ, если бы въ эту минуту ему удалось вселить въ своихъ подданныхъ вѣру, что онъ искренне подчинялся новому порядку вещей,—все пошло бы хорошо, для него по крайней мѣрѣ. Но подобной вѣры Карлъ никогда внушить не могъ и не хотѣлъ. Къ тому-же несчастная звѣзда Стюартовъ и теперь была противъ него. Увѣряютъ даже, что въ этомъ году она блестѣла особеннымъ кровавымъ блескомъ...

1-го ноября 1641 г. по Лондону разнесся тревожный слухъ, что въ сѣверной части Ирландіи вспыхнуло возстаніе. Говорили объ ужасныхъ жестокостяхъ, совершенныхъ инсургентами. Вся Англія вѣрила, что женщинъ раздѣвали до-нага и морили холодомъ и голодомъ,—что другихъ топили въ рѣкѣ,—что невинныхъ дѣтей топили также безчеловѣчно, какъ и взрослыхъ,—что тѣ, которымъ удавалось спастись отъ меча и палицы ирландскихъ дикарей, странствовали безъ пріюта по разнымъ трущобамъ до тѣхъ поръ, пока смерть не полагала предѣла ихъ страданіямъ. Наименьшую цифру жертвъ, погибшихъ за это время, Англія опредѣляла въ 30 тысячъ.

И по всей странѣ пронесся призывъ къ мщенію,—озлобленный, безпощадный. Но къ чувству негодованія примѣшивалось недовѣріе къ королю. Вѣдь онъ дѣлалъ очень странныя вещи въ Шотландіи (въ это время онъ былъ тамъ); отчего-бы ему не дѣлать тогоже и въ Ирландіи? Возможно ли отдать въ его распоряженіе армію для подавленія ирландскаго возстанія? Развѣ нѣтъ тысячи основаній предположить, что онъ прежде всего употребитъ ее на сокрушеніе англійскаго парламента? Конечно въ этихъ предположеніяхъ было много преувеличеннаго, но имъ вѣрили, и къ сожалѣнію имѣли полное основаніе вѣрить.

Какъ бы то ни было, парламенту пришлось объясниться. Онъ

долженъ былъ открыть націи причины, почему онъ устраняетъ Карла отъ его законнаго мѣста во главѣ арміи. Вслѣдствіе этого появилась такъ называемая «генеральная ремонстрація»—Grande Remonstrance. Это было подробное изложеніе дѣйствій Карла съ самаго начала его царствованія. 14-го декабря оно была напечатано и прочитано Карлу. Онъ выслушалъ его, презрительно усмѣхаясь.

До сей поры, какъ видѣлъ читатель, король игралъ чисто пассивную роль. Онъ отдалъ Страффорда, какъ искупительную жертву, въ руки нижней палаты; онъ молчаливо переносилъ арестъ Лоуда и его тюремное заключеніе; онъ подписывалъ билли, почти не протестуя противъ нихъ. Ожиданіе той минуты, когда сила опять окажется на его сторонѣ и будетъ возможно презрительно отказаться отъ всѣхъ данныхъ обѣщаній и обязательствъ, какъ вынужденныхъ, придавало ему бодрости. И онъ терпѣлъ. Теперь-же, когда поѣздка въ Шотландію убѣдила его, что тамъ у него много сторонниковъ, когда по возвращеніи въ Лондонъ народъ привѣтствовалъ его радостными криками, когда наконецъ ему удалось открыть фактическія доказательства противозаконнаго образа дѣйствій предводителей оппозиціи и уличить ихъ въ сношеніи съ шотландцами,—онъ рѣшился дѣйствовать. 3-го января 1642 г. онъ послалъ своего генералъ-прокурора предъявить въ верхней палатѣ обвиненіе противъ личностей, полагая, что съ заточеніемъ главныхъ дѣятелей въ тюрьму всякая оппозиція сдѣлается весьма трудною, если не совсѣмъ невозможною.

Ожиданіе его однако не оправдались. Получивъ отъ нижняго парламента уклончивый отвѣтъ на свое требованіе немедленно арестовать Пима, Гемдена и др., король рѣшился сдѣлать это собственною властью на слѣдующій же день. Но когда настало это слѣдующее утро, королевѣ было довольно трудно заставитъ своего мужа исполнитъ принятое рѣшеніе. «Полно колебаться, трусъ,—говорила она:—ступай сейчасъ и выведи этихъ негодяевъ за уши!» Убѣжденный ею, король, въ сопровожденіи 500 вооруженныхъ стражей, отправился въ нижній парламентъ. Оставивъ свою свиту за дверми залы, онъ быстро направился къ президентскому креслу и оттуда объявилъ собранію, что пришелъ арестовать измѣнниковъ. Карлъ обводилъ взорами присутствующихъ, но не находилъ ни одного изъ пятерыхъ преступниковъ. Тогда онъ подозвалъ къ себѣ спикера Ленталя и спросилъ его, куда дѣвались эти люди? Ленталь преклонилъ передъ государемъ колѣна со всѣми знаками наружнаго благоговѣнія и сказалъ: «простите, Ваше Величество, но здѣсь я не

имѣю права ни видѣть своими глазами, ни говорить своимъ языкомъ, а обязанъ дѣйствовать такъ, какъ укажетъ мнѣ палата». «Хорошо, хорошо,—сказалъ Карлъ:—у меня глаза не хуже, чѣмъ у другихъ». Но послѣ новыхъ поисковъ онъ убѣдился, что пришелъ напрасно, и тогда обратился къ собранію съ слѣдующими словами:—«я вижу, что мои птицы улетѣли; надѣюсь, что вы доставите мнѣ ихъ, какъ только онѣ вернутся, иначе я буду принужденъ найти ихъ безъ вашего содѣйствія». И онъ вышелъ изъ залы, но на пути къ дверямъ со всѣхъ сторонъ раздавались ему вслѣдъ крики: «привилегіи, привилегіи!»...

Подобныя неудачи хуже пораженія. Попытка короля ворваться въ парламентъ съ вооруженною силою произвела на народъ глубокое впечатлѣніе. Жители Сити, еще за нѣсколько недѣль до того такъ восторженно встрѣтившіе Карла, теперь плотно сомкнулись возлѣ представителей націи. Каждый способный носитъ оружіе приготовился защищать права и привилегіи парламента. 10-го января король уступилъ и выѣхалъ изъ Уайтгола съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться туда до того злополучнаго дня, въ который его привели туда арестованнымъ.

Онъ отправился въ Оксфордъ.

Нѣсколько времени продолжались еще его препирательства съ парламентомъ, наконецъ въ августѣ 1642 г. мечъ былъ обнаженъ.

Революція началась, хотя мало кто замѣтилъ ее. Такъ случается постоянно: никто въ началѣ революціи не можетъ предсказать, чѣмъ она кончится и куда она пойдетъ. Для людей, собравшихся 5-го мая 1789 г. въ Парижѣ въ качествѣ членовъ національнаго собранія, предсказаніе о низверженіи трона Бурбоновъ, о господствѣ Робеспьера и Наполеона I могло бы показаться не только невѣроятнымъ, но и уродливымъ. Съ ужасомъ оттолкнули-бы они отъ себя мысль о казни Людовика XVI-го, тѣмъ болѣе объ установленіи единой и нераздѣльной французской республики. Революція со всѣми ея послѣдствіями была *для нихъ* такою-же неожиданностью, какъ громъ и молнія среди яснаго лѣтняго дня. Среди разгара и стихійной борьбы страстей, честолюбій, героизма—завтрашній день, цѣликомъ, со всѣми своими часами и минутами, находится въ рукахъ судьбы. Тутъ народъ отъ начала до конца предоставленъ своей удачѣ и счастью...

Но все-же, какъ ни зависитъ отъ случайностей ходъ революціи,—въ развитіи ея принциповъ, особенно въ исторіи новой Европы, можно видѣть своего рода постепенность: начинаетъ буржуазія. Она

провозглашаетъ свои либеральные и конституціонные принципы. Но страсти, возбужденныя ею, слишкомъ глубоки, чтобы помириться на либерализмѣ и конституціи. Это лишь первый актъ. За нимъ неминуемо должны слѣдовать второй и третій. Постепенно приходитъ въ движеніе народная масса. Ей нечего дѣлать ни съ конституціей, ни съ либерализмомъ. Ей мало дѣла до отвлеченныхъ принциповъ, до политической свободы. Вѣдь дѣло буржуазіи сравнительно легко. Она начинаетъ революцію, уже одержавши соціальную побѣду. Ея врагъ—феодализмъ, аристократическія начала средневѣковой европейской жизни. Но они расшатаны уже съ XIV-го вѣка. Вся задача въ томъ, чтобы свои соціальныя завоеванія воплотить въ политическія формы. Буржуазія богата, умна, дѣятельна. Она хочетъ участія въ правленіи, она требуетъ равноправности съ маркизами и князьями. Она возстаетъ противъ привилегій, созданныхъ вѣка тому назадъ, она борется съ правнуками Готфрида Бульонскаго, полагающими, что освобожденный Іерусалимъ обезпечилъ за ними навсегда право презрительно смотрѣть на человѣчество. Во второмъ актѣ уже народъ, масса, выступаетъ противъ самой побѣдоносной буржуазіи. Третій актъ заканчиваетъ диктатурой, цезаризмомъ. Грустный, но неизбѣжный эпилогъ.

Англійская революція была осложнена религіознымъ одушевленіемъ. Изъ крайняго принципа, провозглашеннаго Лютеромъ, что каждый можетъ понимать св. Писаніе сообразно съ своимъ разумомъ и удѣленными на его долю дарами духа Святого, произошли десятки—иногда даже враждебныхъ другъ другу—теченій. Широкій потокъ реформаціи раздѣлился на массу меньшихъ рѣкъ и ручьевъ. Все равно какъ Лютеръ враждовалъ съ Цвингли, Карлштадтомъ, религіозными радикалами, требовалъ огня и меча противъ сектантовъ и проклиналъ Мюнцера; — какъ Кальвинъ радостно смотрѣлъ на костеръ Сервета, такъ и въ англійской революціи мы видимъ борьбу различныхъ религіозныхъ партій, изъ которыхъ одна спокойно была готова отправить другую на костеръ.

Въ торжествѣ-же этихъ партій наблюдается указанная выше послѣдовательность отъ менѣе радикальнаго къ болѣе, отъ политическаго—къ соціальному.

Въ сущности въ англійской революціи соединились сразу четыре:

1) революція пресвитеріанская, анти-епископальная, мечтавшая въ политическомъ отношеніи о главенствѣ нижней палаты;

2) революція индепендентовъ, требовавшая уничтоженія церкви вообще, а въ политическомъ смыслѣ—радикальная;

3) революція уравнителей-левеллеровъ, въ сущности чисто анархическая,—и наконецъ

4) революція Кромвеля.

Со всѣми ними намъ и придется ознакомиться.

* *
*

Дѣло началось съ революціи пресвитеріанской, либерально-конституціонной, но несомнѣнно монархической. Этотъ періодъ характеризуется нерѣшительностью и даже лицемѣріемъ. Фактъ простъ и ясенъ: парламентъ борется съ королемъ. Но чего хочетъ парламентъ отъ короля, онъ и самъ въ сущности не знаетъ. Онъ ищетъ гарантій, обезпечивающихъ ему вѣрность Карла своему обѣщанію, но повидимому нѣтъ такихъ гарантій, которыя могли-бы его удовлетворить: слишкомъ уже глубоко его недовѣріе. Отказаться же отъ монархіи совершенно онъ не хочетъ и не можетъ. Онъ не смѣетъ даже провозгласить принципъ народовластія, который однако проводится имъ въ жизнь очень настойчиво. Оттого-то парламентъ отправляетъ свои войска *противъ* короля *на его защиту!* Такъ по крайней мѣрѣ онъ предписываетъ своимъ генераламъ.

Генералы слушаются; генералы сами не знаютъ, что имъ дѣлать. Побѣждать? Но они боятся побѣды. Терпѣть пораженія? Но это обидно. Въ результатѣ что-то нерѣшительное, лицемѣрное, безконечно-утомительное.

Первымъ парламентскимъ генераломъ былъ Эссексъ, человѣкъ сановитый, богатый и гордый. Искренній защитникъ парламентскихъ привилегій, онъ однако далеко не былъ противникомъ короля. Его даже печалило то обстоятельство, что ему приходится поднимать оружіе противъ своего монарха. Воюя, онъ мечталъ лишь о мирѣ, не понимая даже, что плохо добиваться мира съ оружіемъ въ рукахъ. Кромѣ того Маколей не находилъ въ немъ особенныхъ воинскихъ дарованій. Но не въ нихъ кажется дѣло. Дѣло именно въ этой нерѣшимости, въ полномъ колебаніи слѣдовать обстоятельствамъ.

Поэтому вначалѣ дѣла парламентской арміи шли изъ рукъ вонъ плохо. Роялисты были побѣдителями, какъ въ западныхъ, такъ и въ сѣверныхъ графствахъ. Они отняли у парламента Бристоль, второй городъ въ королевствѣ. Они выиграли нѣсколько сраженій и не потерпѣли ни одного серьезнаго пораженія. Между тѣмъ среди

круглоголовыхъ (сторонники парламента) неудача начала производить раздоръ и недовольство; между тѣмъ тянулась безполезная война, напрасно разорявшая государство; между тѣмъ народъ по деревнямъ и селамъ, съ котораго парламентъ бралъ подати «для защиты короля», а король «для собственной своей защиты»,—громко даже выражалъ неудовольствіе.

Пресвитеріане продолжали обсуждать гарантіи.

Такъ шли мѣсяцы. Постоянныя неудачи вызвали даже опасеніе, что король можетъ захватить Лондонъ. Онъ и захватилъ-бы его, будь въ немъ болѣе мужества и рѣшительности. Но счастливый моментъ былъ пропущенъ имъ, а въ другой разъ не повторился. И не повторился потому, что сначала незамѣтная и слабая, но уже начиналась индепендентская революція.

Она выросла на глазахъ у парламента, но парламентъ не замѣчалъ ея, хотя ея глава и вдохновитель находился среди ея членовъ.

Какъ всѣмъ извѣстно, этимъ главою и вдохновителемъ былъ Оливеръ Кромвель.

* * *

Теперь уже мы можемъ исключительно заняться имъ и его «хорошими,—какъ онъ называлъ,—людьми». Дальнѣйшая исторія Англіи такъ тѣсно слита съ его біографіей, что лишь искусственная вивисекція можетъ раздѣлить ихъ.

Въ это время (1643 г.) ему было уже сорокъ четыре года. Онъ былъ счастливый отецъ семейства, уважаемый гражданинъ своей страны—словомъ, заработалъ уже повидимому право на тихую и безболѣзненную кончину. Но, удивительное дѣло, только на 45 году своей жизни онъ является передъ нами во весь ростъ. Изъ какихъ-то непостижимыхъ и сокровенныхъ источниковъ въ немъ вдругъ проявился геній полководца, хотя раньше онъ вѣроятно не обнажалъ даже меча, и также неожиданно геній государственнаго человѣка. Вмѣсто скромной дѣятельности мирового судьи и защитника общинныхъ привилегій, приходится описывать теперь завоеванія цѣлыхъ странъ и созданія государствъ, приходится говорить о безпощадной энергіи, поразительной прозорливости, хотя раньше даже опытный взглядъ не могъ бы различить ничего подобнаго. Мы оставили его человѣкомъ убѣжденнымъ и вѣрующимъ; теперь-же передъ нами «мощная сила, полная разностороннихъ, самобытныхъ влеченій,—то медлительно стойкая, консервативная, то пылкая, измѣнчивая, разрушительная,—сила, передъ которой все, противо-

дѣйствовавшее ей, должно было склоняться или гибнуть» (слова Ранке).

Кромвель очевидно очутился въ *своей* сферѣ. Мы сейчасъ увидимъ, что онъ дѣлаетъ; пока же—вотъ его портретъ, относящійся приблизительно къ этому времени:

«Однажды утромъ,—разсказываетъ намъ утонченный джентльмэнъ сэръ Филиппъ Варвикъ, членъ палаты общинъ,—я пришелъ отлично одѣтый на засѣданіе и увидѣлъ, что здѣсь говоритъ одинъ господинъ, одѣтый въ очень обыкновенное платье. Повидимому оно было сдѣлано дурнымъ деревенскимъ портнымъ. Его бѣлье было грубо и не очень чисто. Мнѣ даже помнится, что я замѣтилъ нѣсколько кровяныхъ пятенъ на галстухѣ, который былъ немного больше воротничка. На шляпѣ у него не было ленты. Но онъ былъ человѣкъ видный и шляпа плотно прилегала къ его боку. Съ здоровымъ, краснымъ, деревенскимъ лицомъ, онъ говорилъ рѣзкимъ, немелодическимъ голосомъ, но съ большимъ жаромъ... Я сознаюсь, что мое уваженіе къ великому собранію нѣсколько поколебалось, когда я увидѣлъ, какъ внимательно слушаетъ оно этого господина. Это былъ Оливеръ Кромвель».

Втянувшись въ войну съ королемъ и на первыхъ же порахъ занявши мѣсто полковника парламентской арміи, Кромвель проявилъ необычайную энергію. «Съ жаромъ» говорилъ онъ въ парламентѣ; съ еще бо́льшимъ жаромъ принялся онъ за величайшее дѣло своей жизни—устройство сначала своего кавалерійскаго эскадрона, потомъ—всей арміи.

Съ первыхъ же шаговъ было очевидно, что онъ знаетъ, куда идетъ. Въ немъ не замѣтно ни малѣйшей нерѣшительности, ни малѣйшихъ колебаній. Онъ твердо держится своей формулы, а эта формула очень проста: *или* война, *или* миръ, только не передвиженіе войскъ взадъ и впередъ, только не разрушеніе государства. Но чтобы воевать, нужна армія. Пока ея не было, вѣрнѣе былъ какой-то сбродъ, раздѣленный, къ малой для себя пользѣ, на эскадроны и полки.

«Въ началѣ войны,—читаемъ мы у Маколея,—король имѣлъ одно преимущество, которое, воспользуйся онъ имъ какъ слѣдуетъ, съ избыткомъ-бы вознаградило его за недостатокъ припасовъ и денегъ и которое, не смотря на его дурныя распоряженія, давало ему втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ безусловный перевѣсъ. Первое время его войска сражались гораздо лучше парламентскихъ. Обѣ арміи правда почти вполнѣ состояли изъ людей, никогда не видавшихъ поля сраженія. Тѣмъ не менѣе разница была велика. Ряды парламентской арміи были пополнены наемниками, которыхъ завербоваться побуждали нужда и праздность. Полкъ Гемдена считался однимъ

изъ лучшихъ, но даже и онъ, по отзыву Кромвеля, былъ просто сборищемъ половыхъ и лакеевъ безъ мѣстъ».

Изъ этого сборища предстояло создать такую же непобѣдимую армію, которая шла подъ знаменами Густава-Адольфа, и каждый солдатъ долженъ былъ превратиться въ рыцаря. Это—величайшее и труднѣйшее дѣло всей жизни Кромвеля. Его будущее было обезпечено, разъ въ этомъ первомъ испытаніи онъ, какъ говорится, оказался на высотѣ задачи. А затрудненій было сколько угодно. Самъ онъ и его люди должны были изучить кавалерійскую службу отъ самыхъ простыхъ пріемовъ до боевыхъ построеній, причемъ учителями были старые голландскіе солдаты. Немногія строгія статьи военнаго устава, на которыхъ основывалась успѣшная организація, были вызваны самою необходимостью. Ни чей взглядъ не умѣлъ такъ вѣрно выбирать офицеровъ и солдатъ, какъ взглядъ Кромвеля. Онъ самъ сказалъ однажды:

— Выбирайте въ офицеры людей богобоязненныхъ и честныхъ, тогда къ нимъ будутъ поступать тоже честные люди и будутъ прилежно учиться у нихъ военному ремеслу.

На происхожденіе онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія:

— Я бы лучше желалъ имѣть простого капитана въ грубой фланелевой курткѣ, который знаетъ, *за что* онъ сражается, и всею душой преданъ дѣлу, чѣмъ такого, котораго вы называете джентльмэномъ.

Не происхожденіе было нужно ему, а вѣра, убѣжденность.

Пуритане и сектанты, пошедшіе еще дальше нихъ въ религіозномъ радикализмѣ,—вотъ среди кого Кромвель выбиралъ своихъ солдатъ. И раньше его пуритане и сектанты наполняли собою парламентскую армію, но они были затеряны среди грязи и распутства наемнаго войска. У нихъ не было знамени, вокругъ котораго они могли-бы собраться, чтобы представить изъ себя организованную, т. е. возвышенную въ степень силу. Окруженные Богъ вѣсть кѣмъ, случайными людьми и подонками общества, элементы будущей грозной арміи пропадали безслѣдно въ многочисленныхъ стычкахъ, портились и ржавѣли въ непригодной и скверной для нихъ атмосферѣ. Еще немного и кто знаетъ—быть можетъ они растратились-бы совершенно попустому, и никогда-бы пуританизму не пришлось играть никакой выдающейся роли въ исторіи. Но явился Кромвель—великій человѣкъ, а *значитъ* и великій организаторъ. Кромвель ввелъ общую молитву и, кромѣ спасенія души, выставилъ другую, неменьшую цѣль—спасеніе дѣла. Прежде всего онъ заботился о созданіи

центра. Вначалѣ онъ дѣйствовалъ безжалостно, удалялъ изъ своего полка каждаго, кто только хоть чѣмъ нибудъ да не подходилъ къ задуманному плану, прибѣгалъ къ механическимъ мѣрамъ, вродѣ штрафовъ за клятвы и пр., «но все же съ первой минуты понялъ онъ, что объединить и сплотить людей можно, лишь подчинивъ ихъ поступки высшей цѣли. Почва для этого была какъ нельзя болѣе подходящей; пуритане и раньше отличались большой религіозностью; надо было экзальтировать ее, указать ближайшее практическое приложеніе, а также вселить увѣренность въ успѣхъ дорогого дѣла». Все это сдѣлалъ Кромвель, и сдѣлалъ одинъ онъ. Организовавъ свой полкъ, онъ съумѣлъ заставить другихъ бояться и уважать его. Уже съ самаго начала мы встрѣчаемъ частыя похвалы его солдатамъ за трезвость и благочестіе. Но особенно цѣнно было то, что среди сотень людей нельзя было найти ни одного грабителя. Кромвель безжалостно разстрѣливалъ каждаго, попавшагося хотя въ чемъ нибудь подобномъ. Самъ онъ, не смотря на свою требовательность, былъ очень доволенъ поведеніемъ полка. Въ письмѣ отъ 11 сент. 1643 г. онъ говоритъ между прочимъ: «У меня великолѣпный эскадронъ. Узнавъ моихъ солдатъ, вы навѣрное оцѣнили бы ихъ. Это не анабаптисты, это трезвые и честные христіане. *Но они ожидаютъ, что съ ними будутъ обращаться, какъ съ людьми*».

Духъ кромвелевскаго полка распространился мало-по-малу на всю армію. «Кавалерамъ пришлось имѣть теперь дѣло съ природной храбростью, равною ихъ собственной, съ энтузіазмомъ сильнѣе ихъ собственнаго и съ дисциплиной, какой имъ совершенно не доставало. Скоро сдѣлалось поговоркой, что солдаты Ферфакса и Кромвеля были людьми иной породы, нежели солдаты Эссекса. При Несби (1645) произошла первая великая ошибка между роялистами и преобразованной арміей палаты. Побѣда круглоголовыхъ была полная и рѣшительная. За нею быстрой чередой послѣдовали и другіе тріумфы. Въ нѣсколько мѣсяцевъ авторитетъ парламента былъ совершенно утвержденъ въ цѣломъ королевствѣ». Сама-же армія «весьма отличалась отъ всѣхъ армій, какія съ тѣхъ поръ существовали у насъ. Въ настоящее время въ Англіи жалованье простого солдата не таково, чтобы могло побудить кого-нибудь, кромѣ низшаго класса англійскихъ работниковъ, отказаться отъ своего промысла. Тогда дѣло обстояло иначе. Армія Кромвеля была набрана внутри государства. Жалованье простого солдата значительно превышало заработки массы народа; и каждый рядовой, разъ онъ отличался умомъ и храбростью, могъ надѣяться достигнуть выс-

шихъ должностей. Вслѣдствіе этого ряды арміи мало-по-малу наполнялись лицами, по положенію и воспитанію стоявшими выше толпы. Эти лица, выдержныя, нравственныя, прилежныя и привыкшія къ размышленію, были побуждены взяться за оружіе не гнетомъ нужды, не любовью къ новизнѣ и своевольству, не хитростью вербующихъ офицеровъ, а религіозной и политической ревностью, смѣшанною съ желаніемъ отличія и повышенія. Гордость этихъ солдатъ, какъ значится въ ихъ торжественныхъ резолюціяхъ, заключалась въ томъ, что они не были принаровлены къ службѣ и поступали въ нее не ради корысти, что они были не янычары, а англичане, добровольно подвергавшіе свою жизнь опасности за вольности и религію націи. Армія, такимъ образомъ составленная, могла безъ вреда для самой себя пользоваться свободой, которая, будучи предоставлена инымъ войскамъ, подѣйствовала бы разрушительно на всю дисциплину. Несомнѣнно, что солдаты, формирующіе политическіе клубы, выбирающіе депутатовъ, постановляющіе рѣшенія по важнымъ государственнымъ вопросамъ, въ другомъ мѣстѣ и при другихъ обстоятельствахъ перестали бы составлять армію и, освободившись отъ всякаго контроля, сдѣлались бы наихудшимъ и самымъ опаснымъ изъ сборищъ. И не безопасно было бы въ наши дни терпѣть въ какомъ-нибудь полку религіозныя сходки, на которыхъ капралъ, свѣдущій въ писаніи, частенько назидалъ менѣе даровитаго полковника и увѣщевалъ вѣроотступнаго маіора. Но таковы были разумъ, серьезность и самообладаніе воиновъ, дисциплинированныхъ Кромвелемъ, что въ ихъ лагерѣ политическая и религіозная организація могли существовать, не разрушая организаціи военной. Тѣ самые люди, которые внѣ службы были извѣстны, какъ фанатики и полевые проповѣдники, отличались стойкостью, духомъ порядка и безпрекословнымъ повиновеніемъ на стражѣ, на ученьи и на полѣ битвы. Въ войнѣ эта странная армія была неодолима. Упорная храбрость, характеризующая англійскій народъ, посредствомъ системы Кромвеля разомъ и регулировалась, и возбуждалась. Другіе вожди поддерживали такой-же строгій порядокъ. Другіе вожди одушевляли своихъ соратниковъ такою же горячею ревностью. Но въ одномъ лишь его лагерѣ строжайшая дисциплина встрѣчалась рядомъ съ самымъ необузданнымъ энтузіазмомъ. Его войска ходили въ бой съ точностью машинъ, пылая въ то же время фанатизмомъ первыхъ крестоносцевъ. Со времени образованія арміи до минуты ея распущенія она ни на британскихъ островахъ, ни на материкѣ не встрѣчала никогда врага, который могъ бы устоять противъ ея

натиска. Въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Фландріи пуританскіе воины, часто окруженные затрудненіями, иногда боровшіеся противъ непріятеля, втрое сильнѣйшаго, не только всегда успѣвали побѣждать, но всегда разбивали въ прахъ и уничтожали всякую противодѣйствовавшую имъ силу. Наконецъ они дошли до того, что стали считать день битвы днемъ вѣрнаго торжества и ходили противъ самыхъ прославленныхъ батальоновъ Европы съ презрительною увѣренностью. Тюреннъ былъ потрясенъ взрывомъ сурового ликованія, съ какимъ его англійскіе союзники шли въ бой, и выразилъ восторгъ истиннаго солдата, узнавши, что копейщики Кромвеля имѣли обыкновеніе всегда ликовать при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Даже изгнанные кавалеры проникліись чувствомъ національной гордости, увидѣвши, какъ бригада ихъ соотечественниковъ, окруженная врагами и покинутая союзниками, гнала передъ собою бѣжавшую стремглавъ лучшую пѣхоту Испаніи и пробилась въ контръ-эскарпъ, только что передъ тѣмъ объявленный неприступнымъ искуснѣйшими маршалами Франціи. Но главное отличіе арміи Кромвеля отъ прочихъ армій состояло въ строгой нравственности и страхѣ Божіемъ, которыми были проникнуты всѣ ранги. Самые ревностные роялисты сознаются, что въ этомъ странномъ лагерѣ не слышно было клятвъ, не видно было ни пьянства, ни ссоръ, и что втеченіи долгаго господства арміи собственность мирнаго гражданина и честь женщины считались священными. Если и наносились оскорбленія, то оскорбленія эти были совершенно иного рода, чѣмъ тѣ, въ какихъ обыкновенно бываетъ повинна побѣдоносная армія. Ни одна служанка не могла пожаловаться на грубое волокитство краснокафтанниковъ. Ни одна унція драгоцѣннаго металла не была похищена изъ лавокъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, но итальянская проповѣдь или окно съ изображеніемъ святого возбуждали въ пуританскихъ рядахъ ярость, для укрощенія которой требовались крайнія усилія офицеровъ. Одною изъ главныхъ трудностей для Кромвеля было удерживать мушкетеровъ и драгуновъ отъ насильственныхъ нападеній на каѳедры священнослужителей, рѣчи которыхъ приходились не по сердцу солдатамъ, и слишкомъ многіе изъ англійскихъ соборовъ до сихъ поръ носятъ слѣды ненависти, съ какою эти суровые умы относились ко всякому знаку папизма.

Забѣгая впередъ, посмотримъ на послѣднюю встрѣчу исторіи съ солдатами Кромвеля, которыхъ мы только что видѣли «суроволикующими» на полѣ битвы.

«Войска подлежали теперь распущенію (1661). Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, привыкшихъ къ военному ремеслу, были разомъ пущены по міру, и опытъ казалось оправдывалъ мнѣніе, что эта перемѣна произведетъ много бѣдствій и преступленій, что уволенные ветераны явятся нищенствующими на каждой улицѣ или что они будутъ доведены голодомъ до грабежа. Но ничего подобнаго не послѣдовало. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не оставалось и признака, что *самая грозная въ мірѣ арміл потонула въ массѣ общества.* Сами роялисты признавались, что во всѣхъ отрасляхъ честнаго труда отставные воины преуспѣвали болѣе другихъ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ обвиненъ въ кражѣ или разбоѣ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ замѣченъ въ нищенствѣ, и *что если какой-нибудь хлѣбникъ, каменьщикъ или извощикъ обращалъ на себя вниманіе трудолюбіемъ и честностью, то онъ по всей вѣроятности былъ однимъ изъ старыхъ воиновъ Кромвеля*».

То *люди* были, не наемники! — такова мораль этихъ блестящихъ страницъ Маколея. И что Кромвель умѣлъ будить въ человѣкѣ человѣческое, въ этомъ его величіе. Но кромѣ этого солдаты «грозной арміи» были сектанты. Во что же вѣровали, къ чему стремились въ религіи и политикѣ? Вѣдь второй фазисъ революціи— революція индепендентовъ принадлежитъ имъ. А для насъ она тѣмъ болѣе интересна, что прямымъ ея вдохновителемъ былъ Кромвель.

Начнемъ съ религіи. Мы уже видѣли, что развитіе религіозной мысли шло въ сторону абсолютнаго индивидуализма. Католическая церковь требовала отъ личности безусловнаго отреченія отъ своего «я», своего права мыслить и разсуждать и полнаго подчиненія этой личности авторитету духовенства. Она отрицала и національность. «Всѣ дѣти одного Бога, всѣ слуги одного папы». Англиканская же церковь признавала за человѣкомъ его принадлежность къ извѣстному народу. Если *отдѣльный* человѣкъ не могъ вѣровать по своему, то *вся нація* могла вѣровать, какъ считала лучшимъ. По устройству, англиканская церковь съ своими епископами, стремленіемъ отдѣлить клиръ отъ мірянъ—была аристократическая. Пресвитеріанство—церковная демократія, желавшая подчинить народную церковь республиканскому устройству. Епископовъ не было, все заправлялось синодами, гдѣ засѣдали священники и миряне. Но эволюція не остановилась на этомъ. Съ самаго начала пресвитеріанскаго господства (1642 г.) индепенденты, браунисты, анабаптисты уже во всеуслышаніе предлагали вопросъ: «должна ли существовать національная церковь, и на какомъ основаніи церковная власть—какая бы она ни была, папская, епископская, пресвитеріанская—присваиваетъ себѣ право подводить человѣческую со-

вѣсть подъ иго единства въ дѣлахъ вѣры? Всякое собраніе вѣрующихъ, говорили они, живущихъ въ одномъ мѣстѣ или по сосѣдству и соединяющихся добровольно въ силу своей общей вѣры (*какая бы она ни была*) для общаго богослуженія,—есть истинная церковь, надъ которой никакая другая церковь не имѣетъ права властвовать, и эта церковь можетъ сама избирать своихъ священнослужителей, устанавливать правила своего богослуженія и наконецъ управляться собственными своими законами». Сдѣлайте еще одинъ шагъ дальше. Въ предыдущихъ строкахъ все же идетъ рѣчь объ избраніи священнослужителей. Нельзя ли обойтись и безъ него? Разъ каждый вѣруетъ по своему, то къ чему ему какой бы то ни было священнослужитель? Здѣсь принципъ свободы совѣсти развился до крайнихъ своихъ выводовъ. «Священное писаніе», «я»— вотъ единственные руководители *всей* жизни.

Я говорю *всей* и сейчасъ объясню, что̀ это слово значитъ. Сектанты не отдѣляли политики отъ религіи, какъ это дѣлали пресвитеріане. Они спрашивали себя: разъ королевская власть и аристократія отвергнуты въ церкви, зачѣмъ-же сохранятъ ихъ въ государствѣ? Политическіе реформаторы намекнули, что если король и лорды будутъ настоятельно отказывать въ своемъ согласіи, то воля нижней палаты все-таки должна быть принята за законъ: почему-же не сказать этого прямо? Зачѣмъ обращаться къ верховной власти народа только въ исключительныхъ случаяхъ, и единственно для того, чтобы придавать законность сопротивленію, тогда какъ на этой власти всегда и все должно основываться? Свергнувъ иго римскаго и епископальнаго духовенства, не смѣшно-ли подчинить ее игу духовенства пресвитеріанскаго, его старшинамъ и синодамъ?.. Не одинаково-ли смѣшно бояться слова «республика», когда она уже существуетъ на дѣлѣ? Народовластіе должно признаваться не только чѣмъ-то полезнымъ въ исключительныхъ обстоятельствахъ, а лечь въ основу политической жизни всего англійскаго народа.

Итакъ: абсолютная свобода совѣсти въ дѣлахъ религіи, народовластіе въ дѣлахъ политики—таковы принципы индепендентовъ.

Нельзя-ли остановиться хотя на этомъ? Всякій авторитетъ разрушенъ въ области вѣры, въ области жизни остался одинъ авторитетъ большинства. Но съ первой-же минуты появленія индепендентовъ на сцену мы видимъ, что за ними обнаруживается еще низшій революціонный слой. Это оттого между прочимъ, что индепенденты были не совсѣмъ послѣдовательны. Изъ ихъ-же посылки, что

религіозная и политическая жизнь народовъ должна основываться на тѣхъ-же принципахъ,—дѣлались выводы гораздо болѣе рѣшительные. Пока я лишь упомяну о нихъ для полноты картины.

Каждый вѣрующій, разсуждали индепенденты, не есть-ли уже самъ по себѣ священникъ для самого себя, для своего семейства, для всѣхъ христіанъ, которые, будучи увлечены его рѣчью, признаютъ его вдохновеннымъ свыше и захотятъ присоединиться къ его молитвамъ?

Религія свелась къ убѣжденіямъ, мысли, вдохновенію и экстазу отдѣльнаго человѣка. Богачъ и бѣднякъ, геній и юродивый — одинаково могли стать во главѣ религіозной общины. «*Я* и *мой* Богъ» — говорилъ каждый, устраняя всѣхъ посредниковъ. Но нельзя не примѣнить того-же принципа и къ политической жизни. Народовластіе... авторитетъ большинства... какое основаніе имѣютъ они? Вѣдь область политики и религіи нераздѣльны, въ такомъ случаѣ не можетъ-ли «*я*» лечь въ основаніе и политической жизни? Да, можетъ, отвѣчали левеллеры, и республика оказалась для нихъ такой-же непригодной, такой-же ненавистной, какъ монархія, аристократія и демократія.

Мы ихъ встрѣтимъ еще послѣ. Мы увидимъ ниже, какъ политическое движеніе было осложнено соціальнымъ. Пока-же оставимъ левеллеровъ въ покоѣ. Они сами даютъ намъ на это полное право. Въ описываемый нами періодъ (1644 — 1649) они не выступали на сцену и группировались подъ знаменами индепендентовъ.

Эти сосредоточили постепенно въ своемъ лагерѣ всѣ самыя смѣлыя и рѣшительныя силы государства. Къ нимъ присоединились юристы, въ надеждѣ отнять у своихъ соперниковъ—духовныхъ—всю судебную власть и все господство; народные публицисты ожидали отъ нихъ новаго законодательства, яснаго, простого, которое-бы лишило юрисъ-консультовъ ихъ огромныхъ доходовъ и силы. Гаррингтонъ, присоединяясь къ этой партіи, могъ мечтать о республикѣ мудрецовъ; Сидней—о свободѣ Спарты и Рима; Лильборнъ—о возстановленіи древнихъ саксонскихъ законовъ; Гаррисонъ—о пришествіи Христа; даже самый цинизмъ Генри Мартина и Петра Уэнтворта былъ въ ней терпимъ изъ уваженія къ смѣлости. Республиканцы и уравнители, мыслители и мечтатели, фанатики и честолюбцы, всѣ были допускаемы, каждый могъ приносить сюда свое негодованіе, свое вдохновеніе, свои интриги. Достаточно было, чтобы всѣ, одушевленные равною ненавистью къ кавалерамъ и пресвитеріанамъ, стремились съ равною горячностью къ этому неизвѣст-

ному будущему, которое обѣщало удовлетворить столькимъ желаніямъ.

На сторонѣ индепендентовъ былъ Кромвель.

Только вотъ что надо замѣтить.

Принципъ свободы совѣсти нисколько не мѣшалъ индепендентамъ ожесточаться и приходить въ бѣшенство при видѣ образа или статуи святого. Они никакъ не могли допустить, что католики—люди, и ничуть не метафорически называли папу антихристомъ. Ихъ терпимость, какъ терпимость человѣческая, всегда ограничивалась формулой: «кто не за меня, тотъ противъ меня, а кто противъ меня, того надо уничтожить». Что можетъ быть естественнѣе, если они были фанатиками и доктринерами? Вѣдь ничто не помѣшало ввести имъ въ Новомъ Свѣтѣ инквизицію. А если они не ввели инквизиціи въ Англіи, то помѣшалъ имъ въ этомъ Кромвель.

Какъ фанатики, индепенденты представляли изъ себя грозную боевую силу. Какъ фанатики, они не шли, да и не могли идти ни на какіе компромиссы. Вѣдь мы знаемъ, что источникомъ ихъ вѣры было ученіе Кальвина; мы знаемъ также, что идея предопредѣленія, ученіе объ избранныхъ и отверженныхъ была основной *догмой* кальвинизма. И индепенденты искренне вѣровали, что Богъ избралъ ихъ. Эта вѣра давала имъ непреоборимую силу, эта вѣра позволяла имъ съ презрѣніемъ и ненавистью смотрѣть на остальное человѣчество. Они считали себя «чистыми», «святыми». Они представляли себѣ міръ и людей погрязшими во грѣхахъ. Сокрушаясь о себѣ, о преступленіи праотца Адама, проводя время въ слезахъ и молитвахъ, они наэлектризовали себя до степени слѣпоты. «Внѣ насъ—нѣтъ правды. Внѣ насъ—все ложь, все грѣхъ, все преступленіе».

Первородный грѣхъ, постоянная мысль о немъ мучила и убивала ихъ. Такъ твердо, такъ неуклонно, такъ постоянно вѣровали они въ него, что вся жизнь представлялась имъ подлежащею очищенію огнемъ и мечомъ. Они не выносили образа; театральное представленіе вызывало ихъ негодованіе; смѣхъ и веселость — ихъ ненависть. Какъ Кальвинъ, готовы они были требовать смерти даже для ребенка, разъ, по ихъ мнѣнію, въ этомъ ребенкѣ говорилъ «дьяволъ», т. е. духъ непослушанія, веселости, легкомыслія. Грѣхъ и дьяволъ—вотъ что преслѣдовало ихъ. Какъ Лютеръ, готовы они были бросать въ него своею чернильницею. Какъ одинъ изъ протестантскихъ богослововъ, насчитывали они чертей до 2.222.222.222.222 особей. Эти темные духи постоянно кружились надъ человѣкомъ, проникали во всѣ поры и искушали его. Во что-же обращалась жизнь?

Въ постоянную борьбу съ искушеніями, въ постоянное раскаяніе, въ плачъ, зубовный скрежетъ и сокрушеніе. «Они всегда ходили съ постными лицами».

Взятое въ общемъ, міросозерцаніе индепендентовъ было мрачно и уродливо. Исходя изъ свободы совѣсти, они, благодаря фанатизму и доктринерству, неминуемо дошли-бы до инквизиціи. Повторяю, въ Новомъ Свѣтѣ въ *свободныхъ* пуританскихъ общинахъ они учредили таковую, и надо согласиться, что эта инквизиція была ничуть не лучше испанской: сожиганіе вѣдьмъ, колдуновъ и еретиковъ практиковалось нельзя сказать чтобы рѣдко.

Но среди индепендентовъ были люди, оставшіеся до конца вѣрными ихъ основнымъ традиціямъ,—люди, не ослѣпленные ни доктриной, ни догмой, ни готовымъ лѣзть на стѣну фанатизмомъ. Довольно назвать имена Лильборна, Вена, Мильтона, Кромвеля.

Только благодаря послѣднему, Англія не увидѣла индепендентной инквизиціи. Въ этомъ удивительномъ человѣкѣ страстность натуры соединялась съ завидной трезвостью ума, искренняя вѣра въ своего Бога, въ свое высшее призваніе—съ полной вѣротерпимостью. Неизсякаемый запасъ практическаго, здраваго смысла всегда позволялъ ему отличать возможное отъ невозможнаго, осуществимое отъ иллюзіи. Индепендентъ по принципамъ, онъ никогда не былъ сектантомъ, и ни самъ онъ не шелъ на другихъ, не посылалъ на костеръ.

Прислушиваясь къ страстнымъ рѣчамъ Кромвеля, видя, какъ обливается онъ слезами, какъ бьетъ себя въ грудь, какой изступленной ненавистью звучатъ его слова, съ какой безусловной настойчивостью проводитъ онъ въ жизнь свои стремленія,—люди считали его или фанатикомъ, или величайшимъ изъ лицемѣровъ. Ни то, ни другое несправедливо. Кромвель—прежде всего человѣкъ дѣла. Это не теоретикъ, не художникъ и не мыслитель. Фактъ значилъ для него слишкомъ много, и онъ всегда считался съ нимъ. Въ какомъ-бы вдохновенномъ экстазѣ онъ ни находился, онъ никогда не забывалъ, что, кромѣ экстаза, личныхъ надеждъ и стремленій,—существуетъ цѣлая громадная жизнь, подходить къ которой съ своимъ «да будетъ» не всегда возможно.

* *
*

Мы видѣли, что Кромвель вступилъ въ борьбу съ кавалерами, имѣя на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленныя и ясныя воззрѣнія. Постоянно повторявшимся попыткамъ пресвитеріанъ найти пункты соглашенія съ королемъ и добиться ненарушимыхъ гарантій онъ не придавалъ значенія. Онъ понималъ, что Карлъ, не отказавшись

отъ самого себя, не могъ согласиться на предложенія парламента, а парламентъ въ свою очередь не согласился-бы свести на ничто всю свою революціонную дѣятельность. Итакъ, надо было воевать, но воевать на жизнь и смерть, а не по программѣ Эссекса, дѣлавшаго два шага впередъ и столько же назадъ изъ страха передъ рѣшительнымъ концомъ. Вѣдь это затягиваніе войны ровно ни къ чему не вело, къ тому развѣ, что крики лондонскаго населенія о мирѣ становились съ каждымъ днемъ все рѣшительнѣе, а страна разорялась и приходила въ утомленіе. Я уже говорилъ, что масса народа собственно въ этой борьбѣ короля съ парламентомъ не принимала никакого участія. Она выдѣлила въ революціонный лагерь все, что въ ней было способнаго, честолюбиваго, а сама оставалась сначала равнодушной, а потомъ заняла прямо враждебное положеніе по отношенію къ воюющимъ странамъ. Что-то хорошаго онѣ дадутъ ей—она не знала, а пока видѣла одни грабежи, двойныя подати «во имя короля» «для защиты короля». Она рѣшила защищаться, и въ каждой деревнѣ, въ каждомъ округѣ и графствѣ появились клобмэны, т. е. отряды поселянъ, одинаково не пускавшихъ къ себѣ ни кавалеровъ, ни круглоголовыхъ.

Это показывало, что нерѣшительная политика къ добру не ведетъ. Но начинать эту рѣшительную политику, пока во главѣ войска стояли пресвитеріанскіе генералы, не было никакой возможности. Кромвель задумалъ отдѣлаться отъ нихъ.

2-го іюля 1644 г. вечеромъ произошла кровопролитная и имѣвшая громадное значеніе битва между парламентскими и королевскими войсками при Морстонъ-Мурѣ. Круглоголовые побѣдили. Главнымъ виновникомъ этой побѣды были Кромвель и его эскадроны. Естественно, что индепенденты возликовали: это былъ первый несомнѣнный успѣхъ. Опираясь на него, они стали энергичнѣе и откровеннѣе высказывать свои затаенные замыслы и взгляды.

«Милордъ,—говорилъ между прочимъ Кромвель Манчестеру, генералъ-лейтенанту парламентскихъ войскъ,—станьте рѣшительнѣе на нашу сторону. Не говорите, что надо быть умѣреннымъ ради достиженія мира, что надо щадить палату лордовъ, бояться отказовъ парламента: какое намъ дѣло до мира и до лордовъ? Дѣла до тѣхъ поръ не будутъ идти какъ слѣдуетъ, *пока васъ не будутъ звать мистеръ Монтэгю*. Если вы сблизитесь съ честными людьми, то скоро станете во главѣ арміи, которая будетъ предписывать законы».

Но Манчестеръ и Эссексъ оставались глухи и нѣмы. Нерѣши-

тельная война продолжалась. Въ неудачахъ не было недостатка. Тогда Кромвель рѣшился излить свой гнѣвъ и свою злобу въ самой нижней палатѣ: «Во всемъ—сказалъ онъ—виноватъ графъ Манчестеръ: со времени побѣды при Морстонъ-Мурѣ онъ боится побѣждать, боится послѣдняго и рѣшительнаго успѣха; нынѣ съ появленіемъ короля при Ньюбери не было ничего легче, какъ уничтожить его армію. Я ходилъ къ генералу, показывалъ, какъ это можно было сдѣлать, и просилъ позволенія пойти въ аттаку съ одной моей бригадой. Другіе офицеры настаивали вмѣстѣ со мной на томъ-же: онъ рѣшительно отказался».

Манчестеръ отвѣчалъ на это обвиненіемъ Кромвеля въ несоблюденіи дисциплины, во лжи, даже въ измѣнѣ и коварствѣ, ибо въ день битвы, говорилъ онъ, ни Кромвель, ни полкъ его не явились къ назначенному имъ посту. Кромвель даже не счелъ нужнымъ оправдываться и возобновилъ свои обвиненія съ еще большей силой.

Армія между тѣмъ понемногу наполнялась индепендентами и проникалась ихъ духомъ. Одинаково и въ парламентѣ они стали играть замѣтную роль. Тогда Кромвель 13 сент. 1644 открыто передъ лицомъ палаты объявилъ себя покровителемъ свободы совѣсти и даже добился того, что палаты назначили комитетъ для отысканія средствъ удовлетворить «законныя требованія диссидентовъ».

Наконецъ насталъ день рѣшительной парламентской битвы. 9-го декабря собрались члены нижней палаты для обсужденія мѣръ къ облегченію страданій государства. Никто не требовалъ слова. Казалось, всѣ ждали чего-то рѣшительнаго, но никто не хотѣлъ принять на себя отвѣтственность за это. Послѣ долгаго молчанія поднялся Кромвель и сказалъ: «Теперь настало время говорить или замолчать навсегда. Дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о спасеніи народа, почти умирающаго подъ гнетомъ того жалкаго положенія, до котораго довела его продолжительная война. Если мы не будемъ вести войну съ большей быстротой и энергіей, если будемъ дѣйствовать, какъ наемники, которые хлопочутъ лишь о томъ, чтобы затянуть войну, то будемъ въ тягость государству и заставимъ его ненавидѣть имя парламента. Что говорятъ наши враги? Скажу больше: что говорятъ многіе изъ тѣхъ, которые 3—4 года тому назадъ были нашими друзьями? Они говорятъ, что члены обѣихъ палатъ захватили высшія должности военныя и гражданскія, что у нихъ въ рукахъ мечъ, что съ помощью своего вліянія въ парламентѣ и арміи они хотятъ упрочить за собой власть навсегда и не допустятъ прекращенія войны изъ опасенія, чтобы вмѣ-

стѣ съ нею не прекратилась и власть ихъ... Скажу вамъ, что *если управленіе арміи не измѣнится*, если война не поведется съ большей энергіей, народъ не вынесетъ ея и заставитъ насъ заключить постыдный миръ... Постараемся-же отыскать лекарство. Надѣюсь, что каждый изъ насъ настолько англичанинъ въ душѣ, что, не колеблясь, рѣшится принести личныя свои выгоды въ жертву общему благу и не оскорбится никакимъ рѣшеніемъ парламента».

Тогда одинъ изъ неизвѣстныхъ ничѣмъ болѣе индепендентовъ предложилъ: «чтобы ни одинъ членъ обѣихъ палатъ впродолженіи этой войны не могъ исполнять никакой должности, не могъ быть облеченъ никакою гражданскою и военною властью, и чтобы сдѣлано было парламентское предложеніе въ этомъ смыслѣ». И оно было сдѣлано 3 апрѣля 1645 г. Пресвитеріанскіе генералы должны были оставить свои мѣста. Побѣда Кромвеля *) оказалась полной. Съ этой поры фактически и армія перешла въ его руки, хотя главнокомандующимъ оффиціально числился Ферфаксъ.

* *
*

14-го іюня 1646 г. на равнинѣ Нэзби произошла самая кровопролитная и рѣшительная битва всей войны. Разбитый на голову, Карлъ съ 2000 всадниковъ бросился бѣжать по направленію къ Лейчестру, оставивъ въ рукахъ парламента артиллерію, военные припасы, болѣе ста знаменъ, свое собственное знамя, 5000 плѣнныхъ и всѣ свои кабинетныя бумаги. Побѣда превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Кромвель подробно писалъ о ней палатѣ и закончилъ свое письмо словами: «во всемъ этомъ виденъ перстъ Божій, ему одному нераздѣльно принадлежитъ побѣда. Генералъ (Ферфаксъ) служилъ вамъ вѣрно и честно. Все относитъ онъ къ волѣ Божіей и скорѣе умретъ, чѣмъ припишетъ что нибудь лично себѣ—вотъ высшая похвала, какую я могу воздать ему. Но что касается храбрости, то онъ проявилъ ее во всемъ блескѣ и объемѣ, возможномъ для человѣка. Добрые люди (индепенденты) служили вамъ вѣрно. Они исполнены надежды. Богомъ умоляю васъ не ронять ихъ духъ. Желаю, чтобы эта битва породила смиреніе и благодарность въ сердцѣ всѣхъ, кто принималъ въ ней хоть какое нибудь участіе. Желаю, чтобы тотъ, кто жертвуетъ своей жизнью для спасенія родины, могъ положиться на Бога относительно свободы своей совѣсти, а на васъ— относительно той свободы, во имя которой онъ сражается».

*) Для самого Кромвеля, хотя и члена нижней палаты, было сдѣлано исключеніе. Всѣ понимали, что безъ него воевать нельзя.

Между тѣмъ доставшіяся индепендентамъ бумаги короля были вскрыты и прочитаны громко при громадномъ стеченіи народа. Онѣ произвели страшное впечатлѣніе. Было очевидно, что король никогда не хотѣлъ мира; что ни одна уступка не была въ его глазахъ рѣшительною, ни одно обѣщаніе обязательнымъ; что въ сущности онъ разсчитывалъ на одну силу и никогда не оставлялъ притязаній на произволъ; наконецъ, что, несмотря на всѣ свои торжественныя, тысячи разъ повторенныя, увѣренія, онъ обращался къ королю французскому, герцогу лотарингскому, ко всѣмъ государямъ Европы, не задумываясь ввести въ королевство чужихъ солдатъ. Самое названіе «парламента», которое онъ далъ палатамъ во время послѣднихъ (101-ыхъ по счету, если не ошибаемся) переговоровъ, было съ его стороны чистымъ обманомъ, потому что, давши его, онъ секретно протестовалъ противъ этого и приказалъ занести свой протестъ въ протоколъ государственнаго совѣта въ Оксфордѣ.

Поборники мира должны были замолчать.

Несмотря на отчаянное пораженіе при Нэзби, Карлъ однако не сдавался и въ предсмертной борьбѣ совершилъ послѣднія героическія усилія. Но судьба была противъ него. Принцъ Робертъ, его племянникъ, постыдно сдалъ Бристоль, Монтрозъ былъ разбитъ въ Шотландіи, европейскіе государи молчали, переговоры съ ирландцами были открыты, попытка вступить въ сношеніе съ парламентомъ окончилась полной и оскорбительной неудачей. Тогда, разбитый на всѣхъ пунктахъ, отовсюду гонимый, утомленный неудачами и махнувшій рукой на все, Карлъ 5-го мая 1646 г. добровольно явился въ лагерь шотландцевъ. И, при видѣ короля, графъ Ливнъ и его офицеры притворились крайне удивленными. Тотчасъ дано было знать о его прибытіи коммиссарамъ парламента. Курьеры поскакали съ такой-же вѣстью въ Эдинбургъ и Лондонъ. Хотя офицеры и солдаты оказывали королю глубокое уваженіе, однако вечеромъ, подъ предлогомъ подобающаго ему почетнаго караула, сильная стража была приставлена къ дверямъ королевскихъ покоевъ. Желая испытать свое положеніе, Карлъ попробовалъ назначить лозунгъ.

— Извините, государь, — сказалъ Ливнъ, — я здѣсь старшій солдатъ, и потому Ваше Величество позвольте мнѣ взять эту обязанность на себя.

* *
*

Дальнѣйшія событія слѣдуютъ другъ за другомъ съ головокружащей быстротой вплоть до той минуты, пока Оливеръ Кромвель

не былъ назначенъ наконецъ лордомъ-протекторомъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Этимъ событіямъ я могу удѣлить лишь очень немного мѣста, надѣюсь однако, не ко вреду своего очерка. Какъ ни интересны они, въ нихъ нѣтъ ничего такого, что-бы выходило за предѣлы установленныхъ раньше общихъ положеній. Все дѣло сводится къ спору между парламентомъ и арміей, пресвитеріанами и индепендентами. Пресвитеріане ищутъ компромисса съ королемъ; индепенденты кладутъ по немногу основы народовластія. Ихъ программа расширяется. Мильтонъ (род. 1602 г.), еще молодой, но уже замѣченный по своимъ познаніямъ, требовалъ въ выраженіяхъ, дотолѣ неслыханныхъ по своему благородству, свободы совѣсти, свободы книгопечатанія, права развода. Пресвитеріанское духовенство, возмущенное его смѣлостью, безъ успѣха доносило на него палатамъ, ставя въ грѣхъ терпимость къ подобнаго рода сочиненіямъ. Но эта терпимость была конечно вынужденная. Другой человѣкъ, Джонъ Лильборнъ, уже извѣстный восторженнымъ сопротивленіемъ произволу, начиналъ неутомимую борьбу противъ лордовъ, судей, юрисконсультовъ,—борьбу, въ которой онъ пріобрѣлъ эпитетъ безпокойнаго и погибъ. Число индепендентскихъ общинъ вырастало съ каждымъ днемъ. Въ то-же самое время видимо расло значеніе вождей партіи, особенно Кромвеля. Пріѣзжали-ли они изъ арміи въ Вестминстеръ, палаты принимали ихъ съ торжественными почестями; отправлялись-ли они въ армію, парламентъ выражалъ имъ свою признательность денежными подарками или помѣстьями, а также раздачей наградъ и мѣстъ ихъ клевретамъ и тѣмъ самымъ подтверждалъ и увеличивалъ ихъ вліяніе. Словомъ, въ Лондонѣ, равно какъ и въ графствахъ, въ дѣлахъ политическихъ и религіозныхъ—шла ли рѣчь о матеріальныхъ выгодахъ, или о торжествѣ идей—вездѣ общественное движеніе болѣе и болѣе высказывалось въ пользу индепендентовъ, и среди такихъ-то успѣховъ въ то время, какъ эта партія готовилась уже забрать въ руки всю власть,—ей начала грозить опасность потерять все, ибо дѣйствительно она теряла все, какъ скоро король и пресвитеріане соединились-бы противъ нея.

Король былъ въ плѣну. За 4 мил. рублей шотландцы продали его парламенту. Армія увезла, украла короля. Поднимался страшный вопросъ: что съ нимъ дѣлать?

Фактическая власть находилась въ это время въ рукахъ войска. Съ парламентомъ у него происходили постоянные раздоры изъ за жалованья, изъ за власти, изъ за Карла. Парламенту очень хотѣ-

лось распустить армію, чтобъ остаться «единымъ и нераздѣльнымъ», но къ сожалѣнію *ей* совсѣмъ этого не хотѣлось. А между тѣмъ, несмотря на всю ея силу, положеніе ея было очень затруднительно. Держать англійскій народъ въ уздѣ было задачей очень трудной. Лишь только онъ почувствовалъ первое давленіе тираніи, онъ тотчасъ-же сталъ противоборствовать. Гроза разразилась. Въ Шотландіи образовалась коалиція между роялистами и огромнымъ числомъ пресвитеріанъ, которые съ ненавистью смотрѣли на ученіе индепендентовъ. Въ Норфолькѣ, Суффолькѣ, Эссексѣ, Кентѣ, Валлисѣ произошли возстанія. Флотъ на Темзѣ внезапно поднялъ королевскіе флаги, вышелъ въ море и сталъ грозить южному берегу. Большая шотландская армія перешла границу и вступила въ Ланкаширъ. Можно было основательно подозрѣвать, что большинство, какъ лордовъ, такъ и общинъ, смотрѣло на эти движенія съ тайной радостью. Но иго арміи нельзя было такимъ образомъ свергнуть. Пока Ферфаксъ подавлялъ возстаніе въ окрестностяхъ столицы, Кромвель разбилъ валлійскихъ инсургентовъ и, превративъ ихъ дома въ развалины, пошелъ на шотландцевъ. Не смотря на численное превосходство, шотландская армія была совершенно уничтожена, и Кромвель, болѣе чѣмъ когда любимецъ солдатъ, съ торжествомъ вернулся въ Лондонъ.

«Армія почувствовала всеобщее враждебное отношеніе къ себѣ. Гордость, могучее сознаніе своей непобѣдимой силы не позволили ей отступить. И вотъ намѣреніе, на которое въ началѣ войны никто не осмѣлился намекнуть, стало принимать опредѣленную форму. Суровые воины, управлявшіе націей уже нѣсколько мѣсяцевъ, помышляли о страшной мести плѣнному королю. Какъ и когда возникъ этотъ помыселъ, перешелъ-ли онъ отъ генерала къ рядовымъ, или отъ рядовыхъ къ генералу; надлежитъ-ли приписать его политикѣ, употребившей фанатизмъ орудіемъ, или фанатизму, осилившему политику неудержимымъ стремленіемъ?—это такіе вопросы, на которые и теперь нельзя отвѣчать съ увѣренностью. Но вѣроятно, что Кромвель, представлявшійся всѣмъ коноводомъ, въ дѣйствительности самъ принужденъ былъ слѣдовать за другими, и что въ этомъ онъ пожертвовалъ собственнымъ своимъ мнѣніемъ и собственными своими склонностями желаніямъ арміи. Власть, вызванная имъ къ бытію, была властью, которую даже и онъ не всегда могъ обуздывать, а потому, чтобы имѣть возможность постоянно повелѣвать, ему неизбѣжно приходилось иногда повиноваться. Онъ всенародно объявилъ, что не онъ былъ зачинщикомъ этого дѣла,

что первые шаги были предприняты безъ его вѣдома, что онъ не могъ совѣтывать парламенту нанести ударъ, и что онъ подчинилъ свои собственныя чувствованія силѣ обстоятельствъ. Но какія-бы мечтанія ни обольщали его, онъ конечно не грезилъ ни о республикѣ на древній ладъ, ни о тысячелѣтнемъ царствѣ святыхъ. Несомнѣнно еще, что Кромвель одно время намѣревался принять на себя посредничество между престоломъ и парламентомъ и преобразовать потрясенное государство силою меча, подъ санкціей королевской власти. Въ этомъ намѣреніи упорствовалъ онъ до тѣхъ поръ, пока строптивый характеръ солдатъ и неисправимая двуличность короля не принудили его отступиться. Въ лагерѣ начали громко требовать головы измѣнника, бывшаго за переговоры съ Карломъ. Составились заговоры. Рѣчи, грозившія обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ, раздавались во всеуслышаніе. Вспыхнулъ мятежъ, и Кромвель долженъ былъ употребить всю силу и рѣшимость, чтобы потушить его. Благоразумнымъ смѣшеніемъ строгости и милости онъ возстановилъ порядокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ, что было бы въ высшей степени трудно и опасно бороться противъ ярости воиновъ, которые смотрѣли на Карла, какъ на своего врага и врага Божія. Тогда, не желая терять власти, и убѣдившись, что король, обѣщая ему орденъ Подвязки, разсчитываетъ, какъ это было видно изъ его письма къ женѣ, перехваченнаго стражей, «подвязать его къ висѣлицѣ»,—Кромвель рѣшился взять дѣло въ свои руки».

Военные «святые» постановили, что король, вопреки древнимъ постановленіямъ государства и почти общему настроенію націи, долженъ былъ искупить свои преступленія кровью. Общины въ это же время приняли рѣшеніе, клонившееся къ соглашенію съ королемъ. Солдаты исключили большинство силою. Лорды единодушно отвергли предложеніе о преданіи короля суду. Ихъ палата была немедленно закрыта. Ни одно судебное мѣсто, извѣстное закону, не хотѣло взять на себя обязанность судить источникъ правосудія. Учреждено было революціонное судилище. Это судилище признало Карла тираномъ, измѣнникомъ, убійцей и общественнымъ врагомъ, и голова короля скатилась съ плечъ передъ тысячами зрителей противъ пиршественной залы его собственнаго дворца...

III.

Борьба съ парламентомъ.

Развитіе радикальныхъ элементовъ революціи.—Уравнители правъ и уравнители состояній.—Люди пятой монархіи.—Походы Кромвеля въ Шотландію и Ирландію.—Борьба арміи съ парламентомъ.—Побѣда арміи надъ парламентомъ.

«Военный деспотизмъ и военная организація стремятся въ концѣ концовъ сосредоточиться въ рукахъ одного». Это одинаково справедливо, какъ для первобытныхъ общинъ дикарей, такъ и для Европы, какъ въ XVII, такъ даже и въ XIX вѣкѣ. Диктатура Кромвеля, цезаризмъ Наполеона—лучшія иллюстраціи высказаннаго положенія. Но его можно не только иллюстрировать, можно доказать его безусловную логичность, что я постараюсь сдѣлать на нижеслѣдующихъ страницахъ.

Мы должны теперь прослѣдить, какъ власть постепенно и необходимо переходила въ руки Кромвеля. Процессъ этотъ однако совершался не безъ упорной борьбы и занялъ ни болѣе, ни менѣе, какъ четыре года (1649—1653 г.). Что-же такъ тормазило его?

7-го февраля 1648 г. по старому стилю, или 17-го 1648 по новому, нижняя палата, собравшись въ числѣ 73-хъ членовъ, сдѣлала слѣдующее постановленіе:

«Опытомъ доказано и вслѣдствіе того палатою объявляется, что королевское званіе въ этой землѣ безполезно, тягостно и опасно для свободы, безопасности и блага народнаго, поэтому отнынѣ оно уничтожается». Еще наканунѣ была уничтожена палата лордовъ. Вся власть сосредоточилась такимъ образомъ въ рукахъ нижней палаты, и основаніе республики было ознаменовано торжественной надписью, вырѣзанной на новой государственной печати. Эта надпись гласила: «Первый годъ свободы, возстановленной благословеніемъ Божіимъ, 1648».

Отъ свободы до мира было однако очень далеко.

«Со всѣхъ сторонъ,—говоритъ намъ м-ссъ Гетчинсонъ въ своихъ замѣчательныхъ мемуарахъ,—непосредственно послѣ казни короля стали предъявляться проэкты реформы. *Всякій* мечталъ о собственной конституціи и печаталъ планъ ея. Не мало людей обнаруживали рѣшительные признаки неудовольствія, видя, что ихъ предложенія *не сразу* принимаются въ разсчетъ. Въ числѣ этихъ людей въ частности надо назвать Джона Лильборна, отличавшагося умомъ

безпокойнымъ и мятежнымъ, неспособнаго жить въ мирѣ и печатавшаго одинъ памфлетъ за другимъ. Левеллеры также сдѣлали попытку нарушить спокойствіе государства, но Кромвель быстро подавилъ вызванное ими возстаніе, за что́ и получилъ сердечную благодарность отъ парламента.

Какъ видитъ читатель, это было время усиленной агитаціи, усиленнаго «броженія умовъ». Въ государствѣ, расшатанномъ до послѣднихъ своихъ основаній, каждый—большой и маленькій—считалъ себя призваннымъ къ рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ общественной жизни. Мало того, онъ искренне обижался, когда его не слушали. И, благодаря такому возбужденію, передъ нами сотни памфлетовъ, сотни проэктовъ новыхъ конституцій. Очевидно, что на республику возлагались грандіозныя, въ большинствѣ случаевъ мечтательныя надежды. Полагали даже, что она осуществитъ идеалъ царства Божія здѣсь, на землѣ. Увы—какъ далеко еще было оно и тогда... и теперь...

Но познакомимся съ партіями.

Прежде всего предъ нами левеллеры. Опираясь на изслѣдованіе М. Ковалевскаго, мы можемъ перевести этотъ терминъ словами: «политическіе радикалы». Они представляли изъ себя наибольшую (сравнительно) силу въ рядахъ оппозиціи. Ихъ вдохновителемъ, ихъ, если можно такъ выразиться, «теоретическимъ вождемъ» былъ «безпокойный Джонъ», «свободно-рожденный» и наконецъ «всѣми гонимый» Джонъ Лильборнъ. Левеллеры несомнѣнно выдѣлялись изъ среды индепендентовъ и рядовъ кромвелевской арміи. Знамя ихъ было наиболѣе свободолюбивымъ и наиболѣе радикальнымъ въ политическомъ отношеніи. М. Ковалевскій считаетъ ихъ предшественниками радикаловъ современной намъ Англіи. Чего-же хотѣли они? Сущность ихъ требованій можно свести къ слѣдующимъ немногочисленнымъ пунктамъ:

1. У каждаго человѣка существуютъ права, которыя не могутъ быть уничтожены никѣмъ и ничѣмъ здѣсь въ мірѣ. Эти права дарованы ему Богомъ и его достоинствомъ, какъ человѣка. Къ нимъ надо причислить свободу совѣсти, равенство всѣхъ передъ судомъ и исключительная подсудность лицамъ одного съ нимъ состоянія (присяжнымъ).

2. Власть сосредоточивается въ общинахъ Англіи и ихъ единственныхъ представителяхъ—депутатахъ палатъ. Палата законодательствуетъ. Администрація подчинена ей. Парламентская коммиссія слѣдитъ за исполненіемъ законовъ во время перерыва сессій.

3. Судебная власть безусловно отдѣляется отъ законодательной

и исполнительной. Она свободна, „чтобы быть справедливой". (Монтескьё былъ опереженъ ровно на сто лѣтъ.)

4. Всѣ общественныя должности—выборныя. Правомъ представительства пользуется всякій англичанинъ, достигшій извѣстнаго возраста, не живущій на счетъ общественной благотворительности, не обезчещенный судебнымъ приговоромъ и не состоящій въ услуженіи у частнаго лица.

Эта первая ступень утопіи. Религіозная свобода и народовластіе—вотъ ея основанія. Фанатическимъ ея проповѣдниковъ явился Джонъ Лильборнъ. Во имя ея капитанъ Томсонъ поднялъ бунтъ, въ которомъ и погибъ самъ вмѣстѣ съ главными сторонниками, разстрѣлянными, въ числѣ трехъ, на полѣ роковой для нихъ битвы.

Но на первой ступени революціонный духъ остановиться не могъ. Какъ видитъ читатель, программа левеллеровъ—политическая по преимуществу, хотя они и высказываются противъ крѣпостного права и за уничтоженіе послѣднихъ остатковъ издыхавшаго уже въ то время феодализма, однако «священнаго права собственности» они затрагивать не хотятъ и даже клянутся не затрагивать его. Классовыя привилегіи исчезаютъ для нихъ въ представленіи о «гражданскихъ». Еще замѣчательно, что эти политическіе радикалы, въ противность духу времени, не ищутъ религіозной санкціи для своихъ требованій. Они ни разу не ссылаются на Писаніе. Они говорятъ отъ разума. Разумъ устанавливаетъ для нихъ естественныя права личности. Въ остальномъ они опираются на Великую хартію вольностей.

Не то на второй и послѣдующихъ ступеняхъ утопіи. У Вайтлока мы читаемъ слѣдующій, не лишенный большого историческаго интереса, разсказъ, въ заголовкѣ котораго стоитъ 20-е апрѣля 1649-го года.

«Въ это время государственный совѣтъ (Cuncil of State) получилъ извѣстіе о появленіи нѣкоихъ левеллеровъ *) на холмахъ св. Маргариты и св. Георгія. Сообщалось, что эти люди копали землю и засѣвали ее кореньями и сѣменами. Нѣкто Эверардъ, бывшій капралъ арміи, является ихъ начальникомъ и называетъ себя пророкомъ. Всего левеллеровъ 30 человѣкъ, но они увѣряютъ, что вскорѣ ихъ будетъ 4.000. Они приглашаютъ всѣхъ придти и помогать имъ, обѣщая каждому пищу, питье и одежду. Они говорятъ, что уничто-

*) Какъ видитъ читатель, левеллеровъ было два сорта: одни—политическіе радикалы, такъ сказать уравнители *правъ*, другіе—уравнители *состояній*. Послѣднихъ М. Ковалевскій называетъ просто «diggers»—копатели.

жать загороди *) и сдѣлаютъ поля открытыми для труда всякаго желающаго. Два эскадрона драгуновъ помѣшали однако левеллерамъ заниматься ихъ невиннымъ дѣломъ и доставили ихъ, «громко протестующихъ», передъ лицомъ генераловъ—Ферфакса и Кромвеля. Тутъ они объяснили слѣдующее, отказавшись предварительно снять шляпы:

«Мы не имѣли въ виду отнять землю у частныхъ владѣльцевъ или обнаружить дѣятельное сопротивленіе всѣми признаваемымъ властямъ. Мы хотѣли лишь вступить во владѣніе искони признаваемыми за англійскими общинниками народными землями (folkland), нѣсколько столѣтій тому назадъ отнятыми норманскими завоевателями. Всѣ слѣды завоеванія должны быть, по крайнему нашему разумѣнію, нынѣ стерты въ виду побѣды народа надъ королемъ—прямымъ потомкомъ завоевателя. Только по недоразумѣнію солдаты сочли нужнымъ вмѣшаться въ наше дѣло, сожгли наши жилища и арестовали насъ. Мы—спокойные и честные люди. Посылайте противъ насъ войска, мы не окажемъ имъ никакого сопротивленія. Мы не будемъ бороться съ вами ни мечомъ, ни копьемъ, но лопатой и плугомъ, съ помощью которыхъ мы сдѣлаемъ плодоносными пустоши и лежащую безъ обработки землю общинъ. Теперь мы говоримъ съ вами, но не для того, чтобы снискать вашу милость. Мы не вправѣ имѣть покровителемъ никого, кромѣ Бога. Мы объявляемъ вамъ поэтому на добромъ англійскомъ языкѣ, что мы избрали Бога своимъ покровителемъ и заступникомъ». Въ письмѣ ихъ къ Ферфаксу встрѣчаются еще слѣдующія строки: «Когда вамъ угодно было посѣтить насъ, то мы сказали вамъ, что не противимся тѣмъ, которые хотятъ имѣть законы и правительство, но что сами мы не нуждаемся ни въ томъ, ни другомъ. Подобно тому, какъ земля у насъ должна быть общей, такъ точно общимъ долженъ быть скотъ для ея обработки и всѣ плоды полей. Ничто подобное не можетъ быть предметомъ купли или продажи, такъ какъ всего этого мы можемъ имѣть достаточно для удовлетворенія нуждъ нашихъ. А если такъ, то какая намъ нужда въ присвоеніяхъ и обманахъ, въ законахъ, предписывающихъ сѣченіе, заточеніе въ тюрьму и повѣшеніе? Сохраняйте вашихъ правителей и призывайте насъ даже къ отвѣтственности передъ ними, въ случаѣ присвоенія нами ва-

*) Къ этому времени большая часть свободныхъ общинныхъ земель огораживалась и переходила въ частную собственность. Это была своего рода узурпація общинныхъ правъ.

шего скота и хлѣба и разрушенія нами вашихъ загородей, но предоставьте намъ свободу отъ подчиненія властямъ въ предѣлахъ нашихъ собственныхъ владѣній. Предупреждаемъ васъ, что мы не сочтемъ нужнымъ скрывать подъ затворами ни хлѣба, ни скота; все, что мы имѣемъ, будетъ предоставлено въ полное распоряженіе всѣмъ». Дальше левеллеры спрашиваютъ: «хорошо-ли, что трудящійся людъ долженъ довольствоваться одной заработной платой, не имѣя доступа къ землѣ?»—Очень нехорошо конечно, но это не мѣшаетъ быть левеллерамъ людьми, превосходящими другихъ своей наивностью. Непротивленіе злу—основной догматъ ихъ нравственности. Они не хотятъ выступать противъ зла жизни съ оружіемъ въ рукахъ, а лишь служатъ примѣромъ для другихъ. Утопія очевидно развивается.

Вотъ однако ея 3-я ступень. Прошу выслушать слѣдующія соображенія: «Такъ какъ міръ просуществовалъ до потопа 1656 лѣтъ, то *поэтому* въ 1657 году по Рождествѣ Христа долженъ наступить день Его вторичнаго пришествія на землю. Такъ какъ $2 \times 666 = 1332$, а никейскій соборъ былъ въ 325 году, а $1332 + 325 = 1657$, то *поэтому* въ 1657 году придетъ Христосъ и оснуетъ царство свое. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ правительства равно незаконны, а главное безбожны, такъ какъ народомъ могутъ управлять только Богъ и его намѣстникъ Христосъ».

Такъ разсуждали люди пятой монархіи съ Гаррисономъ во главѣ. Но, хотя въ дикой и безобразной формѣ, они воплощали затаеннѣйшія стремленія своего сердца къ правдѣ и справедливости. Надо замѣтить, что въ низшихъ слояхъ европейскаго общества было весьма распространено убѣжденіе, что второе пришествіе Мессіи должно воспослѣдовать со дня на день. И они ждали, затаивъ дыханіе, ждали—когда на землю Мессія придетъ

Тотъ самый, Чья слава въ молитвахъ поется.
Тотъ самый, Котораго ждетъ, не дождется,
Такъ долго нашъ бѣдный народъ.

Подъ санкціей своей религіозной утопіи люди пятой монархіи были анархистами чистой воды.

* * *

Что было дѣлать Кромвелю среди всѣхъ этихъ идеологовъ, иллюзіонеровъ, утопистовъ? Постепенно пришлось ему разсориться со всѣми ими. Какъ и почему, увидимъ ниже, а пока посмотримъ, что дѣлаетъ онъ, какъ «способнѣйшій гражданинъ республики»?

Подавивъ революцію въ войскѣ, онъ отправился въ Ирландію (1649). Здѣсь роялисты заключили союзъ съ туземнымъ католическимъ населеніемъ противъ парламентскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Дублинѣ. Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Ирландія была завоевана, сожжена, разорена до тла и три ея провинціи изъ четырехъ были конфискованы въ пользу завоевателя. Здѣсь единственный разъ въ жизни Кромвель проявилъ непонятную въ немъ и возмутительную жестокость. Въ Дрогодѣ напр. 200 человѣкъ были казнены съ оружіемъ въ рукахъ. Въ этой рѣзнѣ проявилась слѣпая національная ненависть англичанъ противъ ирландцевъ, протестантовъ—противъ католиковъ. Оправданіе, въ которомъ самъ Кромвель чувствовалъ необходимость въ данномъ случаѣ, неудовлетворяетъ насъ: «Я убѣжденъ,—писалъ онъ,—что это совершенно справедливый судъ Божій надъ зловредными негодяями, руки которыхъ покрыты кровью многихъ невинныхъ жертвъ. Я убѣжденъ, что это предупредитъ кровопролитіе на будущее время. Только эти соображенія и могутъ оправдать подобный образъ дѣйствія, который въ противномъ случаѣ повлекъ-бы за собой сожалѣнія и угрызенія совѣсти». Нѣтъ, такого образа дѣйствій никакія соображенія оправдать не могутъ. Кровопролитіе дѣйствительно было предотвращено на будущее время, но вмѣсто него началась систематическая вѣковая эксплуатація ирландскаго народа англичанами, которой суждено закончиться лишь въ наши дни.

Безъ такихъ жестокостей, но также быстро (1650 г.), была завоевана Шотландія, возмущенная казнью короля и избравшая на его мѣсто его сына, Карла II Стюарта.

Оставалось теперь одно большое затрудненіе—это самъ англійскій парламентъ, которому до сихъ поръ вѣрой и правдой служилъ Кромвель. Но теперь обстоятельства перемѣнились.

«Кромвель,—читаемъ мы у Гардинера,—старшіе офицеры арміи и болѣе благородные умы, еще оставшіеся въ парламентѣ, стремились единодушно къ осуществленію одного общаго желанія: къ свободному управленію, согласному съ рѣшеніями избранныхъ представителей. Они желали гарантіи свободѣ мысли и слова, безъ чего парламентское управленіе являлось тираніей, только подъ другимъ названіемъ. Но они не имѣли средствъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Всѣ революціонныя силы истощились еще до казни Карла, а теперь, когда его преемникомъ явился юноша, о которомъ не было извѣстно ничего дурного, приливъ роялистовъ сталъ увеличиваться съ каждымъ днемъ».

Всѣ роялистскія движенія были только что укрощены въ Ирландіи и Шотландіи. Съ минуты на минуту ихъ можно было ожи-

дать въ самой Англіи: стонъ, вырвавшійся у шеститысячной толпы, присутствовавшей при казни короля, еще не былъ забытъ. Нація наконецъ совсѣмъ не хотѣла республики, она не искала даже свободы совѣсти. Подчиниться ей или ея представителямъ значило для вождей индепендентовъ потерять не только свою власть, но вѣроятно и жизнь.

Они прекрасно сознавали это. Политика парламента въ то же время совсѣмъ не внушала довѣрія. Къ этому времени въ немъ осталось всего 50 или 60 человѣкъ. Они привыкли къ господству. Десятилѣтнее управленіе дѣлами государства пріучило ихъ къ деспотизму. Разставаться со своими мѣстами они совсѣмъ не хотѣли. Но не ловко было въ то же время оставаться въ такомъ маломъ числѣ. Члены палаты въ этихъ обстоятельствахъ надумали прибѣгнуть къ совершенно необыкновенному средству. Они рѣшили избрать новыхъ депутатовъ, оставивъ за собой свои курульныя кресла. Мало того, они изобрѣли для себя выгодное право не принимать въ свою среду никого изъ тѣхъ, кто показался бы имъ негоднымъ или неудобнымъ для службы въ парламентѣ.

«Весь этотъ планъ—продолжаетъ Гардинеръ—былъ не что иное, какъ плутовство, котораго Кромвель не терпѣлъ. Вѣдь онъ и его солдаты сражались и проливали кровь свою главнымъ образомъ за свободу совѣсти, а новый, и хотя на старый ладъ,—парламентъ не представлялъ бы никакой гарантіи для нея. Ничто не могло помѣшать ему уничтожить по своему благоусмотрѣнію всѣ прежніе эдикты».

Вопросъ о самосохраненіи все рѣшительнѣе выступалъ такимъ образомъ для инденпендентовъ. Возвращаться было некуда; казнивъ Карла, они сожгли свои корабли. Они погибли-бы на другой день послѣ распущенія ихъ армій, а это распущеніе очевидно и во снѣ и на яву грезилось парламенту. Онъ поднималъ этотъ вопросъ въ февралѣ, маѣ, августѣ 1652 года, и только главнокомандующій войсками, т. е. Кромвель, служилъ ему постоянной, неодолимой помѣхой.

20-го апрѣля 1653 г. была рѣшена наконецъ участь долгаго парламента. Вывѣдавъ раньше мнѣнія главныхъ представителей арміи, Кромвель убѣдился, что сильнаго протеста онъ не встрѣтитъ ни съ чьей стороны. Простые солдаты боготворили его; офицеры тоже безъ исключенія держали его сторону, причемъ многіе искренне; зять его Флитвудъ управлялъ Ирландіей; преданный Монкъ—Шотландіей. Бояться было нечего, развѣ времени, которое могло неожиданно придать парламенту новую силу. Кромвель понялъ, что мед-

лить особенно нельзя. Итакъ, 20-го апрѣля вмѣстѣ съ Гаррисономъ онъ явился въ палату, размѣстивши предварительно солдатъ возлѣ Вестминстера, и спокойно сѣлъ на свое мѣсто. Венъ въ это время говорилъ, съ жаромъ доказывая необходимость билля о новомъ составѣ парламента. Наконецъ Венъ кончилъ рѣчь, и предсѣдатель готовился отдать вопросъ на голоса. Тогда Кромвель всталъ и обратился къ парламенту, сначала въ очень почтительномъ тонѣ; онъ воздалъ должную справедливость его трудамъ и усердію; но мало по малу тонъ его измѣнился, его голосъ и жесты стали гнѣвны; онъ упрекалъ членовъ палаты въ ихъ медленности, корыстолюбіи, пристрастіи къ личнымъ выгодамъ, невниманіи къ правосудію. «У васъ—закончилъ онъ—нѣтъ желанія сдѣлать что либо для общественнаго блага; вы хотите только навсегда удержать за собою власть. Часъ вашъ насталъ: Господь отступился отъ васъ; онъ избралъ для исполненія своей воли орудія болѣе достойныя. Господь руководитъ мною и повелѣваетъ мнѣ дѣлать то, что я дѣлаю». Венъ, Уэнтвортъ и Мартинъ быстро встали, чтобы отвѣчать ему. «Вы можетъ быть находите,—продолжалъ Кромвель,—что моя рѣчь не парламентская?—согласенъ, но не ждите отъ меня другой рѣчи». Уэнтворту удалось наконецъ произнести нѣсколько словъ: «никогда еще парламентъ не слыхалъ подобныхъ словъ; они тѣмъ болѣе ужасны, что сказаны его служителемъ, котораго парламентъ, по своей безпримѣрной добротѣ, такъ высоко поставилъ и сдѣлалъ тѣмъ, что онъ есть». Кромвель бросился на средину залы и, надѣвъ шляпу, закричалъ: «вонъ! вонъ! Я положу конецъ вашей болтовнѣ!» Онъ подалъ знакъ Гаррисону: дверь отворилась; вошли человѣкъ двадцать или тридцать солдатъ подъ начальствомъ полковника Уорслея. «Вы не составляете больше парламента! выходите вонъ! очистите мѣсто для болѣе честныхъ людей!» Кромвель ходилъ взадъ и впередъ, топая ногой и отдавая приказанія: «Заставьте его сойти!»—сказалъ онъ Гаррисону, указывая на предсѣдателя, сидѣвшаго въ своемъ креслѣ. Гаррисонъ попросилъ предсѣдателя сойти; Ленталь отказался. «Сведите его сами!»—проговорилъ Кромвель. Гаррисонъ робко и почтительно взялся за мантію предсѣдателя и тотъ покорился.

Разогнавъ парламентъ, Кромвель вернулся въ Уайтголль. Тамъ нашелъ онъ многихъ офицеровъ, ожидавшихъ развязки событія. Разсказавъ имъ о случившемся, онъ прибавилъ: «когда я отправлялся въ палату, я никакъ не думалъ, что сдѣлаю это; но я по-

чувствовалъ надъ собою вліяніе духа Божія, столь могущественное, что уже не внималъ голосу плоти и крови».

То же самое сдѣлалъ Кромвель и съ государственнымъ совѣтомъ. Уходя, Брадшоу сказалъ ему: «намъ извѣстно, какъ поступили вы сегодня утромъ въ палатѣ, и черезъ нѣсколько часовъ узнаетъ объ этомъ вся Англія. *Но вы ошибаетесь, если думаете, что парламентъ распущенъ: никакая власть земная, кромѣ самаго парламента, не можетъ распустить его. Имѣйте-же это въ виду*». Всѣ встали и вышли вонъ. На другой день прохожіе останавливались у дверей палаты передъ громадной афишей, вѣроятно ночнымъ произведеніемъ какого нибудь кавалера, который былъ радъ, что Кромвель отомстилъ за него республиканцамъ; на афишѣ было написано: «отдается въ наемъ пустая палата». *)

* *
*

Насиліе надъ долгимъ парламентомъ возбудило въ Лондонѣ и во всей Англіи только любопытство, равнодушное и насмѣшливое; ни одной руки, ни одного голоса не поднялось на его защиту.

— Никто не слыхалъ,—сказалъ Кромвель въ грубомъ порывѣ торжества,—чтобы хотя какая нибудь собака лаяла, когда они уходили.

Всѣ молчали, потому что боялись говорить. Но несомнѣнно, что съ этой минуты Кромвель навсегда и окончательно поссорился съ республиканцами. Они разочаровались въ немъ: дальнѣйшіе его поступки совсѣмъ не къ тому клонились, чтобы возстановить довѣріе. Онъ стремился къ управленію. Онъ хотѣлъ править такъ, какъ самъ считалъ лучшимъ. Онъ искренне вѣрилъ, что его планы внушены Богомъ. Видя передъ собой страну, измученную и истерзанную 10-ю годами революціонной войны, онъ прежде всего вознамѣрился водворить въ ней порядокъ и чтобы никто не мѣшалъ честному человѣку работать и жить. Но этотъ порядокъ онъ водворялъ круто и деспотически. Не въ его привычкѣ было останавливаться передъ препятствіями: онъ ломалъ ихъ безъ сожалѣнія. Подъ его правленіемъ «вольности» Англіи отошли въ область мечтаній.

---

*) Кстати, образчикъ оффиціальной прессы XVII столѣтія. По поводу описанныхъ событій въ «Mercurius Politicus» было напечатано: «вчера лордъ-генералъ представилъ парламенту разныя причины, по которымъ онъ долженъ въ настоящее время закрыть свои засѣданія, что̀ исполнено. Предсѣдатель и члены разошлись.

Онъ употребилъ невѣроятныя усилія, чтобы задержать революцію въ предѣлахъ религіозно-политическаго переворота и не дать хода ни радикализму, ни мистическому сектанству. Онъ достигъ этого. Его оправданіе—то, что нація нуждалась въ мирѣ. Предыдущій десятилѣтній періодъ страшно утомилъ ее. Во многихъ мѣстахъ порвались всѣ соціальныя связи: каждый день приходилось считаться съ шайками грабителей и убійцъ. Революціонный духъ, въ свою очередь забѣгая на нѣсколько столѣтій впередъ, требовалъ въ XVII столѣтіи того, чего Англія напрасно еще добивается и въ XIX-мъ.

Разогнавъ парламентъ и добившись почти абсолютной власти, Кромвель рѣшился ему противодѣйствовать. Республиканцы возненавидѣли его. Они имѣли на это причину. Между ними и Кромвелемъ было глубокое *принципіальное разногласіе*, *разногласіе идеологовъ съ человѣкомъ факта*. Намъ еще придется подробно разобраться въ этомъ, пока же вотъ конкретный примѣръ, какъ постепенно и необходимо мѣнялись отношенія политическихъ радикаловъ къ Кромвелю.

Съ самаго начала революціи въ памфлетной литературѣ имя Джона Лильборна, «свободно-рожденнаго Джона», стало попадаться особенно часто. Это былъ человѣкъ несомнѣнно талантливый и страстный. При первомъ призывѣ къ оружію онъ вступилъ въ ряды парламентской арміи, но въ рядахъ отряда Эссекса ему не понравилось. Онъ замѣтилъ въ графѣ «нѣкоторую религіозную нетерпимость» и, «какъ горячій защитникъ свободы, какъ радикалъ и агитаторъ»,—не могъ помириться съ ней. Онъ поспѣшилъ въ Линкольнширъ къ Кромвелю, котораго зналъ, какъ приверженца «дорогой моему сердцу вѣротерпимости». Съ Кромвелемъ онъ сошелся очень близко и о своихъ отношеніяхъ къ нему выражается такъ: «онъ былъ моимъ сердечнымъ другомъ; онъ сильно настаивалъ на моей помощи и побудилъ меня доставить ему матеріалъ къ обвиненію Манчестера въ измѣнѣ, а этотъ шагъ возстановилъ противъ меня всѣхъ, кто былъ связанъ съ Манчестеромъ дружбой и интересомъ». Лорду Манчестеру удалось даже устроить дѣло такъ, что Лильборнъ заключенъ былъ въ тюрьму по обвиненію палаты общинъ въ оскорбленіи чести одного изъ членовъ парламента. Однако прямому вмѣшательству Кромвеля удалось не только освободить Лильборна изъ Ньюгетской тюрьмы, но и выхлопотать ему порядочное денежное пособіе въ вознагражденіе за убытки, понесенные имъ въ борьбѣ съ епископами еще при Карлѣ. Въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ Лильборнъ приводитъ текстъ письма, которымъ снабдилъ

его по этому случаю будущій протекторъ Англіи: «по истинѣ прискорбно—пишетъ Кромвель—видѣть, какъ разоряются люди, благодаря своей вѣрности къ общественнымъ интересамъ, и какъ мало людей принимаетъ это къ сердцу». Но подобныя отношенія къ «свободно-рожденному», безпокойному Джону продолжались очень недолго—не далѣе минуты окончательной побѣды надъ королемъ. Съ этой поры политика Кромвеля мѣняется: мы видѣли даже, что онъ мечтаетъ о «возстановленіи» Англіи подъ санкціей Карла Стюарта. «Безпокойный Джонъ» задумался: много казалось ему подозрительнымъ въ поведеніи Кромвеля. Онъ рѣшился отдѣлиться отъ него, чтобы потомъ сдѣлаться его открытымъ врагомъ. Въ 1653 году Лильборнъ попадаетъ на скамью подсудимыхъ. Это Кромвель отправилъ его *сюда*. Его спасаетъ только популярность, такъ какъ въ день произнесенія приговора 6000 человѣкъ толпились возлѣ зданія суда, и повсюду были разбросаны билетики съ краснорѣчивымъ объявленіемъ, что, «въ случаѣ осужденія свободнаго Джона, 60,000 пожелаютъ узнать ближайшія къ тому причины». Въ своихъ послѣднихъ памфлетахъ Лильборнъ жестоко нападаетъ на Кромвеля. Онъ называетъ его измѣнникомъ и предателемъ. Онъ постоянно проводитъ параллели между генераломъ, «стремившимся къ власти» и «достигшимъ ея»,—не въ пользу конечно послѣдняго. «А не Кромвель-ли—спрашиваетъ Лильборнъ—клялся мнѣ сдѣлать Англію свободнѣйшей страной въ мірѣ? Не онъ ли однажды за вечернимъ столомъ наканунѣ похода въ Шотландію обѣщалъ приложить все свое стараніе къ тому, чтобы доставить Англіи возможность воспользоваться плодами побѣды? Не онъ ли признавалъ необходимымъ установить болѣе равномѣрное представительство и порядочность въ созывѣ парламента? Лицемѣръ!..» Уже въ 1651 году Лильборнъ предупреждаетъ своихъ соотечественниковъ, говоря, что Кромвель хочетъ сдѣлаться королемъ.

Республиканцы, нѣкоторые по крайней мѣрѣ, еще готовы были простить ему поступокъ съ парламентомъ, но протектората они не могли простить ему никогда. Для нихъ напр. онъ такъ на вѣки и остался «интриганомъ». А между тѣмъ къ установленію единовластія Кромвеля клонилось все. Энергія, съ какой онъ охранялъ порядокъ въ государствѣ, страстная привязанность арміи, торжество въ морской борьбѣ съ голландцами, раздоры партій, общее утомленіе, неминуемо наступающее послѣ революціи,—вотъ элементы, изъ которыхъ постепенно и необходимо созидался его тронъ.

4-го іюля въ Уайтгаллѣ собрались нотабли, приглашенные

Кромвелемъ для разсмотрѣнія неотложныхъ дѣлъ. Это собраніе не было парламентомъ, такъ какъ депутаты явились по приглашенію главнокомандующаго, а не по выбору народа. Въ день открытія Кромвель произнесъ двухъ-часовую рѣчь, причемъ одинъ изъ офицеровъ держалъ его плащъ, какъ обыкновенно держатъ верхнюю одежду короля въ подобныхъ случаяхъ. Рѣчь Кромвеля была страстнымъ призывомъ къ заботамъ о народѣ. Онъ обрушился прежде всего на долгій парламентъ, указалъ на его эгоистическую, вѣроломную политику, на его пренебреженіе къ правамъ и вольностямъ. «Если-же—сказалъ онъ—наши вольности и права погибли въ борьбѣ, мы бы по необходимости принуждены были терпѣть; но терять ихъ по безпечности и апатіи—значило съ нашей стороны сознаться въ трусости, измѣнѣ Богу и его народу».—«Умоляю же васъ,—продолжалъ Кромвель,—имѣйте попеченіе о стадѣ, будьте кротки и вѣрны со всѣми; если христіанинъ, самый нищій духомъ, *христіанинъ, наиболѣе заблудшійся*, желаетъ жить мирно подъ вашей властью—покровительствуйте ему. Я когда то сказалъ—правда, можетъ быть ошибочно,—что мнѣ было бы *легче поступить несправедливо съ вѣрующимъ, чѣмъ невѣрующимъ*. Направляйте всѣ усилія ваши къ распространенію евангельскаго ученія, ободряйте его проповѣдниковъ. Сознайте же ваше призваніе, ибо оно отъ Бога».

Кромвель однако совсѣмъ не хотѣлъ, чтобы благочестивое собраніе прямо и непосредственно вмѣшивалось въ управленіе государствомъ. Послѣднее онъ оставлялъ себѣ. Онъ не хотѣлъ также, чтобы шли разговоры объ установленіи конституціи. Ихъ онъ считалъ преждевременными. «Придетъ пора—закончилъ онъ—и свободно избранный парламентъ замѣнитъ васъ, но я и самъ не знаю, когда народъ сдѣлается достойнымъ свободныхъ выборовъ».

Намѣреніе Кромвеля были просты и ясны. Собраніе было нужно ему преимущественно для декорума. Ни одного самостоятельнаго шага, хотя сколько нибудь расходящагося съ его собственными планами, онъ бы не разрѣшилъ ему. Благочестивое собраніе оказалось очень неуживчивымъ и мало того—самымъ причудливымъ и непрактичнымъ изъ всѣхъ, которые гдѣ-либо существовали на свѣтѣ. Въ набожности депутатовъ сомнѣваться было нельзя: они молились столько же, сколько разсуждали, даже болѣе того: иногда все засѣданіе проходило въ молитвахъ. Но это мало подвигало дѣла впередъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ собраніе успѣло возстановить противъ себя всѣ консервативные элементы общества. Тонъ его рѣчамъ давали такіе фанатики и утописты какъ Гаррисонъ и Фокъ—люди пятой

монархіи. Они серьезно объявили, что настало время для царства святыхъ, и что они призваны управлять этими святыми. Что значило это царство? Торжество любви и мира среди людей, спокойная жизнь безъ борьбы и злобы, проводимая въ ликованіяхъ по поводу пришествія Мессіи. Чудный призракъ государства, какъ христіанской общины, носился передъ разгоряченнымъ воображеніемъ сектантовъ. Но это былъ призракъ. Люди практики и реальнаго факта не хотѣли гоняться за нимъ. Они говорили: «низверженіе духовенства, попраніе законовъ и собственности—вотъ главное желаніе нашего парламента; законы и права англичанъ, за что этотъ народъ такъ долго проливалъ кровь, они хотятъ замѣнить кодексомъ, составленнымъ по книгамъ Моисея, годнымъ для евреевъ... Они—враги всякаго умственнаго труда, всякаго знанія».

12-го декабря участь парламента была рѣшена. По предложенію одного полковника, меньшинство постановило передать власть въ руки лорда-генерала и отправилось къ нему торжественной депутаціей. Но Гаррисонъ и двадцать семь его сторонниковъ не прекратили засѣданія и приступили къ молитвамъ. Вдругъ вошли два офицера и предложили имъ удалиться. «Мы не уйдемъ, пока насъ не принудятъ къ тому силою». «Что же вы тутъ дѣлаете?»—спросилъ Уайтъ. «Мы ищемъ Господа»—отвѣчалъ Гаррисонъ. «Въ такомъ случаѣ—возразили ему—ищите Его гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, потому что вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ мнѣ извѣстно, онъ не бываетъ здѣсь...»

Зала была очищена солдатами, и такъ окончилъ свое существованіе самый странный изъ парламентовъ Англіи, не передавши потомству даже своихъ иллюзій, а лишь презрительное свое прозвище «баребонскаго—парламента голой кости».

Только что описанная дѣятельность благочестиваго учрежденія оказалась какъ нельзя болѣе выгодной для Кромвеля. Консервативные элементы общества, испуганные увѣреніями «святыхъ», что въ наступающемъ царствѣ Христа нѣтъ мѣста ни для властей, ни для собственности,—сплотились возлѣ него, видя въ немъ единственнаго человѣка, способнаго поддержать порядокъ. Армія одинаково поняла, что никогда никакой парламентъ не будетъ на ея сторонѣ, такъ какъ даже баребонскій, ею самой созванный, дѣлалъ «многіе тайные намеки на необходимость ея распущенія». Нація по прежнему оставалась равнодушной и не наводила даже справокъ о «формѣ правленія». Безпокойный Джонъ Лильборнъ сидѣлъ въ это время

подъ крѣпкими замками въ Ньюгепѣ, изрѣдка прогуливаясь по двору въ сопровожденіи «собаки-тюремщика».

IV.

Протекторатъ.

Кромвель становится протекторомъ.—Отношеніе къ роялистамъ и сектантамъ.—Заговоры.—Парламенты Кромвеля. — Его деспотизмъ. — Перемѣна въ характерѣ.—«Счастливѣйшій день въ жизни».

16-го декабря 1653 г. разыгралась поэтому сцена, которую давно можно было предвидѣть. Въ этотъ день, ровно въ часъ пополудни, пышный кортежъ двинулся изъ Уайтгалля въ Вестминстеръ, между двумя линіями солдатъ. Лорды-коммиссары государственной печати, лоръ-мэръ и ольдермэны лондонскаго Сити, всѣ въ красныхъ мантіяхъ и церемоніальныхъ каретахъ были во главѣ поѣзда; за ними—Кромвель, въ костюмѣ изъ чернаго бархата, въ ботфортахъ, въ шляпѣ съ широкой золотой тесьмой. Прибывъ въ Вестминстеръ-галль, кортежъ вошелъ въ залу канцлерскаго суда, на одномъ концѣ которой было поставлено кресло правителя. Когда Кромвель сталъ передъ этимъ кресломъ и всѣ присутствовавшіе размѣстились вокругъ него, генералъ Ламбертъ объявилъ, что парламентъ распущенъ по добровольному согласію его членовъ, и просилъ лорда-генерала отъ имени арміи и трехъ націй, въ силу необходимости, истекающей изъ самаго положенія дѣлъ, принять протекторатъ надъ республикой Англійской, Шотландской и Ирландской. Послѣ минутной скромной нерѣшительности Кромвель далъ свое согласіе. Тогда одинъ изъ секретарей совѣта, Джессонъ, прочелъ конституціонный актъ, гдѣ въ сорока-двухъ пунктахъ былъ изложенъ смыслъ протекторскаго правленія. Кромвель произнесъ и подписалъ клятву «принять на себя управленіе и протекцію надъ соединенными націями, сообразно правиламъ, изложеннымъ въ прочитанномъ актѣ».

Вынужденнаго во всемъ этомъ ровно ничего не было. Въ возможности представлялся выборъ изъ трехъ комбинаціи: или провозглашеніе королемъ Карла II, или диктатура парламента, или же наконецъ протекторатъ Кромвеля. Должно было побѣдить то, на чьей сторонѣ въ данную минуту былъ maximum силы. Она вся со-

средоточилась въ рукахъ арміи и ея вождя. Это понималъ каждый, и кто былъ способенъ покориться—покорился, громадное большинство совершенно добровольно.

Но сектаторы, анабаптисты, милленаріи не отреклись отъ своей дорогой иллюзіи даже въ эту минуту. На другой день послѣ провозглашенія протектора, толпа многолюднѣе, чѣмъ когда либо, собралась вокругъ каѳедры своего озлобленнаго проповѣдника Фика. Фикъ свирѣпствовалъ выше всякой мѣры. «Подите, скажите вашему протектору,—кричалъ онъ,—что онъ обманулъ народъ Господа, что онъ—лжецъ и клятвопреступникъ; недолго царствовать ему; съ нимъ случится худшее, чѣмъ съ послѣднимъ протекторомъ Англіи, горбатымъ тираномъ Ричардомъ. Скажите ему, что вы отъ меня это слышали». Фика потребовали въ совѣтъ и арестовали. Когда спросили Гаррисона, самаго извѣстнаго изъ анабаптистовъ, признаетъ ли онъ протекторское правленіе, онъ гордо отвѣтилъ: «нѣтъ». Отставленный отъ службы, Гаррисонъ получилъ приказаніе отправиться домой въ графство Стаффордъ и тамъ держать себя посмирнѣе.

Надо замѣтить, что съ этими сектаторами Кромвель всегда очень церемонился. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отрѣшилъ ихъ отъ должностей. Когда же протекторъ имѣлъ дѣло съ людьми, принадлежавшими къ этой партіи и пользовавшимися вліяніемъ, но не занимавшими никакихъ оффиціальныхъ мѣстъ,—извѣстными проповѣдниками или народными говорунами, то онъ приглашалъ ихъ къ себѣ, соблюдалъ прежнюю фамильярность, самъ притворялъ дверь послѣ того, какъ они входили къ нему въ комнату, просилъ ихъ садиться и покрывать голову; увѣрялъ, что презираетъ этикетъ и пышность, которые въ иныхъ случаяхъ поневолѣ долженъ соблюдать, и затѣмъ откровенничалъ съ ними, какъ съ своими старыми и истинными друзьями. Онъ говорилъ имъ, что стократъ промѣнялъ бы протекторскій санъ на пастушескій, но видитъ, что прежде всего не должно дать дойти націи до послѣдней степени безпорядка и стать добычей общаго врага; поэтому то онъ и рѣшился (по его собственному выраженію) идти нѣкоторое время между живыми и мертвыми, будучи однако всегда готовъ сложить съ себя лежащее на немъ тяжелое бремя съ великой радостью. Потомъ онъ молился вмѣстѣ съ ними, трогая ихъ до глубины сердецъ своею искренностью. Самые подозрительные бывали потрясены въ своемъ невѣріи, самые озлобленные примирялись, и если Кромвелю не удалось совершенно подавить всякое непріязненное броженіе въ

рядахъ партіи, то по крайней мѣрѣ онъ не давалъ ему распространяться, ни вспыхивать и большую часть этихъ набожныхъ энтузіастовъ удерживалъ на своей сторонѣ или заставлялъ при всемъ ихъ недовольствѣ и нерасположеніи оставаться въ нерѣшимости и бездѣйствіи.

Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ Кромвель съ роялистскими заговорщиками; противъ нихъ-то устремлялъ онъ свои демонстраціи, грозившія строгими мѣрами, а въ случаѣ нужды приводилъ въ исполненіе и самыя эти мѣры, частью для дѣйствительной защиты себя отъ ихъ замысловъ, частью же для того, чтобы собрать вокругъ себя республиканцевъ, полныхъ ненависти или проникнутыхъ духомъ безпокойства. Въ поводахъ къ этому недостатка не было. Черезъ мѣсяцъ послѣ провозглашенія протектората въ Сити было открыто сборище, состоявшее изъ одиннадцати роялистовъ, замышлявшихъ произвести общее возстаніе партіи и убить Кромвеля; въ апрѣлѣ была найдена прокламація, якобы отъ имени Карла II, въ которой говорилось, что «убить протектора—это подвигъ, одинаково пріятный Богу и всѣмъ честнымъ людямъ». За голову назначалась высокая цѣна, чины, кресты, ордена и земли. Въ маѣ былъ открытъ заговоръ Джерарда и т. д. Но было бы тяжело и излишне перечислять всѣ перипетіи этой борьбы, въ концѣ которой роялисты должны были сознаться, что пока Кромвель живъ, всѣ ихъ происки безполезны. Съ какимъ то мистическимъ ужасомъ произносили они самое имя протектора.

Роялистовъ можно было по крайней мѣрѣ уничтожить, и самую трудную борьбу Кромвелю пришлось выдержать не съ ними, а съ парламентомъ и республиканской арміей. И эта борьба съ каждымъ днемъ становилась все ожесточеннѣе, такъ какъ Кромвель все дальше и дальше уходилъ отъ сорока-двухъ статей и приближался къ образцу старой, имъ-же уничтоженной, монархіи. Сущность его протекторства вначалѣ сводилась къ тому, что «верховная и законодательная власть Англіи сосредоточивается въ одномъ лицѣ и въ народѣ, собранномъ въ парламентѣ». *Одно лицо* и было зародышемъ начинавшейся монархической реакціи. Кромвель сильно двинулъ ее. Конституціонный актъ предоставлялъ частью одному ему лично, частью при содѣйствіи государственнаго совѣта, отъ него-же зависѣвшаго, почти всѣ аттрибуты королевской власти. Онъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ. Судьямъ и всѣмъ высшимъ государственнымъ чинамъ велѣлъ онъ тотчасъ выдать рескрипты, имъ самимъ подписанные. Всѣ публичные акты, административные и судебные, совершa-

лись его именемъ; онъ торжественно установилъ свой государственный совѣтъ и подчинилъ его разсужденія большей части тѣхъ правилъ, которымъ издревле слѣдовалъ парламентъ. 8-го февраля 1654 г., по его внушенію, въ Сити данъ былъ ему великолѣпный обѣдъ; въ концѣ котораго онъ возвелъ лорда-мэра въ рыцарское достоинство и подарилъ ему собственную свою шпагу, какъ это дѣлалъ обыкновенно новый король при своемъ восшествіи на престолъ. Онъ поселился въ королевскихъ покояхъ, которые по этому случаю были богато поновлены и меблированы. Домъ его принялъ всю пышность и всѣ формы двора. Въ сношеніяхъ съ иностранными посланниками онъ ввелъ правило и этикетъ, существовавшіе при первоклассныхъ монархическихъ дворахъ.

И всюду носился слухъ, что онъ скоро будетъ королемъ, что онъ уже король и коронованъ тайно.

Но онъ не торопился... въ этомъ по крайней мѣрѣ. За то, говоритъ Гизо, быстро и въ должной мѣрѣ совершалъ онъ многія изъ тѣхъ реформъ, на которыя долгій парламентъ и парламентъ баребонскій потратили столько словъ. Управленіе финансами, поправка, содержаніе дорогъ, положеніе содержавшихся подъ стражею за долги и внутреннее управленіе тюремъ все было установлено въ видахъ добраго порядка. Дуэли были запрещены. Новый уставъ, тщательно обработанный, ввелъ въ разумныя и гуманныя границы судебную расправу. Христіанскія проповѣди и разумное управленіе приходами были поощрены. Улучшены школы и положеніе школьныхъ учителей, а 12-го апрѣля 1665 г. было наконецъ издано повелѣніе о присоединеніи Шотландіи къ Англіи.

Внѣшняя политика Кромвеля была болѣе чѣмъ блестяща. Чтобы не возвращаться болѣе къ ней, мы позволимъ себѣ вкратцѣ сразу охарактеризовать ее. Она была преисполнена національнаго достоинства. Передъ величіемъ генія протектора принуждена была склониться сама Европа. Сначала она признала его въ санѣ, потомъ невольно подчинилась его руководству. По прошествіи полувѣка, втеченіи котораго Англія едва-ли имѣла болѣе вѣса въ европейской политикѣ, чѣмъ Венеція или Саксонія, она вдругъ сдѣлалась самой грозной державой въ свѣтѣ, предписала Голландіи условія мира, отомстила варварійскимъ пиратамъ за обиды, нанесенныя ими всему христіанскому міру, побѣдила испанцевъ на сушѣ и на морѣ, завладѣла однимъ изъ прекраснѣйшихъ Вестъ-Индскихъ острововъ (Ямайкой) и пріобрѣла на фламандскомъ берегу крѣпость (Дюнкирхенъ), утѣшившую національную гордость за потерю Кале. Она па-

рила на океанѣ. Она шла во главѣ протестантскихъ интересовъ и протестантскаго движенія. Всѣ реформатскія церкви, разсѣянныя по римско-католическимъ королевствамъ, признавали Кромвеля своимъ покровителемъ. Гугеноты Лангедока, пастухи, которые въ своихъ альпійскихъ деревушкахъ проповѣдывали протестантизмъ, древнѣе аугсбургскаго, были обезпечены отъ притѣсненія однимъ лишь страхомъ его великаго имени. Самъ папа принужденъ былъ проповѣдывать гуманность и умѣренность папистскимъ государямъ, ибо голосъ, рѣдко угрожавшій попустому, объявилъ, что, если-бы народу Божію не было оказано снисхожденія,—англійскія пушки загремѣли-бы въ замкѣ св. Ангела...

* *
*

Однако всѣ эти поразительные успѣхи отнюдь не мѣшали Кромвелю ссориться съ парламентомъ и все больше расходиться съ нимъ.

Мнѣ думается, что этотъ споръ протектора съ республиканской партіей имѣетъ большой историческій и даже философскій интересъ. Поэтому мнѣ придется подробнѣе остановиться на немъ.

Мы уже видѣли, что англійская революція преслѣдовала двѣ цѣли: *во-первыхъ*—возстановленіе старыхъ англійскихъ вольностей, сюда надо включить параграфы Великой хартіи и принципы самоуправленія, а *во-вторыхъ*—свободу совѣсти. Къ этому постепенно присоединились пункты радикальной программы: уничтоженіе феодализма, королевской власти, государственной церкви и палаты лордовъ.

Революціоннымъ принципомъ было проведеніе въ жизнь *личнаго* начала. Свобода совѣсти и мысли, книгопечатанія, митинговъ, равноправность всѣхъ передъ закономъ, уничтоженіе привилегій крови и другія требованія радикаловъ—пытались расширить сферу правъ каждаго отдѣльнаго человѣка насчетъ сословнаго или государственнаго начала.

Было время, когда Кромвель несомнѣнно и очевидно сочувствовалъ всѣмъ этимъ принципамъ. Но между Кромвелемъ-полковникомъ парламентской арміи, другомъ Лильборна и Гаррисона, и тѣмъ же Кромвелемъ—лордомъ-протекторомъ Англіи—разница очень существенная. Но къ чему она сводится—къ принципу или формѣ? Главнымъ образомъ къ послѣдней. Онъ прекрасно зналъ, что его упрекаютъ въ деспотизмѣ. Лильборнъ его власть называлъ «новыми цѣпями Англіи». Эти упреки повторялись безпрестанно и были не-

пріятны Кромвелю. Протекторъ постоянно оправдывался, даже въ то время, когда, находясь на вершинѣ могущества и славы, онъ бы могъ прекрасно обойтись и безъ всякихъ оправданій. Всѣ свои деспотическія мѣры Кромвель объясняетъ тревожнымъ положеніемъ государства. Онъ не устаетъ возвращаться къ этому пункту. Было ли оно на самомъ дѣлѣ? Но задать подобный вопросъ—не то же ли самое, что спросить себя: «были ли роялистскіе заговоры? прекратились ли претензіи Карла II? успокоились ли епископалы и паписты? выдумалъ ли Кромвель движенія анабаптистовъ, левеллеровъ, милленаріевъ? вернулась ли Англія сразу къ своему обычному состоянію, или же, напротивъ, революціонная искра тлѣла подъ развалинами прежнихъ учрежденій, готовая ежеминутно разразиться новымъ пожаромъ? чего наконецъ хотѣлъ народъ, самая націи—скораго и праваго суда, покоя и отдыха, или продолженія революціи coute que coute? Стоитъ задать себѣ эти вопросы, чтобы немедленно же получился вотъ какой отвѣтъ: бо́льшая часть произвольныхъ мѣръ лорда-протектора на самомъ дѣлѣ объяснялась ужаснымъ состояніемъ государства, въ которомъ повидимому было забыто самое слово «порядокъ». Не миѣъ и не выдумка Кромвеля — всѣ эти заговоры, этотъ раздоръ партій, готовыхъ ежеминутно, какъ онъ говорилъ, перегрызть другъ друга, эти грабежи и убійства, эти претензіи каждаго маломальски выдающагося человѣка забраться на высшее мѣсто, чтобы немедленно-же перемѣнить все по своему.

Одинаково несомнѣнно, что деспотизмъ Кромвеля объясняется и элементарнѣйшимъ чувствомъ самосохраненія. На самомъ дѣлѣ ему предстояла дилемма: или упрочить свою власть до той степени, когда она станетъ выше всякихъ посягательствъ, или же рано или поздно отправиться на эшафотъ. Казнь Карла была сожженіемъ кораблей. Послѣ нея возвращаться назадъ было невозможно. Примиреніе съ Карломъ II, которое въ идеѣ соблазняло многихъ дипломатовъ, задумавшихъ даже бракосочетаніе младшей дочери протектора, лэди Франциски, съ наслѣдникомъ Стюартовъ,—принадлежало къ области утопій. «Карлъ,—говорилъ Кромвель,—никогда не проститъ мнѣ смерти отца, а если бы онъ простилъ, то былъ бы не достоинъ короны». Чтобы поддерживать свою власть, Кромвелю надо было постоянно усиливать ее. Эта логика была продиктована роковой необходимостью. Вѣдь его власть въ сущности не признавали, ей только подчинялись. При малѣйшей неудачѣ, при малѣйшемъ ослабленіи она разсѣялась бы, какъ дымъ. Протекторъ это прекрасно

понималъ. Онъ видѣлъ, какое громадное, неодолимое преимущество имѣютъ передъ нимъ Стюарты. Это было преимущество традиціи—величайшее изъ преимуществъ по своей интенсивности, упорству, настойчивости. Власть же Кромвеля опиралась лишь на его геній, да на успѣхъ революціи, которую большинство къ этому времени успѣло уже возненавидѣть. Тамъ, гдѣ законному королю достаточно было сказать одно слово, протектору приходилось двигать пятидесятитысячную армію и напрягать всѣ усилія своего генія. Ему не прощалось ничто. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, когда же наконецъ счастливая звѣзда измѣнитъ ему, когда его зарѣжетъ ножъ заговорщика, разобьютъ испанцы, взорвутъ паписты или сектаторы? Это было поистинѣ трагическое положеніе. Кромвель отличался слишкомъ проницательнымъ умомъ, чтобы удовлетвориться внѣшней покорностью и почить на лаврахъ. Онъ прекрасно зналъ, что для него почить на лаврахъ, это очутиться въ Тоуэрѣ, а потомъ—на эшафотѣ. Скрыться въ собственномъ ничтожествѣ было нельзя; для примиренія надо было вернуть все прошлое. Да онъ и не хотѣлъ примиренія!..

Не забудемъ еще династическихъ интересовъ лорда-протектора. По этому поводу Гизо пышно выражается: «вмѣстѣ съ тѣмъ, простирая свое честолюбіе за предѣлы гроба, вслѣдствіе той жажды долговѣчности, которую можно назвать печатью величія, онъ желалъ оставить въ будущемъ своему роду обладаніе властью». Простирать свое честолюбіе за предѣлы гроба Кромвель, какъ геній, имѣлъ конечно полное право и основаніе, но въ данномъ случаѣ онъ выбралъ совсѣмъ скверный путь. Онъ долженъ былъ знать, что за человѣкъ его старшій сынъ Ричардъ, который не только протекторомъ, но и хорошимъ пастухомъ едва ли могъ быть. Но, задумавши такое, ни съ чѣмъ несообразное, дѣло, Кромвель впуталъ себя въ лишнія непріятности съ парламентомъ и далъ вполнѣ основательный поводъ къ безчисленнымъ и даже презрительнымъ упрекамъ. Конечно онъ боялся возвращенія на престолъ Стюартовъ и гибели всего созданнаго имъ, но какое же препятствіе выдвигалъ онъ имъ на пути къ трону въ лицѣ Ричарда? Ставить на мѣсто, полное отвѣтственности, мало умнаго, хотя и въ высокой степени добродушнаго джентльмэна, любившаго впослѣдствіи за стаканомъ хорошаго вина посмѣиваться надъ своимъ «трехдневнымъ» протекторатомъ и съ улыбкой пересматривавшаго подписанныя имъ государственныя бумаги,—значило дѣйствовать въ состояніи полной слѣ-

поты. И здѣсь-то прозорливость и проникновеніе измѣнили Кромвелю, какъ никогда и ни въ чемъ.

Но, спроситъ читатель, разъ Кромвель не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнять своему прошлому, то почему же не остался онъ преданнымъ сыномъ республики, ея охранителемъ, почему не примирился онъ съ диктатурой парламента и не оставилъ власти въ рукахъ республиканской партіи?

Во-первыхъ потому, что такой партіи не было: 200—300 хотя бы умныхъ людей никакой партіи не составляютъ. Нація была настроена монархически. Диктатура парламента дѣйствительно существовала одно время, но почему? По той простой причинѣ, что она опиралась на армію, созданную самимъ же Кромвелемъ. Но парламентъ и армія ужиться не могли и никогда и не уживались. И тотъ, и другая претендовали на первенство. Парламентъ только и думалъ что о распущеніи арміи, что̀ значило открыть свободный путь Стюартамъ, а для Кромвеля и его солдатъ это ничего добраго не предвѣщало.

Это, повторяю, во-первыхъ, но есть еще и во-вторыхъ—гораздо болѣе важное и пожалуй интересное.

«Кромвель—говоритъ Гизо—вовсе не былъ философъ. Онъ дѣйствовалъ не по предварительно обдуманному и систематически расположенному плану, но руководствовался въ дѣлѣ управленія высокимъ инстинктомъ и практическимъ смысломъ человѣка, которому Божій перстъ назначилъ править народомъ». Я полагаю, что Гизо не совсѣмъ правъ. Высокій инстинктъ и практическій смыслъ конечно прекрасныя вещи, но у Кромвеля было и еще нѣчто. Правда, онъ не сочинялъ философскихъ трактатовъ: о систематически-расположенномъ планѣ во время революціи даже смѣшно разговаривать. Но я не сомнѣваюсь, что у Кромвеля было настоящее философское міросозерцаніе и даже цѣлая философія. Она вся изложена въ его рѣчахъ, не въ особенно завидномъ порядкѣ, но достаточно ясно. Санкція этой философіи была различная: вѣра въ Промыселъ, управляющій судьбами людей, *и необходимость жизни.*

Первая посылка Кромвеля гласила: въ основаніи всякаго права лежитъ сила; проще: сила есть право. Это не такъ страшно, какъ кажется съ перваго взгляда. Попробуемъ объясниться. Все живетъ, потому что имѣетъ достаточно основанія, т. е. достаточно внутренней силы для жизни. Любой лепестокъ долженъ погибнуть безъ этой внутренней силы. Онъ пожелтѣетъ, завянетъ и упадетъ, по-

винуясь роковому приговору справедливой природы. Но лепестокъ живетъ не только потому, что у него есть внутренняя сила (хотя бы способность производить необходимый обмѣнъ веществъ), онъ живетъ математически до той минуты, пока сила не израсходована. Ни мгновеніемъ больше, ни мгновеніемъ меньше, ибо откуда взять недостающее мгновеніе, куда дѣть мгновеніе лишнее? Такъ въ природѣ. Въ человѣческой жизни нѣсколько иначе. Никакая традиція не можетъ поддерживать увядшаго лепестка, и онъ долженъ упасть, хотя бы всѣ юристы, всѣ китайскіе мандарины собрались и стали увѣрять, что онъ ни упасть, ни сгнить не можетъ. Вся сила израсходована, лепестокъ зеленѣлъ и желтѣлъ опредѣленное количество мгновеній—о чемъ тутъ разсуждать? Но человѣкъ разсуждаетъ. Никакой историческій опытъ не способенъ научить его той простой истинѣ, что безъ силы нѣтъ жизни и смерть—это итогъ до конца израсходованной силы. Хотите доказательствъ? Откройте любую страницу исторіи и вы найдете ихъ безчисленное множество. Ѣдь все, что существуетъ, было вызвано нѣкогда къ существованію дѣйствительной необходимостью вещей. Каждое учрежденіе, большое или маленькое безразлично, удовлетворяло въ свое время извѣстной потребности. Въ этомъ то и заключалась ихъ сила. Это и давало имъ право на бытіе. Но прошли вѣка, создавшіе для всѣхъ этихъ учрежденій пурпурную и торжественную мантію традиціи. Подъ ея покровомъ они чувствуютъ себя какъ нельзя лучше, въ полной безопасности и съ полнотой душевнаго спокойствія. Они все еще сильны, такъ какъ способны вдохновлять своихъ сторонниковъ, и въ умахъ людей сложилась мысль о ихъ безусловной, пожалуй вѣчной необходимости. Но гдѣ тѣ потребности, тѣ задачи жизни, которымъ удовлетворяли нѣкогда папство, католицизмъ, рыцарство? Потребности исчезли, остались лишь формы общественной организаціи. Что онѣ такое? Пурпурная торжественная мантія, одинаково способная прикрывать и Цезаря, и Ромула Августула.

Выводъ изъ этого простъ и ясенъ. Чтобы обезпечить за собой извѣстное право, человѣкъ прежде всего долженъ обезпечить за собой извѣстную силу. Кромвелю говорили о народовластіи: «прекрасно,—отвѣчалъ онъ,—но способенъ ли народъ властвовать надъ собой?» Ему говорили о диктатурѣ парламента. «На что̀ можетъ опереться парламентъ?»—спрашивалъ онъ.

Между тѣмъ на сторонѣ арміи и его самого была дѣйствительная сила. Грубая, физическая сила! скажетъ читатель... и ошибется.

Ничего ни грубаго, ничего физическаго—по крайней мѣрѣ на первомъ планѣ.

Кромвель постоянно говоритъ намъ о Провидѣніи, о его путяхъ, о томъ, что онъ самъ избранъ для осуществленія воли Промысла. Въ семнадцатомъ вѣкѣ—это совсѣмъ не были метафоры. Мы кромѣ того не имѣемъ рѣшительно никакого основанія предполагать, что Кромвель лицемѣрилъ. Нельзя же во всемъ, чему только мы не съумѣемъ найти отклика въ своей собственной душѣ,—видѣть ложь и полагать, что при помощи лжи можно достигнуть въ жизни чего нибудь великаго! Пусть же теперь читатель припомнитъ, какъ объяснялъ Кромвель побѣды свои и арміи. Онъ искренне вѣрилъ, что путемъ этихъ побѣдъ Промыселъ осуществлялъ свои предначертанія. Въ концѣ концовъ побѣда сосредоточилась въ его рукахъ. Такова воля Провидѣнія. Оно дало нужныя для побѣды силы. Оно посрамило враговъ. Оно не разъ обращало въ бѣгство непріятеля, втрое сильнѣйшаго. Оно наконецъ постоянно защищало эту грудь отъ ранъ—даже царапинъ въ безчисленныхъ кровопролитныхъ стычкахъ. О какомъ еще правѣ надо разсуждать? Давая побѣду, не можетъ же Промыселъ отнимать плоды ея?..

Кромвель вѣрилъ въ свое призваніе, въ свое предназначеніе. Вотъ верховная санкція всѣхъ его правъ, а совсѣмъ не 42 пункта парламентскаго акта, утверждавшаго его протекторатъ. Акты мѣняются, одинъ уничтожаетъ другой; но есть и нѣчто неизмѣнное: это Промыселъ. Довѣрившись ему, человѣкъ можетъ не обращать вниманія на все остальное. Сила есть право. Но эта сила дана отъ Бога. Это не иллюзія, это громадный жизненный фактъ, подтверждаемый безчисленными побѣдами...

Республиканцы-идеологи могли опираться на требованія чистаго разума. Кромвель предпочиталъ опираться на необходимость жизни. Разногласіе принципіальное и даже философское.

Необходимость жизни—второй важный пунктъ міросозерцанія Кромвеля. Ни на минуту не исчезаетъ онъ изъ его помысловъ. Вы сотни разъ встрѣчаете его повтореніе въ рѣчахъ, письмахъ и разговорахъ. Разъ ему пришлось пререкаться съ однимъ изъ самыхъ упорныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тупоголовыхъ республиканцевъ, съ Лудло.

Кромвель. Скажите же пожалуйста, чего вамъ нужно? Не всякій ли имѣетъ право быть добрымъ настолько, насколько хочетъ? Чего же еще можете вы желать?

Лудло. Нетрудно опредѣлить, чего намъ нужно.

Кромвель. Скажите же мнѣ, что именно?

Лудло. Намъ нужно то, изъ за чего мы бились: чтобы нація была управляема съ ея согласія.

Кромвель. Я столько же, сколько всякій другой, стою за этотъ образъ правленія. *Но гдѣ это согласіе націи?* У пресвитеріанъ, индепендентовъ или анабаптистовъ?

Протекторъ могъ бы спросить еще: гдѣ самая нація?

Любопытна также въ этомъ отношеніи его рѣчь о войнѣ съ Испаніей. Онъ ежеминутно возвращается къ той мысли, что эта война необходима по самой сущности вещей. Онъ сознаетъ всю важность этой идеи, но у него не достаетъ силы, чтобы хорошо оформулировать ее. И онъ повторяетъ ее десятки, сотни разъ на тотъ или другой ладъ, въ той или другой формѣ. А между тѣмъ мысль его очень проста. Онъ хочетъ сказать, что можно воевать (какъ и вообще поступать въ жизни) по *иллюзіи*, по общественному самолюбію, по собственному неправильно понятому интересу. «Вы въ войнѣ съ Испаніей—говорилъ онъ.—Мы втянули васъ въ эту войну *по необходимости—оправдательная причина для дѣйствій человѣческихъ, стоящая выше всѣхъ писанныхъ законовъ*... Испанецъ—вашъ величайшій врагъ, врагъ *естественный*, и какъ бы указанный Провидѣніемъ, потому что онъ воплощенный папизмъ... Нѣтъ средства ни добиться отъ Испаніи удовлетворенія, ни обезпечить себя отъ нея. Мы требовали отъ нея для нашихъ купцовъ только дозволенія имѣть въ карманѣ библію и молиться по ихъ вѣрѣ... но нечего ждать отъ испанца свободы совѣсти (первая причина *естественной* и *необходимой* вражды)... Намѣреніе Испаніи захватить въ свои руки господство надъ всѣмъ міромъ; къ основанію этого намѣренія она видитъ въ насъ, въ нашей націи, самыя сильныя препятствія!.. Если вы заключили миръ съ государствомъ папистовъ, вы съ нимъ и въ союзѣ, и не въ союзѣ, потому что миръ продолжается только до тѣхъ поръ, пока папа не сказалъ: аминь»...

Но разъ человѣкъ опирается на необходимость жизни, то онъ долженъ и для нея находить высшую санкцію. И здѣсь она давалась Кромвелю религіей. «Онъ вѣрилъ,—говоритъ Карлейль,—что Богъ, а не дьяволъ управляетъ міромъ. Онъ вѣрилъ, что высшая справедливость должна быть воплощена въ жизни и что все идетъ къ этому путемъ усилій, путемъ борьбы... Хорошо быть въ этой борьбѣ на

сторонѣ Бога, слишкомъ нехорошо—на сторонѣ Вельзевула»... Оттого то фактъ и имѣлъ въ его глазахъ такое громадное значеніе. Въ *немъ* Промыселъ даетъ свои указанія человѣку.

* *
*

Съ спокойной совѣстью буду я излагать теперь дальнѣйшія событія протектората Кромвеля. Читатель можетъ составить себѣ самостоятельное представленіе о его деспотизмѣ. Но вотъ между прочимъ слова Гизо, сказанныя какъ разъ по этому поводу:

„Немного найдется деспотовъ, которые до такой бы степени, какъ Кромвель, сдерживали себя въ предѣлахъ дѣйствительной необходимости и предоставляли уму человѣческому столько свободы мысли. Одинъ изъ пороковъ узурпированной абсолютной власти состоитъ въ томъ, что она для собственнаго существованія принуждена поддерживать и усиливать въ обществѣ опасеніе тѣхъ золъ, отъ которыхъ сама обѣщаетъ избавить его. Кромвель можетъ быть меньше всѣхъ другихъ великихъ деспотовъ прибѣгалъ къ этой лжи, потому что его кратковременный деспотизмъ произошелъ отъ ясныхъ и естественныхъ причинъ, и самъ онъ не разъ пытался преобразовать его въ умѣренное правленіе“.

Теперь факты.

«Планъ Кромвеля,—говоритъ Маколей,—съ самаго начала имѣлъ значительное сходство съ древней англійской конституціей, но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ счелъ возможнымъ пойти далѣе и возстановить почти всѣ части прежней системы подъ новыми названіями и формами. Титулъ короля не былъ возобновленъ, но королевскіе прерогативы были ввѣрены лорду верховному протектору. Государь былъ названъ не величествомъ, а высочествомъ. Онъ не былъ коронованъ и помазанъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, но былъ торжественно возведенъ на престолъ, препоясанъ государственнымъ мечомъ, облаченъ багряницей и надѣленъ драгоцѣнной библіей въ Вестминстерскомъ залѣ. Его санъ не былъ объявленъ наслѣдственнымъ, но ему было дозволено назначить преемника, и никто не могъ сомнѣваться, что онъ назначитъ сына».

Палата общинъ была необходимой частью государственнаго устройства. Въ учрежденіи этого собранія протекторъ обнаружилъ мудрость и политическій смыслъ, которые не были, какъ слѣдуетъ, оцѣнены его современниками. Недостатки древней представительной системы, хотя вовсе не такіе важные, какими они сдѣлались впослѣдствіи, уже замѣчались людьми дальновидными. Кромвель преобразовалъ эту систему на слѣдующихъ основаніяхъ: маленькіе города

были лишены привилегій, число же членовъ за графства было увеличено. Очень немногіе города безъ представительства успѣли до того времени пріобрѣсти важное значеніе. Изъ этихъ городовъ самыми видными были: Манчестеръ, Лидсъ и Галифаксъ. Представители были даны всѣмъ тремъ. Прибавлено было число членовъ за столицу. Избирательное право было поставлено такъ, что всякій достаточный человѣкъ, владѣлъ ли онъ поземельной собственностью, или нѣтъ, могъ вотировать за графство, въ которомъ жилъ. Нѣсколько шотландцевъ и нѣсколько колонистовъ англичанъ, поселившихся въ Ирландіи, были приглашены въ собраніе, долженствовавшее издавать законъ для всѣхъ частей Британскихъ острововъ.

Въ реформахъ Кромвеля заключается конечно зародышъ всѣхъ послѣдующихъ преобразованій въ области избирательнаго права. Но дѣйствовалъ онъ болѣе, чѣмъ осмотрительно: онъ не только не уничтожилъ ценза, но даже не уменьшилъ его. Съ другой стороны исторія выборовъ во всѣ его парламенты часто возмущала людей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія права. Выборы эти всегда производились подъ сильнымъ административнымъ давленіемъ, и протекторъ никогда не стѣснялся прибѣгать къ самымъ экстраординарнымъ мѣрамъ, чтобы обезопасить себя отъ короля или протеста парламента. Такъ, однажды напр. 102 депутата, хотя и избранные совершенно правильно, не получили доступа въ залу засѣданія, такъ какъ Кромвель не счелъ ихъ удобными для себя. Онъ слишкомъ скоро убѣдился, что ненавидимый и роялистами, и пресвитеріанами, онъ могъ быть безопаснымъ не иначе, какъ будучи абсолютнымъ. Первая палата общинъ, какую народъ избралъ по его приказанію, заподозрила законность его авторитета и была распущена, не успѣвши издать ни одного акта. Вторая признала его протекторомъ и охотно сдѣлала-бы королемъ, но упорно отказывалась признать его новыхъ лордовъ. Ему не оставалось ничего болѣе, какъ распустить и ее. «Богъ,—воскликнулъ онъ при разставаніи,—да будетъ судьею между мной и вами!»

Въ тщетныхъ попыткахъ обезопаситъ свою власть отъ всякихъ поползновеній, Кромвель настойчиво искалъ для нея такихъ опоръ, которыя не исходили бы прямо изъ его личнаго величія и генія. Оттого-то такъ настойчиво уподоблялъ онъ себя королю, гдѣ только это было возможно; оттого-то задумалъ онъ возстановить палату лордовъ. Это было очень трудное дѣло. Кромвель засталъ уже существовавшее дворянство, богатое, весьма уважаемое и настолько по-

пулярное между другими классами, насколько какое нибудь дворянство когда либо бывало. Если бы онъ, какъ король Англіи, повелѣлъ пэрамъ собраться въ парламентъ, согласно древнему обычаю государства, многіе изъ нихъ безъ сомнѣнія повиновались бы призыву. Но этого онъ не могъ сдѣлать. Онъ только предложилъ главамъ знаменитыхъ фамилій занять мѣста въ своемъ новомъ сенатѣ. Тѣ отказались. Съ ихъ точки зрѣнія согласіе было бы равносильно униженію достоинства, какъ своего, такъ и родового. Они тоже спрашивали ежеминутно: «Ваши полномочія, Ваше Высочество. Покажите намъ ихъ!» Протекторъ поэтому былъ принужденъ наполнить свою верхнюю палату новыми людьми, успѣвшими втеченіи послѣднихъ смутныхъ временъ обратить на себя вниманіе. Это было наименѣе удачное изъ его предпріятій, непонравившееся всѣмъ партіямъ. Левеллеры гнѣвались на него за учрежденіе привилегированнаго класса. Толпа, питавшая уваженіе къ великимъ историческимъ планамъ, безъ удержу смѣялась надъ палатой лордовъ, въ которой засѣдали счастливые башмачники и извозчики, куда были приглашены немногіе дворяне, и отъ которой всѣ старинные пэры отворачивались съ презрѣніемъ.

Въ палатѣ лордовъ Кромвель между прочимъ хотѣлъ найти противовѣсъ нижней. Та — какъ бы она ни избиралась — очевидно была непримирима. Чтобы успокоивать ее, Кромвелю постоянно приходилось прибѣгать къ самымъ экстраординарнымъ мѣрамъ. Онѣ были ему непріятны, онъ страдалъ отъ нихъ. Не помогутъ ли лорды? Но—увы—лордовъ не было: были одни parvenus, возбуждавшіе иронію и злобу своими громкими титулами. «Я не хочу,—сказалъ графъ Варвикъ,—сидѣть рядомъ съ сапожникомъ Гьютономъ». Ждали съ любопытствомъ, что сдѣлаетъ Артуръ Гаслертъ, котораго протекторъ назначилъ членомъ верхней палаты. Онъ не явился, скрывался нѣсколько дней, а затѣмъ неожиданно пришелъ въ палату общинъ и просилъ допустить его къ присягѣ. Не рѣшались принять его; сэръ Артуръ упорно настаивалъ. «Я былъ избранъ народомъ для засѣданія здѣсь; я охотно дамъ присягу; я буду вѣренъ особѣ милорда-протектора. Я не хочу никого убивать». Онъ былъ принятъ и тотчасъ же занялъ мѣсто во главѣ оппозиціи.

Это—одинъ изъ образчиковъ безсчисленныхъ распрей и ссоръ, происходившихъ у протектора съ парламентомъ. Однако энергія его администраціи не мало не ослаблялась ими. Тѣ же солдаты, которые ни за что не позволили бы ему принять королевскій титулъ,

поддерживали его, когда онъ отваживался на такія насильственныя мѣры, на какія никогда не покушался ни одинъ англійскій король. Правленіе поэтому, съ виду бывшее республикой, въ сущности было деспотизмомъ, умѣрявшимся только мудростью, выдержанностью и великодушіемъ деспота. Знаменитый принципъ, что «Англія управляется сама собой», былъ совершенно забытъ. Страна была раздѣлена на военные округи. Эти округа находились подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ. Всякое мятежное движеніе немедленно подавлялось и наказывалось. Страхъ, внушенный могуществомъ меча, находившагося въ такой сильной, твердой и опытной рукѣ, укротилъ духъ и кавалеровъ, и левеллеровъ. Предлагали защищать старыя вольности Англіи. Но всякій понималъ, что въ данную минуту это было бы безуміемъ. Нельзя ничего было сдѣлать даже путемъ заговоровъ: полиція протектора была хороша, бдительность его была неослабна, и когда онъ появлялся внѣ предѣловъ своего дворца, обнаженные мечи и кирасы вѣрныхъ тѣлохранителей окружали его плотно со всѣхъ сторонъ.

«Будь онъ—говоритъ Маколей—жестокимъ, своевольнымъ и хищнымъ государемъ, нація могла бы почерпнуть отвагу въ отчаяніи и сдѣлать судорожное усиліе освободиться отъ военнаго деспотизма. Но тягости, какія терпѣла страна, хотя и возбуждали серьезное неудовольствіе, однако вовсе не были такими, которыя побуждаютъ огромныя массы людей ставить на карту жизнь, имущество и семейное благосостояніе противъ страшнаго неравенства силъ. Налоги, правда болѣе тяжкіе, чѣмъ при Стюартахъ, были не тяжелы въ сравненіи съ налогами сосѣднихъ государствъ и ресурсами Англіи. Собственность была безопасна. Даже кавалеръ, удерживавшійся отъ нарушенія новаго порядка, наслаждался въ мирѣ всѣмъ, что оставили ему гражданскія смуты. Уничтоженные долгимъ парламентомъ послѣдніе слѣды крѣпостничества конечно не возобновлялись. Отправленіе правосудія между частными лицами совершалось съ точностью и безукоризненностью, дотолѣ неслыханными. Ни при одномъ англійскомъ правительствѣ со временъ реформаціи не было такъ мало религіозныхъ преслѣдованій»...

Но это слишкомъ важный пунктъ, чтобы говорить о немъ мимоходомъ.

Всякій желалъ бы конечно, чтобы этихъ религіозныхъ преслѣдованій не было совершенно. Къ сожалѣнію ничто не распространяется такъ медленно, какъ вѣротерпимость. Если мы спросимъ себя,

кто въ описываемую нами эпоху былъ искренне и дѣйствительно на сторонѣ свободы совѣсти, то во всей Англіи едва ли насчитаемъ десятокъ-другой человѣкъ. Кромвеля надо поставить во главѣ ихъ. Но и ему приходилось дѣлать уступки духу времени, и ему надо было казнить и вѣшать, чтобы не разойтись съ тѣми, кто былъ опорой его власти, его жизни. Католиковъ ненавидѣли, и *теперь* болѣе, чѣмъ когда нибудь. Историческіе и политическіе мотивы присоединились къ мотивамъ религіознымъ. Даже такіе люди, какъ Мильтонъ, раздѣляли эту ненависть: стоитъ лишь припомнить, съ какимъ грознымъ негодованіемъ, какой злобой и местью говоритъ онъ о папизмѣ. Папизмъ—порожденіе дьявола. Это одинъ изъ догматовъ англійскаго міросозерцанія половины XVII вѣка, быть можетъ самый упорный и настойчивый. И послѣ Кромвеля онъ продержался еще болѣе 160 лѣтъ, и позорное пятно англійской конституціи Test-Act, запрещавшій католическимъ подданнымъ Британскаго Величества занимать какія бы то ни было государственныя или общественныя должности, былъ уничтоженъ лишь въ 1824 году!.. Полной вѣротерпимости *не могло* быть и при протекторѣ. Но въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ все возможное. Основнымъ государственнымъ началомъ было провозглашено, что католики и епископалы нетерпимы. Богослуженіе и пропаганда были конечно безусловно воспрещены имъ. Были даже преслѣдованія. Въ іюнѣ 1654 года напр. одинъ бѣдный католическій священникъ, тридцать-семь лѣтъ передъ тѣмъ изгнанный за свое званіе, рѣшился вернуться въ Англію, но былъ схваченъ сонный съ постели и отправленъ въ Лондонъ, гдѣ его судили, приговорили и повѣсили. Но Кромвель дѣлалъ не мало усилій, чтобы избѣгать подобной жестокости; онъ желалъ, чтобы преслѣдуемые давали ему возможность уклониться отъ нея, соблюдая наружное приличіе. Но когда ихъ горячая вѣра или энергическій характеръ отвергали эти маленькія слабости, тогда онъ, не колеблясь, предавалъ ихъ всей строгости законовъ. Однако и тутъ надо отдать справедливость Кромвелю: преслѣдованія при немъ были, но не было инквизиціи, не было безпутнаго вторженія въ чужую человѣческую душу, преднамѣренное выискиваніе жертвъ для костровъ и висѣлицы. Стоило не быть энтузіастомъ, чтобы спокойно исповѣдывать какую угодно вѣру. Свобода культа правда была ограниченная, и въ 1655 году 24 ноября епископаламъ было запрещено находиться при частныхъ семействахъ въ качествѣ духовниковъ и наставниковъ, какъ это часто бывало.

До драгонадъ къ счастью дѣло не доходило, хотя, кромѣ Кромвеля, кто же могъ помѣшать имъ? Многіе и многіе изъ его партіи навѣрное были бы въ восторгѣ отъ такого радикальнаго искорененія папизма.

Сектаторовъ, анабаптистовъ, милленаріевъ, квакеровъ—Кромвель не преслѣдовалъ совсѣмъ, развѣ на политической почвѣ. Мало того, онъ рѣшился привлечь къ себѣ другой классъ людей, всѣми гонимый и презираемый. Это были евреи. Кромвель, не давая имъ публичнаго права гражданства, котораго они домогались, дозволилъ нѣкоторымъ изъ нихъ жить въ Лондонѣ. Они выстроили тамъ синагогу, пріобрѣли участокъ земли для кладбища и тихомолкомъ образовали родъ корпораціи, преданной протектору, терпимость котораго служила единственной гарантіей ихъ безопасности.

* *
*

Послѣ распущенія послѣдняго своего парламента (4-го февраля 1652 г.), сдѣлавшаго было попытку ограничить его самовластіе, и послѣ удачной войны съ Испаніей въ Индіи и Европѣ, Кромвель достигъ высшей степени могущества; онъ пользовался огромнымъ значеніемъ въ Европѣ и высшимъ авторитетомъ въ Британіи... Но—странная иронія судьбы—чѣмъ выше поднимался онъ по ступенямъ славы и могущества, тѣмъ все болѣе и болѣе становился одинокимъ. Отъ него отвертывались его старые боевые товарищи, которые служили подъ его начальствомъ, когда онъ былъ еще простымъ капитаномъ: они не могли понять, въ чемъ тутъ можетъ заключаться преступленіе, если палату, состоящую не изъ лордовъ, не называть палатою лордовъ. Но Кромвель требовалъ безусловнаго повиновенія. Республиканскіе и анабаптисткія мнѣнія затрогивали его власть въ самомъ корнѣ, онъ не хотѣлъ терпѣть ихъ по крайней мѣрѣ въ арміи. «Я служилъ ему пятнадцать лѣтъ,—говорилъ послѣ смерти его Паккеръ, суровый и честный офицеръ-республиканецъ,—съ той поры, какъ онъ самъ командовалъ еще кавалерійскимъ эскадрономъ, до момента его высшей власти; я семь лѣтъ командовалъ полкомъ и теперь однимъ дыханіемъ его, безъ всякаго суда, я выброшенъ вонъ. Я лишился не только мѣста, но и стараго лагернаго и боевого товарища, и пять подчиненныхъ мнѣ капитановъ, все честные люди, были исключены вмѣстѣ со мной за то, что не хотѣли сказать, что у насъ есть палата лордовъ».

Недовольные офицеры задумали даже заговоръ и пытались собраться возлѣ находившагося въ немилости Ламберта—тоже

когда то товарища и друга Кромвеля. Полковникъ Гетчинсонъ узналъ объ этомъ. Искренній христіанинъ и республиканецъ, онъ со времени изгнанія Долгаго парламента оставилъ армію и политику: его возмущала тиранія Кромвеля, но еще больше возмущала тиранія злой, безумной посредственности, которая хотѣла занять его мѣсто. «Кромвель,—говоритъ его жена,—былъ смѣлъ и великъ, а Ламбертъ—только полонъ глупаго и нестерпимаго тщеславія». Гетчинсонъ предупредилъ протектора и заговоръ былъ потушенъ въ самомъ началѣ.

На его мѣсто возникъ немедленно другой.

Несмотря на всю классическую скупость испанскаго двора и собственную вялость, Карлъ II собралъ наконецъ на берегахъ испанскихъ Нидерландовъ небольшой корпусъ войскъ: нанято было нѣсколько транспортныхъ судовъ; слухи о близкой экспедиціи получили нѣкоторую основательность; англійскіе роялисты съ жаромъ просили о ней, обѣщаясь возстать всей массой. Роялистскія движенія появились сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на сѣверѣ, югѣ, западѣ, въ самомъ Лондонѣ. Но—звѣзда и теперь не измѣнила Кромвелю—между заговорщиками оказался измѣнникъ. Надзоръ и репрессаліи усилились. Никогда тюрьмы не были такъ переполнены: число заключенныхъ за политическія преступленія простиралось до 12 т. человѣкъ! Начался судъ въ особой коммиссіи—настоящемъ революціонномъ трибуналѣ, гдѣ чувство самосохраненія замѣняетъ всѣ законы и диктуетъ всѣ мѣры.

Эти заговоры заставляли задумываться. Общество, все, цѣликомъ, не замедлило дать почувствовать Кромвелю все свое неудовольствіе за ссоры съ парламентомъ. Протекторъ требовалъ у муниципальнаго совѣта ссуды, но Сити, которая всегда доставляла деньги парламенту, нашла ихъ для Кромвеля такъ-же мало, какъ нѣкогда для Карла I. Дѣло дошло даже до задержекъ въ уплатѣ пошлинъ, утвержденныхъ въ послѣднюю сессію. На какой же успѣхъ можно было разсчитывать при взиманіи податей, никѣмъ и никогда не утвержденныхъ?

Будущее въ такихъ обстоятельствахъ не предвѣщало ничего добраго. Большинство сторонниковъ Кромвеля уже настойчиво задавали себѣ вопросъ, формулированный его-же сыномъ Генри: «не зависитъ-ли все отъ одной только личности отца, отъ его искусства, отъ привязанности къ нему арміи, и не возгорится ли кровавая война, разъ его не будетъ?»

Но и эта единственная опора была уже надломлена. Одно изъ близкихъ къ Кромвелю лицъ старается доказать, что попытка управлять государствомъ безъ парламента надорвала его жизненныя силы. Несомнѣнно, что неудача его плановъ вызвала въ немъ болѣзненное возбужденіе. Онъ по цѣлымъ недѣлямъ переставалъ показываться даже въ кругу своей семьи.

А вѣдь онъ любилъ ее и прежде все свое время проводилъ съ нею.

Семейство Кромвеля было центромъ и главнымъ элементомъ его двора. Онъ вызвалъ въ Лондонъ сына Ричарда и сдѣлалъ его членомъ парламента, тайнымъ совѣтникомъ и членомъ Оксфордскаго университета. Второй сынъ его, Генри, управлялъ Ирландіей и часто навѣщалъ отца. Зять его, Джонъ Клейполь, былъ человѣкъ аристократическихъ нравовъ, любившій удовольствія роскошной жизни, бывшій также, какъ и самъ Ричардъ—будущій протекторъ, въ короткихъ отношеніяхъ со многими кавалерами. По выходѣ замужъ послѣднихъ двухъ дочерей Кромвеля за лорда Оральконбриджа и Рича вокругъ него собрались четыре юныя семейства, богатыя, стремившіяся наслаждаться и услаждать приближенныхъ людей блескомъ своей жизни.

Самъ Кромвель любилъ общественное движеніе, блестящія собранія, особенно музыку, и находилъ удовольствіе, привлекая къ себѣ артистовъ. Вокругъ дочерей его образовался дворъ многолюдный и одушевленный. Только одна изъ нихъ, лэди Флитвудъ, пламенная и строгая республиканка, мало принимала участія въ этихъ пирахъ и скорбѣла о «монархическомъ» и свѣтскомъ увлеченіи, которое преобладало, какъ въ домѣ, такъ и въ политикѣ протектора.

Но все это было и прошло. Кромвель сталъ мраченъ, сталъ избѣгать людей. Въ немъ развилась мучительная подозрительность, не дававшая ему покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ постоянно былъ вооруженъ и имѣлъ на себѣ латы; выѣзжая, бралъ съ собою въ карету нѣсколько человѣкъ и окружалъ себя конвоемъ; ѣздилъ очень скоро, часто измѣнялъ направленіе и никогда не возвращался домой той же дорогой, по какой ѣхалъ изъ дому. Въ Уайтгаллѣ у него было нѣсколько спаленъ и въ каждой изъ нихъ—потайная дверь. Онъ выбралъ изъ своей кавалеріи 160 человѣкъ, вполнѣ ему извѣстныхъ, назначилъ имъ офицерское жалованье и образовалъ изъ нихъ 8 взводовъ, которые по двое постоянно составляли вокругъ него охранную стражу. Та ясность и самостоятельность ума, та страстность и смѣлость чувства, которыя были такъ привлекательны въ Кромвелѣ, повидимому совершенно исчезли.

Вокругъ него тѣснились уже призраки смерти.

Въ 1654 г. онъ лишился своей матери, Елизаветы Стюартъ, женщины умной и доброй, къ которой онъ постоянно питалъ и выражалъ глубочайшее уваженіе. Она не довѣряла положенію сына и дѣлила съ нимъ его величіе не иначе, какъ съ чувствомъ скромности и даже сожалѣнія о прежней тихой деревенской жизни! Онъ съ трудомъ убѣдилъ ее поселиться во дворцѣ: она жила тамъ въ непрерывной тревогѣ, каждый день ожидая какой нибудь катастрофы и вскрикивая всякій разъ, когда слышала выстрѣлъ: «убиваютъ моего сына!»... Зимою 1658 г. дочь Кромвеля Франциска въ концѣ третьяго мѣсяца замужества лишилась мужа Роберта Рича, которому было не болѣе 23-хъ лѣтъ. Спустя три мѣсяца умеръ графъ Варвикъ, близкій другъ Кромвеля. Едва прошло затѣмъ нѣсколько недѣль, какъ новый, еще жесточайшій ударъ уже готовился поразить его. Его любимая дочь лэди Клейполь уже давно слабѣла и страдала: она поселилась въ отдаленномъ дворцѣ, чтобы тамъ пользоваться воздухомъ и деревенскимъ спокойствіемъ. Замѣчая, что ей становится все хуже и хуже, Кромвель самъ переѣхалъ туда, чтобы заботиться о ней лично и постоянно.

Часто измученный работами и дрязгами государственной жизни, любилъ онъ отдыхать возлѣ нея—столь чуждой той борьбы, тѣхъ насилій, которыми была уже полна его жизнь. Но это наслажденіе теперь превратилось для него въ горькую печаль: сложная и неопредѣленная болѣзнь лэди Клейполь развивалась быстро, съ ней начались нервные припадки, во время которыхъ она передъ глазами отца то обнаруживала свои жестокія страданія, то не могла сдержать дѣтской тоски и грусти по немъ. Передъ смертью страшныя галлюцинаціи тревожили ее, ей видѣлась окровавленная фигура короля, требующая мщенія.

Сила Кромвеля была сломлена. Онъ пересталъ заниматься государственными дѣлами. Дѣла мірскія, политическіе вопросы, даже интересы самыхъ близкихъ лицъ пропадали у него изъ вида по мѣрѣ того, какъ сходилъ онъ со сцены жизни. Его душа обратилась на самое себя и, приближаясь къ той странѣ, откуда никто не возвращался, задавала себѣ другіе вопросы, а не тѣ, которые волновали людей у его постели. 2-го сентября (1658 г.) послѣ сильнѣйшаго пароксизма, сопровождавшагося бредомъ, онъ пришелъ въ сознаніе, его капелланы сидѣли вокругъ. «Скажите,—обратился онъ къ одному ихъ нихъ,—можетъ ли человѣкъ утерять надежду на милосердіе?»—

«Это невозможно». «Въ такомъ случаѣ я спокоенъ,—сказалъ Кромвель,—потому что разъ испыталъ на себѣ милосердіе». Онъ отвернулся и сталъ молиться вслухъ. «Господи, я—ничтожное созданіе. Ты сдѣлалъ изъ меня орудіе воли Твоей; этотъ народъ желаетъ, чтобы я жилъ: они думаютъ, что имъ отъ того будетъ лучше и что это обратилось бы во славу Твою! Другіе хотятъ, чтобы я умеръ. Господи! Прости имъ всѣмъ и каково-бы ни было Твое Соизволеніе обо мнѣ, ниспошли на нихъ свое благословеніе... Тебѣ-же честь и слава во вѣки вѣковъ... Аминь!..»

3-го сентября была годовщина его побѣдъ при Дунбарѣ и Ворчестрѣ. Этотъ день онъ называлъ счастливымъ. Въ этотъ-же день, въ четвертомъ часу пополудни, онъ былъ уже мертвъ.

КОНЕЦЪ.